

ВЕСТНИК
ЕВРЕЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В МОСКВЕ

№ 1(8)

МОСКВА ИЕРУСАЛИМ
1995 5755

**The publication of this book
was made possible
through the generosity
of the Koret Foundation,
San Francisco**

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ

№ 1(8), 1995

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Социология

- В. СОБКИН. **Ценностные ориентации еврейского подростка: опыт социологического исследования** 4
- Л. АШКИНАЗИ, М. ГАЙНЕР. **Еврейская тема в советской и постсоветской прессе 1990—1994 годов по данным контент-анализа.** 51

История

- М. ГОЛЬДЕЛЬМАН (Иерусалим). **Евреи в этнической истории Хазарии** 61
- Г. АГРАНОВСКИЙ, Р. КОПИЛЕВИЧ (Вильнюс). **Когда российские евреи приняли фамилии?** 80
- Н. РАХМАНОВА (С.-Петербург). **Еврейский вопрос в политике В. К. Плеве** 83
- Л. КРИЧЕВСКИЙ. **Евреи в аппарате ВЧК—ОГПУ в 20-е годы** 104
- В. ИЗМОЗИК (С.-Петербург). **Ф. Э. Дзержинский, ОГПУ и сионизм в середине 20-х годов** 141

Культура

- Е. БИНЕВИЧ (С.-Петербург). **Еврейский театр в Одессе. Очерк второй: начало 1880-х годов** 147
-

Jewish University in Moscow
האוניברסיטה היהודית במוסקבה

МОСКВА   ИЕРУСАЛИМ
1995   5755

- А. БЛЮМ (С.-Петербург). **Цензурные преследования литературы на иврите в СССР в 1920-е годы** 175

ОЧЕРКИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В. ГЕССЕН (С.-Петербург). **И. Н. Винников в 20-е годы XX века: еврейская тема** 186
- Е. МЕЛАМЕД (Житомир). **Из комментария к «Краткой еврейской энциклопедии»** 199

АРХИВ

Публикации

- Сюнизм и Кишиневский погром 1903 года.** *Публикация В. Кель -*
нера 206
- «Объективно создававшаяся экономическая катастрофа». Еврейские местечки в 1920-х годах.** *Публикация В. Хитерер.* 212
- А. НАЙМАН. **Еврейское земледелие на Украине в 1930-е годы** 217
- Р. ЗАЙЧИК.** **Союз «Ахим» («Братья»).** **Фрагменты воспоминаний** 222

РЕЦЕНЗИИ

- А. СТЕПАНСКИЙ. **Историографические проблемы истории российских евреев** 234
- М. ГАММАЛ, Р. КАПЛАНОВ. **Новое о происхождении иврита у караимов Восточной Европы** 242
- Л. АШКИНАЗИ. **Рецензии на книгу: Карасик В. Еврейские периодические издания: Россия, 1960—1994. Тель-Авив, 1994** 247

ХРОНИКА

- М. КУПОВЕЦКИЙ. **Первая всероссийская студенческая конференция по иудаике в Москве** 250
- С. ОРЛЯНСКИЙ. **Еврейская история Юга Украины: история и современность** 253

Редакционная коллегия

М. ГРИНБЕРГ — *председатель*
 М. КУПОВЕЦКИЙ — *главный редактор*
 Р. КАПЛАНОВ — *зам. главного редактора*
 А. ЛИБЕРМАН — *зав. редакцией*
 Г. КАЗОВСКИЙ

В. КЕЛЬНЕР
 А. КОВЕЛЬМАН
 А. ЛОКШИН
 Ш. ШТАМПФЕР
 М. ЧЛЕНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

В. Собкин

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО ПОДРОСТКА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье излагаются результаты социологического опроса, который был проведен сотрудниками Центра социологии образования РАО и Еврейского университета в Москве. В целом исследовательский проект включает в себя проведение цикла социологических, социально-психологических и психосемантических исследований. Он ориентирован на изучение особенностей формирования этнического самосознания подростков разных национальностей, выявление их специфических этнокультурных и социальных ценностей, установок, ожиданий, идеалов.

Подростковый возраст выбран нами не случайно. Как известно, именно в этот возрастной период наиболее остро психологически переживается проблематика личностного и жизненного самоопределения. В этой связи Л. С. Выготский отмечал, что «ключом ко всей проблеме психологического развития подростка является проблема интересов в переходном возрасте» [1, 6]. Именно в этот период происходит существенная перестройка всей структуры потребностей и побуждений ребенка, переоценка ценностей, происходит весьма существенное «расширение его среды». «При этом меняется и среда, т. е. отношение ребенка к среде. Иное начинает интересовать ребенка, иная деятельность возникает у него, и перестраивается сознание ребенка, если сознание понимать как отношение ребенка к среде» [1, 385]. На этом этапе своего культурного развития перед ребенком встает задача овладения новым содержанием, «вместе с переходом к мышлению в понятиях перед подростком раскрывается мир объективного общественного сознания, мир общественной идеологии» [1, 58].

С нашей точки зрения, совершенно особое место в этом процессе начинают играть сюжеты, связанные с национальным самосознанием и этнической самоидентификацией подростка. Однако об этом сегодня можно говорить лишь в принципе, исходя либо из достаточно общих представлений о том, что расширение культурной среды неизбежно замыкает подростковое сознание на формирование отношения к национальной культуре и проблематизирует его этническую самоидентификацию, либо опираясь на опыт житейских представлений, либо, наконец, на опыт собственных переживаний, реконструируя те коллизии, которые возникали у самого исследователя в подростковом возрасте (да и позже) в связи со своей этнической принадлежностью. К сожалению, в целом данная проблематика, по понятным идеологическим причинам, в отечественной психологии и социологии была долгие годы запретной. В результате сегодня мы практически не имеем ни реальной научной фактологии, ни серьезного научного осмысления вопроса об особенностях формирования национального самосознания в России. В этой связи выскажем ряд предварительных общих соображений, определяющих содержательный контекст проведенного социологического исследования, которое, повторимся, является лишь частью исследовательского проекта.

Первое связано с тем, что проблематика этнической самоидентификации, как нам представляется, должна рассматриваться в логике развития тех общих социальных процессов, которые происходят сегодня в России. И здесь, если не касаться аспектов экономической нестабильности и общекультурных тенденций к децентрализации, в первую очередь следует отметить, что социализация современного подростка протекает сегодня в России в ситуации ценностно-нормативной неопределенности. Пожалуй, именно этот момент является центральным. Во многом он аналогичен той ситуации, которую обсуждала М. Мид при характеристике разных типов культур — постфигуративной (где дети учатся у своих предшественников), конфигуративной (где и дети и взрослые учатся у сверстников) и префигуративной (где взрослые учатся также у своих детей). Конечно, это только аналогия. Но вместе с тем именно ситуация ценностно-нормативной неопределенности актуализирует не только для подростков, но и для их родителей проблему поиска оснований собственных жизненных ценностей. В этом отношении нельзя не принимать во

внимание и то обстоятельство, что подавляющее большинство взрослых евреев, проживающих в России, утратили фундаментальные основания собственной национальной культуры. В частности, показателем интенсивной аккультурации может служить то, что по различным данным среди еврейского населения владеют ивритом или идишем не более 4—8% взрослых.

Второе — процесс социализации еврейского подростка протекает в контексте реалий русской культуры. Он живет именно в этой социокультурной реальности. Поэтому при исследовании особенностей формирования его ценностных ориентаций эту реальность необходимо не просто учитывать, а рассматривать как ключевую и определяющую. Между прочим, из этого следует, что в методическом плане содержанием социологического опроса должны выступать именно эти социокультурные реалии, а не отвлеченные понятия о еврействе, о которых чаще всего ни ребенок, ни его родители не имеют каких-либо более или менее отчетливых представлений. Типичный еврейский подросток — это городской житель, родители которого оторваны от своей национальной культуры, не знают языка, в большинстве случаев (по меньшей мере хотя бы один из родителей) имеют высшее образование. В этой связи вполне правомерно предположить, что в своих ценностных установках еврейские подростки будут в большей степени воспроизводить ориентации, характерные для данной социальной страты (дети из семей, чьи родители имеют высшее образование), нежели какие-либо особые характерные национальные моменты.

Правомерность подобного рассуждения отрицать бессмысленно в силу его очевидности. Но тогда встает вопрос: а есть ли вообще проблема какой-либо этнической специфики формирования системы ценностных ориентаций у еврейского подростка в Москве? В чем, собственно говоря, может быть «сухой остаток». В этой связи вернемся еще раз к проблематике ценностных ориентаций подростка в той ее постановке, как это было сделано Л. С. Выготским. Обратим внимание на то, что проблема подросткового возраста разворачивается и определяется им в контексте «отношения ребенка и среды». При этом ключевым понятием выступает понятие «социальной ситуации развития». Следуя этой логике, можно выдвинуть предположение, что действительно не только возможна, но и существует достаточно

своеобразная социокультурная траектория «врастания в жизнь социального целого», «особая жизненная форма», которая оформляется в особый тип и структуру самосознания еврейского подростка. В этом плане принципиально, подчеркнем еще раз, положение Л. С. Выготского о необходимости рассмотрения проблемы именно в *отношении* среды и ребенка. «Можно наметить единицу и для изучения личности и среды. Эта единица в патопсихологии и психологии получила название переживания. Переживание ребенка и есть такая простейшая единица, относительно которой нельзя сказать, что она собой представляет — средовое влияние на ребенка или особенность самого ребенка» [1, 382]. При этом важно, что переживание есть не только отношение к тому или иному моменту действительности, «переживание чего-нибудь», но это и особая «единица сознания». Причем в данной логике возрастной кризис рассматривается как «смена основных переживаний».

Таким образом, проблема особенностей ценностных ориентаций еврейского подростка связана не столько с самим содержанием ценностей, в основном все они лежат в контексте реалий русской культуры, сколько в особом типе переживания тех или иных социокультурных коллизий. И здесь следует заметить, что «тело» русской культуры действительно организовано весьма своеобразно по отношению к «еврейскому вопросу». Причем это проявляется на самых различных уровнях организации социокультурной среды: не только в отношении конфессиональных различий иудаизм — христианство или в многочисленных философских исследованиях (Бердяев, Розанов и др.) или публицистике (Пушкин, Достоевский, Толстой...), — практически трудно найти крупного представителя русской культуры, который так или иначе не касался «еврейского вопроса», — но и на уровне социальной организации (существовавшие в разное время гласные и негласные ограничения для евреев в России), бытового поведения, этностереотипов восприятия и поведения. Отсюда можно сделать вывод, что она во многом предопределяет особый тип переживаний реалий русской жизни еврейским подростком. И это не может не найти отражения в определенном типе формирования ценностных ориентаций.

Наконец, в-третьих, необходимо остановиться на ключевом для нас методологическом принципе организации исследования.

Как мы уже отмечали, сегодня практически отсутствуют какие-либо научные данные об особенностях социализации еврейского подростка в России. Поэтому одна из главных задач проведенного исследования — это попытка собрать эмпирический материал. Вместе с тем понятно, что сколько-нибудь корректно интерпретировать полученный материал мы не сможем вне соотнесения данных о еврейских подростках с ответами русских школьников. Именно в этом соотнесении мы сможем увидеть своеобразие ценностных ориентаций еврейского подростка. Как отмечал М. М. Бахтин, «культура осознает себя на границе». В этом отношении для социологического исследования, ориентированного на изучение типа культурного развития, крайне необходимо сопоставление выборки русских и еврейских подростков. Причем подобное сопоставление важно в равной степени как для понимания специфики ценностных ориентаций еврейских подростков, так и русских. В то же время в интерпретации материала акцент в основном нами будет ставиться на характеристике особенностей еврейских школьников. Это продиктовано темой настоящей статьи.

Несколько слов о самом опросе. Он был проведен весной 1994 г. Всего в социологическом исследовании принимало участие 735 школьников (519 русских и 216 евреев). Опрашивались учащиеся 8—11 классов (возраст 13—17 лет). Исследование проводилось в г. Москве. Все старшеклассники русской национальности являлись учащимися общеобразовательных школ. В связи с тем, что опыт проведения социологических опросов показывает трудность выделения репрезентативной выборки представителей той или иной нерусской национальности, проводилось специальное анкетирование еврейских старшеклассников, которые посещают еврейские национальные школы разного типа (были опрошены ученики следующих еврейских школ г. Москвы: воскресные школы «ТАЛИ» и «Гахлиллит», Московская национальная еврейская средняя общеобразовательная школа № 1311, религиозная национальная еврейская школа Менгалор, педучилище). Отметим, что подобное построение выборки еврейских школьников обусловлено не только технологическими моментами (отбор достаточного числа школьников), но и тем, что, как нам представляется, для понимания особенностей социализации еврейского подростка необходимо выделить именно такую группу, которая включена

в определенные социальные структуры, ориентированные на приобщение к национальной культуре, формирование национальной идентичности. Конечно, наиболее мощным фактором в этом отношении является семья, но, учитывая отмеченную выше высокую степень аккультурации евреев, мы считаем, что для более рельефного выявления тенденций социализации необходимо выделить группу еврейских школьников, которые помимо семьи получают возможности приобщения к национальной культуре. В этом плане школьники, посещающие еврейские школы, наиболее репрезентативны и потому, что они включены в систему национального образования, и потому, что это дети из еврейских семей, где родители ориентированы на приобщение своего ребенка к национальным ценностям.

Специально разработанная анкета включала в себя ряд содержательных блоков, направленных на выявление особенностей отношения старшеклассников к различным сферам жизни — политике, религии, культуре, образованию, национальному вопросу, а также их представлений о ценностях, поведенческих установках, ожиданиях, стремлениях. Каждый блок состоял приблизительно из 10 вопросов как закрытого, так и открытого типа.

В статье излагаются лишь предварительные результаты проведенного исследования. В ней мы рассмотрим отношение подростков к политике, национальным конфликтам и своим жизненным перспективам.

Политические ориентации. В ходе опроса учащихся просили высказать свое мнение о тех принципах, на которых должна основываться государственная внешняя и внутренняя политика, выяснялись их ориентации на поддержку тех или иных политических течений, их оценка конкретных политических событий (октябрьские события 1993 г. в Москве) и политических деятелей.

В своей оценке значимости тех или иных принципов (взаимоотношения с другими государствами; суверенитет в политике, экономике, культуре; территориальная целостность), на которых должна строиться внешняя политика государства, еврейские и русские подростки не обнаруживают никаких сколько-нибудь существенных различий. Как у тех, так и у других большинство признают, что в основе внешней политики должно лежать «стремление к мирному сосуществованию с другими государствами

любой ценой». Этой позиции придерживаются 53,4% евреев и 60,7% русских. (Причем характерно, что с возрастом среди старшеклассников увеличивается число сторонников данного принципа. Так, например, среди русских подростков в возрасте 13—14 лет этот принцип отмечают 54,4%, в 15—16 лет — 62,4%, в 17—18 лет — 69,3%. Та же тенденция и у евреев, соответственно: 58,6%, 69,4%, 65,8%.) Среди тех и других доминирует представление о важности политического, экономического и национально-культурного государственного суверенитета (68,1% евреев и 70,3% русских). С возрастом все большее число школьников считает этот момент крайне важным.

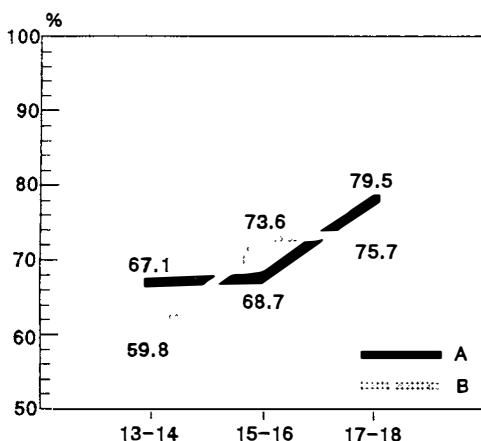

Рис. 1. Возрастная динамика изменения мнений старшеклассников о том, что государственная политика должна строиться на «принципе политического, экономического и национально-культурного суверенитета». График А — русские, график В — евреи.

Общий вопрос о принципах территориальной целостности границ государства также не вызывает разногласий. Так, например, политику, ориентированную на «стремление к расширению своих границ за счет других государств», поддерживают всего 6,0% евреев и 10,6% русских школьников. Среди тех и других практически каждый третий из опрошенных считает, что внешняя политика должна быть ориентирована на «стремление сохранить существующие границы своего государства» (соответственно: 29,2% и 28,5%).

Однако при конкретизации проблемы территориальной целостности государства весьма заметные различия начинают обнаруживаться. Приведем один характерный пример. Поскольку вопрос о территориальной целостности имеет сегодня для России совершенно особое значение и достаточно обострен в связи с распадом СССР, то мы просили школьников более детально охарактеризовать свою точку зрения о том, как должны быть определены государственные границы России.

Таблица 1.

Мнение русских и еврейских старшеклассников о том, как должны быть определены границы России (%)

	Русские	Евреи
по границам Российской империи до 1913 года	26,4	19,9
по границам СССР после Великой Отечественной войны	28,3	14,8
по границам республик СССР, сделав каждую из них суверенным государством	16,2	30,1
по границам республик, входящих в состав РФ	13,3	17,6
по границам, определяющимся как территория той или иной нации или народности, исторически проживавшей на территории бывшего СССР	14,3	13,4

Как видно из представленных в таблице результатов опроса, в данном случае обнаруживаются весьма существенные различия между русскими и еврейскими подростками. Так, среди русских подростков в два раза больше тех, кто склонен определять территорию России по границам СССР; почти каждый третий из них считает, что она должна быть определена по границам Российской империи. В целом же можно сделать вывод, что так или иначе около 60% русских старшеклассников ориентированы на сохранение Российской империи (либо в классическом, либо в советском варианте). Данный факт, как нам кажется, имеет достаточно фундаментальное значение, поскольку он свидетельствует не столько об «имперских установках» обыденного сознания русского подростка, сколько об остроте переживания им распада СССР как национального поражения и унижения. В этой связи следует отметить, что среди еврейских подростков доля

проявляющих подобную установку в два раза меньше. Они в целом более ориентированы на признание произошедших изменений, на трансформацию СССР в СНГ, на поддержку общих тенденций к децентрализации в государственном устройстве России.

Итак, как только мы отходим от оценки достаточно общих принципов и обращаемся к конкретным политическим реалиям, различия в оценках еврейских и русских подростков начинают достаточно отчетливо проявляться. Наиболее существенно они проступают при оценке внутренней национальной политики. Например, оценивая значимость тех или иных принципов внутренней политики, мы обнаруживаем, что относительно поддержки такого общего принципа, как «принцип равноправия всех наций и народностей», между еврейскими и русскими школьниками нет каких-либо заметных расхождений. Считают, что именно на соблюдение этого принципа должна ориентироваться внутренняя государственная политика, 56,3% русских и 56,9% еврейских подростков. Однако подобное сходство лишь внешнее. Более детальный анализ показывает, например, что в возрастном плане оценка значимости этого принципа у русских и еврейских школьников существенно отличается.

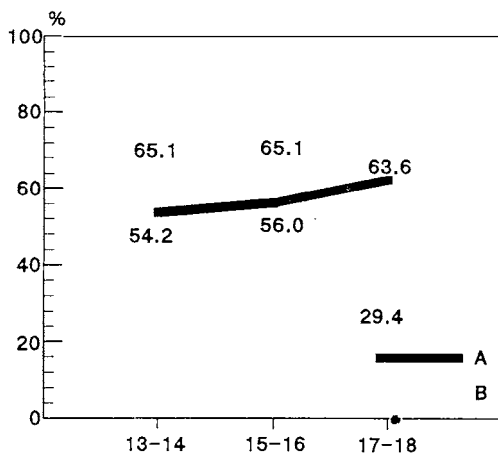

Рис. 2. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских подростков о том, что внутренняя политика государства должна строиться на «принципе равноправия всех наций и народностей». График А — русские, график В — евреи.

Если у русских школьников с возрастом значимость этого идеологического принципа во внутренней политике государства продолжает увеличиваться, то среди еврейских подростков на рубеже перехода от 15—16-летнего возраста к 17—18-летнему этот принцип резко теряет свою значимость. Для них более важным становится иной принцип: «отсутствие правового разграничения населения по национальному признаку». Его отмечают 64,7% еврейских подростков в возрасте 17—18 лет (у русских — 21,6%). Таким образом, для еврейских подростков все более значимым становится именно правовой аспект внутренней национальной политики.

Особенно же ярко различия между русскими и еврейскими подростками проявляются относительно такого принципа, как соблюдение во внутренней политике «принципа примата интересов национального большинства».

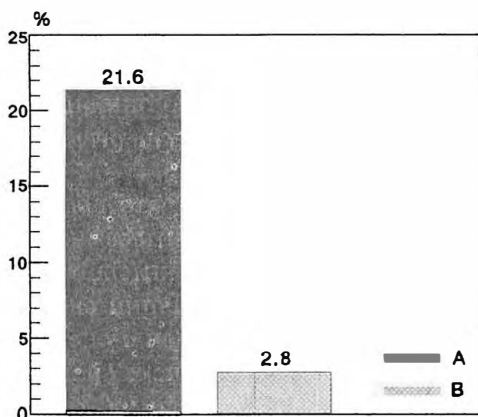

Рис. 3. Мнения русских и еврейских подростков о том, что во внутренней политике государства должен соблюдаться «принцип примата интересов национального большинства» (%). График А — русские, график В — евреи.

Как видно из рисунка, различия разительны: среди русских школьников на порядок больше тех (каждый пятый), кто склонен поддерживать данную точку зрения. Среди же еврейских подростков доминирует иная ориентация. По-видимому, считая достаточно декларативным общий принцип — «равноправие всех

наций и народностей» (по сути, эта идеологема официально была признана в СССР), 37,5% из них считают, что во внутренней политике государства должен быть реализован более конкретный принцип: «принцип отсутствия правового разграничения населения по национальному признаку» (среди русских эту позицию поддерживают в два раза меньше — 20,8%).

Итак, полученные материалы показывают весьма существенные различия между русскими и еврейскими подростками в оценке значимости тех или иных принципов внутренней национальной политики. На полученные данные можно посмотреть и с другой стороны. Во-первых, можно с достаточной уверенностью сказать, что в подростковой среде примерно каждый пятый русский подросток потенциально склонен в межнациональных отношениях проявлять установку (как в оценке внутривнутриполитических событий, так и в бытовом поведении по отношению к представителям других национальностей), ориентирующую его поведение на принадлежность к национальному большинству. Во-вторых, примерно у около 40% еврейских подростков, живущих в России, актуализирована установка на идентификацию себя с национальным меньшинством.

В исследовании особенностей отношения школьников к принципам внутренней государственной политики нас, помимо непосредственно национальной политики, интересовало еще и то, на какие социальные группы и слои должна, по мнению подростков, быть ориентирована внутренняя политика государства. Подобный интерес понятен, поскольку именно в подростковом возрасте актуализируется не только процесс этнической самоидентификации, но и происходит активное самоопределение себя как принадлежащего к определенному социальному слою и группе. Именно в этот период происходит процесс социального самоопределения, формируются первые профессиональные планы подростка.

Первый аспект, который мы здесь исследовали, был связан с выявлением взглядов подростков относительно того, на какие группы населения по уровню их материального положения должна ориентироваться внутренняя политика государства. Следует предварительно заметить, что распределение самооценок школьниками материального положения своей семьи практически не отличается в выборках еврейских и русских подростков. Половина опрошенных считает, что они принадлежат к семьям со

средним доходом. Приблизительно треть учащихся считает, что их родители имеют двойной средний или выше, чем двойной средний, доход. Относят же себя к малообеспеченным лишь 10—13%. Полученные данные показывают, что в целом ориентации в группе еврейских и русских подростков практически схожи. Так, половина (50,9% среди русских и 56,5% среди евреев) считает, что власть в стране должна ориентироваться на людей со средним доходом; около трети (34,1% среди русских и 31,0% среди евреев) считает, что власть должна ориентироваться на людей с минимальным уровнем дохода; и, наконец, лишь незначительная часть (8,7% среди русских и 6,9% среди евреев) считает, что политика должна быть ориентирована на богатых людей. Таким образом, характерным моментом взглядов наших респондентов, независимо от их национальности, является то, что для трети из них существует установка на необходимость осуществления внутренней протекционистской политики по отношению к слабообеспеченным социальным группам.

Второй аспект касался выяснения мнений подростков обеих национальностей относительно того, на интересы каких социально-профессиональных слоев должна ориентироваться власть в стране. И здесь, в отличие от предыдущего вопроса, различия весьма и весьма существенны.

Т а б л и ц а 2.

**Мнения еврейских и русских подростков о том,
на интересы каких социально-профессиональных групп
должна ориентироваться власть в стране (%)**

	Русские	Евреи
рабочий класс	42,8	21,8
сельское население	23,1	10,6
интеллигенция	22,7	39,4
деятели науки и искусства	25,8	30,1
государственные служащие	9,1	3,7
частное предпринимательство	25,4	32,9
другое	7,3	8,4

Как видно из приведенных в таблице данных, среди русских старшеклассников по сравнению с евреями в два раза больше тех,

кто считает, что власть в стране должна ориентироваться на интересы рабочего класса и сельского населения. Среди евреев же заметно сильнее выражена позиция, что государство в своей внутренней политике должно ориентироваться на интересы интеллигенции. Несколько чаще по сравнению со своими русскими сверстниками они также считают, что государство должно ориентироваться на деятелей науки и искусства, предпринимателей.

Представляется интересным проследить, как уровень образования родителей влияет на то, на какие слои населения должна ориентироваться власть в стране, с точки зрения старшеклассников.

Таблица 3.

**Распределение мнений старшеклассников о том
на какие слои населения должна ориентироваться власть в стране,
в зависимости от уровня образования родителей (%)***

	Русские								Евреи							
	мать				отец				мать				отец			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
рабочий класс	50	46	34	27	58	50	34	35	61	19	21	17	57	18	20	15
интеллигенция	19	16	26	28	18	16	29	40	23	33	42	33	43	50	42	40
деятели науки и искусства	18	29	26	28	23	25	26	30	8	33	29	58	21	18	35	27
бизнесмены	21	20	27	23	22	24	31	20	31	48	33	17	36	39	33	32

* Уровни образования родителей:

1 — средняя школа

2 — ПТУ, техникум

3 — институт, университет

4 — степень кандидата или доктора наук

Приведенные в таблице данные позволяют зафиксировать явную зависимость ориентаций школьников на принцип поддержки интересов рабочего класса со стороны государства в зависимости от уровня образования родителей. Чем ниже уровень образования родителей, тем выше процент школьников, ориентирующихся на этот принцип. Причем эта тенденция с незначительными нюансами прослеживается как среди русских, так и среди еврейских подростков.

Ориентации школьников на поддержку государством других социальных слоев имеют более сложный характер. Так, например, в русской выборке мнение относительно поддержки государством интересов интеллигенции в принципе повторяет ту же закономерность, что и по отношению к рабочему классу: школьники склонны поддерживать государственную политику, ориентированную на интересы того социального слоя, к которому принадлежат их родители. Так, среди школьников, чьи родители имеют высшее образование или ученую степень, выше доля тех, кто считает, что государство должно ориентироваться на интересы интеллигенции. Среди евреев же ориентация на принцип поддержки интеллигенции практически не зависит от уровня образования родителей.

Ориентация на поддержку государством деятелей науки и искусства явно выражена лишь у еврейских школьников, чьи матери имеют высшее образование. Сам по себе этот момент весьма интересен и дает повод для более детального исследования проблемы влияния уровня образования матери (или отца) на идентификацию подростка с тем или иным социальным слоем.

Мнение школьников о необходимости ориентации государственной политики на поддержку частных предпринимателей практически не зависит от уровня образования их родителей.

Таким образом, результаты исследования довольно однозначно показывают, что в подвыборке русских подростков четко прослеживается тенденция в отношении двух социальных групп — рабочих и интеллигенции — поддержки государственной политики, ориентированной на тот социальный слой, к которому принадлежат их родители. В этом отношении можно сделать вывод, что в подростковом возрасте среди значительной части русских школьников происходит четкая идентификация себя с определенным социальным слоем. В отношении еврейских подростков картина более сложная. Здесь лишь дети из семей с низким уровнем образования родителей (окончивших только школу и не имеющих даже начального профессионального или среднего специального образования) в большинстве своем идентифицируют себя с данным социальным слоем. В основном же вне зависимости от уровня образования родителей они склонны идентифицировать себя с интеллигенцией.

Итак, мы рассмотрели мнения русских и еврейских подростков относительно принципов внешней и внутренней государственной политики. Нетрудно заметить, что, когда вопрос касается относительно общих идеологических вопросов, различий между этими двумя группами практически не обнаруживается. Но когда дело касается социокультурных реалий, то различия проступают весьма существенные. Выделим три: 1) еврейские школьники более склонны поддерживать тенденции к децентрализации в российской государственности (чаще оправдывают распад СССР, более склонны поддерживать статус независимости республик в составе России); 2) они осознают себя национальным меньшинством и считают, что политика государства ни в коем случае не должна ориентироваться на примат интересов национального большинства; 3) еврейские подростки в своем большинстве склонны идентифицировать себя с такой социальной группой, как интеллигенция.

Теперь рассмотрим, какое место занимает обсуждение политических событий московскими подростками в их ближайшем социальном окружении — дома и с друзьями. Отмечают, что они никогда не говорят о политике дома, 13,9% русских и 5,6% еврейских подростков. Никогда не обсуждают политические события со своими друзьями 27,9% русских и 13,4% еврейских старшеклассников. Сравнивая эти данные, весьма правомерно сделать вывод о том, что политические сюжеты являются заметно чаще предметом общения в кругу ближайшего социального окружения еврейского подростка, чем у его русских сверстников. Это подтверждает и то, что среди еврейских подростков выше доля тех, кто «часто» обсуждает политические события либо дома, либо со своими друзьями. Так, среди русских часто обсуждают политические проблемы в кругу семьи 12,3%, среди евреев — 18,6% (соответственно с друзьями: 5,6% и 9,3%). Таким образом, можно сделать вывод, что политическая социализация у еврейских подростков происходит более активно в их ближайшем социальном окружении, чем у русских. Само это окружение более чувствительно и активно реагирует на политическую ситуацию.

Более детальный анализ материала показывает, что с возрастом все большее число как русских, так и еврейских подростков начинает втягиваться в обсуждение политики со своими родными (обсуждать политические проблемы «время от времени»). Эта же тенденция проявляется и в общении со сверстниками.

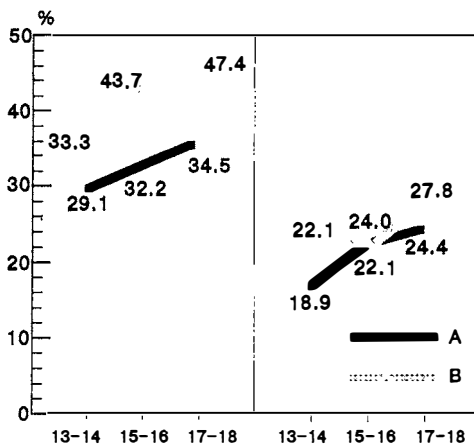

Рис. 4. Возрастная динамика обсуждения («время от времени») политических проблем еврейскими и русскими подростками со своими родными (слева) и друзьями (справа). График А — русские, график В — евреи.

Эти данные интересны, с нашей точки зрения, по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, нетрудно заметить, что как у русских, так и у еврейских подростков обсуждение политических проблем с родственниками происходит более активно, чем со сверстниками. Причем актуальность обсуждения политической проблематики в среде друзей как русского, так и еврейского подростка практически одинакова. Этого нельзя сказать о семейном общении. Здесь, как можно заметить, различия весьма существенны. Среди еврейских подростков значительно больше таких, где в семьях с ребенком обсуждаются политические проблемы. Причем заметный сдвиг происходит при переходе от 13—14 лет к 15—16 годам, на границе старшего подросткового возраста и младшей юности.

В ходе исследования, с целью получения более конкретных и содержательных представлений о политических ориентациях подростков, мы попытались выяснить их отношение к тому или иному конкретному политическому событию. Безусловно, наиболее важным политическим событием во внутренней жизни России в 1993 г. были октябрьские события в Москве, события, поляризовавшие различные общественные силы. В этой связи особенно интересно, как оценивают еврейские и русские подро-

стки происшедшие в Москве события 3—4 октября 1993 г. Напомним, что опрос проводился в начале 1994 г. и эти события были достаточно свежи и актуальны. Сторонников, поддерживающих Верховный Совет, оказалось немного как среди русских (6,2%), так и среди еврейских (1,9%) подростков. Основные мнения разделились относительно двух вариантов. Считают, что «обе стороны одинаково виновны в кровавых событиях и должны делить ответственность поровну», 52,4% русских и 40,3% еврейских подростков. На другой вариант, который предполагает безусловную поддержку президента, ориентированы в своих ответах 32,0% русских и 43,5% евреев. Результаты оценки этих событий показывают, что среди еврейских подростков (можно думать, что и в их ближайшем окружении, в семье) более выражена поддержка не только действий президента в данной конкретной ситуации, но и общего курса проводимых реформ.

Вообще же следует отметить, что поддержка действий президента в той конкретной ситуации имеет четкую корреляцию с уровнем образования отца. Эта зависимость проявляется одинаково как среди евреев, так и русских.

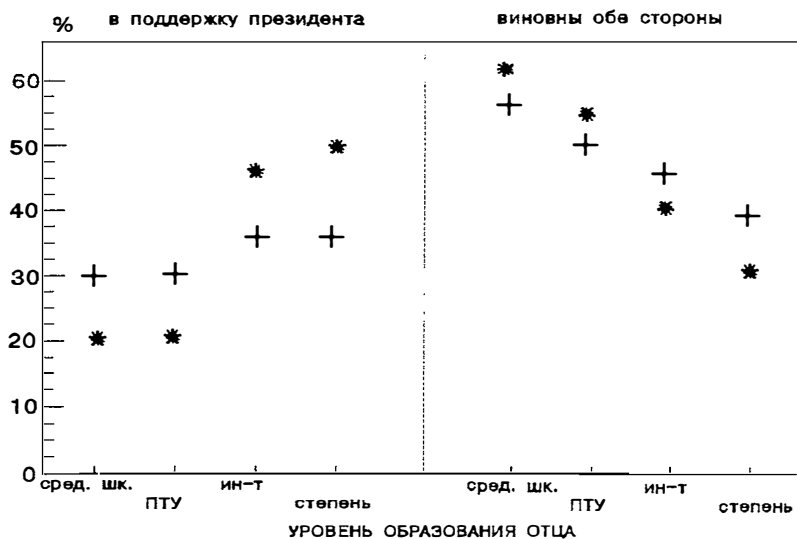

Рис. 5. Оценки октябрьских событий 1993 г. в Москве еврейскими и русскими школьниками в зависимости от уровня образования. + — русские; * — евреи.

Это позволяет сделать вывод, что в основе оценок подростками действий президента в ситуации октябрьских событий лежат не национальные причины. Определяет характер этих оценок принадлежность подростков к определенному социальному слою. Идентификация с интеллигенцией (со слоем, имеющим высшее образование) детерминирует поддержку президентского курса.

Помимо оценки конкретного политического события, в ходе опроса выяснялось, какой политической партии или политическому течению старшеклассники могут оказать поддержку. Эти данные особенно интересны, поскольку мы имеем возможность их соотнести с результатами опроса 1991 г. [2].

Результаты опроса показали, что большинство старшеклассников обеих национальностей не склонны поддерживать какое-либо политическое течение. Об этом заявили 60,3% русских и 56,0% евреев. Для сравнения заметим, что в 1991 г. таких было 48,9%. Таким образом, в целом можно констатировать, что за последние три года заметно увеличился процент школьников, не склонных проявлять сочувствие какому-либо определенному политическому течению. В то же время три течения вызывают определенное сочувствие и поддержку. Это: социал-демократы, коммунисты и зеленые. Если в отношении поддержки движения зеленых между учащимися обеих национальностей нет заметных различий (это движение поддерживают 11,4% русских и 10,6% евреев), то в поддержке социал-демократов и коммунистов различия проявляются весьма существенно. Русские подростки более склонны поддерживать коммунистов — 13,7% (среди евреев 6,0%), а евреи социал-демократов — 16,7% (у русских 9,8%). Кстати, эти данные подтверждаются и различным рейтингом в этих группах тех или иных политических лидеров. Например, в еврейской выборке никто из подростков не назвал Анпилова, Баркашова, Макашова, Невзорова, Зюганова, заметно ниже среди них рейтинг Руцкого, Хасбулатова. Сравнение с данными опроса 1991 г. показывает, что за прошедшее время в подростковой среде явно наметилась тенденция возрастания симпатий к коммунистическому движению и падение популярности социал-демократов. Так, в целом среди старшеклассников в 1991 г. (май месяц — до попытки путча) коммунистов поддерживало в три раза меньше старшеклассников (если сравнивать с русской вы-

боркой) — всего лишь 4,3%, а социал-демократов — 12,1%. Можно думать, что проводимая социально-экономическая политика, которая ведет к резкому социальному расслоению, усиливает прокоммунистические настроения в среде старшеклассников.

Более детальный анализ полученных данных показывает, что уровень поддержки коммунистов среди русских подростков заметно снижается только в том случае, если их родители имеют ученую степень. Особенно в том случае, когда эту степень имеет мать.

Таблица 4.

**Зависимость приверженности русских подростков
к коммунистической партии от уровня образования их родителей**

	Мать				Отец			
	ср. шк. %	ПТУ %	ин-т %	степень %	ср. шк. %	ПТУ %	ин-т %	степень %
сторонники коммунистической партии	13	13	13	4	14	14	12	10

Более показательна в этом отношении возрастная динамика изменения политических ориентаций подростков по отношению к интересующим нас двум основным политическим течениям. Здесь можно выделить целый ряд достаточно интересных, с нашей точки зрения, моментов. Первый — поддержка коммунистов среди русских и еврейских подростков обнаруживает противоположную тенденцию. Так, начиная со старшего подросткового возраста (13—14 лет) среди русских школьников с возрастом увеличивается ориентация на коммунистов, а среди евреев падает. Как мы видим, линии поддержки коммунистов расходятся (рис. 6).

Итак, к выпускным классам школы, в возрасте 17—18 лет (заметим кстати, что с 18 лет юноши и девушки обретают полные права гражданства и могут принимать участие в выборах в представительные органы власти), практически каждый пятый выпускник школы русской национальности склонен поддержать коммунистов (среди евреев таких лишь 5,3%).

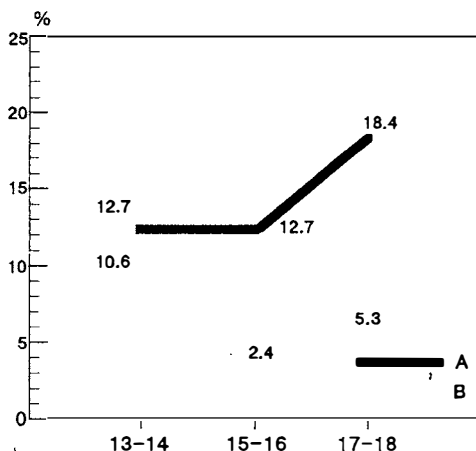

Рис. 6. Возрастная динамика поддержки коммунистов среди русских и еврейских старшеклассников. График А — русские, график В — евреи.

Второй момент связан с поддержкой социал-демократов. Здесь картина иная. Как в старшем подростковом (13—14 лет), так и в юношеском возрасте доля школьников с этой политической ориентацией остается практически постоянной. Среди русских школьников в 13—14 лет социал-демократов поддерживают 11,8%, а в 17—18 лет — 10,3% (среди евреев соответственно: 14,9% и 13,2%). Кстати, нетрудно заметить, что доля поддерживающих социал-демократов в этих возрастных группах мало отличается у еврейских и русских школьников. В этом отношении можно сделать вывод о том, что коммунистическая идеология сегодня (и это доказывают полученные материалы) опирается на поддержку национального большинства (русских) в молодежной среде.

Наконец, третий, и самый интересный, как нам представляется, момент связан с особенностями политических ориентаций подростков в период ранней юности, в возрасте 15—16 лет. Именно здесь наблюдаются наибольшие расхождения в политических ориентациях школьников обеих национальностей (рис. 7).

Можно думать, что поляризация политических ориентаций именно в этом возрасте тесно связана с актуализацией и поиском не только идеологических политических ориентиров, но и с актуализацией проблем этнической самоидентификации.

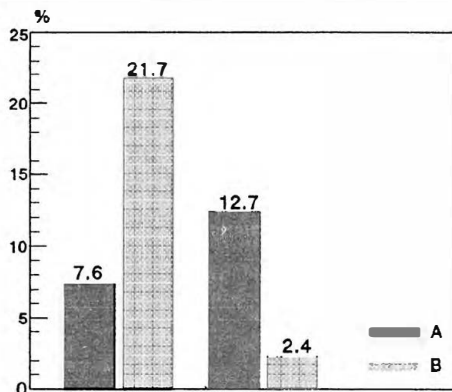

Рис. 7. Поддержка социал-демократов и коммунистов русскими и еврейскими подростками в возрасте 15–16 лет. Слева — поддержка социал-демократов, справа — поддержка коммунистов. График А — русские, график В — евреи.

Оценка межнациональных отношений. Итак, как показывает предыдущий анализ, политические ориентации у русских и еврейских старшеклассников имеют весьма существенные различия. Причем эти различия все более отчетливо проявляются, когда мы начинаем исследовать не просто мнение подростков о достаточно общих принципах государственной политики, а касаться более конкретных и реальных сюжетов, связанных с действительными переживаниями подростками тех или иных политических коллизий. Понятно, что круг политических сюжетов, сама политическая реальность затрагивает не только (или не столько) аспекты, связанные с национальной принадлежностью подростка, сколько с его принадлежностью к тому или иному социальному слою. Но и несмотря на это, особенности национальной принадлежности, повторимся, проступают в оценках политики весьма отчетливо. Проявляется здесь и разная возрастная динамика политической социализации еврейского и русского подростка. В этом отношении следует думать, что характер особенностей переживаний еврейскими и русскими подростками социокультурных реалий современной России еще более отчетливо проявится, как только мы обратимся непосредственно к национальному вопросу. Как показали наши предыдущие исследования [2], по оценкам опрошенных нами учителей, например, пик конфликтов, происходящих на националь-

ной почве между школьниками, приходится на возраст 14—15 лет. Так, например, 5,6% школьных учителей отмечают, что конфликты на национальной почве обнаруживаются между детьми уже в возрасте 6—10 лет, на возраст 11—13 лет указывают 19,2% учителей, на возраст 14—15 лет — 32,6%. После этого наблюдается падение фиксации подобного рода конфликтов — 29,7%. Ту же тенденцию падения после подросткового возраста конфликтов на национальной почве в своей среде отмечают и сами школьники.

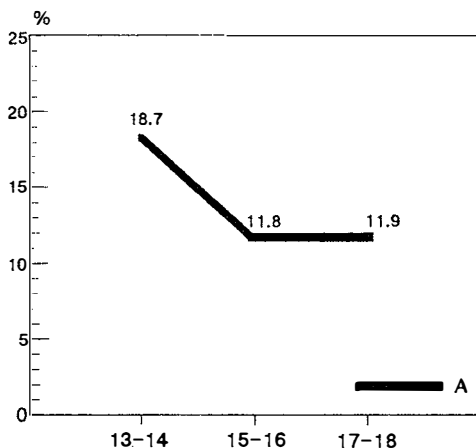

Рис. 8. Фиксация учащимися различных возрастных групп эпизодически возникающих в их среде конфликтов на национальной почве (по опросам московских школьников 1991 г.)

В том же исследовании, кстати, было установлено, что еврейские школьники значительно чаще указывают на наличие эпизодически возникающих на национальной почве конфликтов в школе по сравнению со своими русскими сверстниками (соответственно: 20,0% и 13,7%). Таким образом, конфликты на национальной почве — это не отвлеченная для подростков тема, а реальность, относительно которой у значительной части из них есть опыт собственных переживаний. Причем пик подобных конфликтов (а вместе с ними и особых переживаний) приходится на возрастной рубеж около 14 лет. Заметим, что сам по себе этот факт достаточно любопытен, поскольку он совпадает с пубертатным периодом. Мы не склонны углубляться сейчас в психоаналитическую либо культурологическую проблематику, поскольку это сюжет совершенно особый: пубертатный период, связанный

с первой влюбленностью подростка и наложением первых социокультурных запретов и границ при выборе «партнера»; трансляция и соблюдение в подростковой среде подобных границ и ограничений на установление близких интимных отношений с представителями другой национальности; актуализация в этой связи своей национальной идентичности в социокультурных реалиях России — тема не одного исследования.

В данном же исследовании мы затрагиваем лишь несколько достаточно общих аспектов. К ним относятся мнения школьников: о причинах национальных конфликтов; политических способах разрешения этих конфликтов; распространенности национальных конфликтов в ближайшем социальном окружении подростка; позитивное или негативное отношение школьников к тем или иным национальностям.

В ходе опроса мы просили школьников отметить, что, по их мнению, может служить причиной национальных конфликтов. Результаты ответов старшеклассников обеих национальностей приведены в таблице 5.

Таблица 5.

**Оценка значимости источников национальных конфликтов
еврейскими и русскими старшеклассниками (%)**

Источники национальных конфликтов	Русские	Евреи
несовпадение взглядов на принадлежность территории	52,8	38,0
распад социалистических государств	44,3	15,7
неравномерность темпов экономического развития наций	32,2	18,5
различие в вероисповедании	23,1	36,6
исторически обусловленные предрассудки, стереотипы	18,5	35,2
несовпадение этических и культурных ценностей	15,8	20,8
различие в темпераменте и образе жизни	12,3	15,3
различие в образовании	10,4	10,2
негативные стереотипы, возникшие в ходе обыденного взаимодействия	12,3	16,2
другое	5,8	9,5

Как видно из представленных в таблице данных, русские и еврейские подростки весьма по-разному оценивают те основания, которые обуславливают возникновение национальных конфликтов. Если для первых в качестве наиболее вероятных причин национальных конфликтов выступают: несовпадение взглядов различных национальностей на принадлежность территорий, распад социалистических государств (здесь различия наиболее существенны) и неравномерность темпов экономического развития наций, то для вторых — различия в вероисповедании, исторически обусловленные предрассудки и стереотипы, несовпадение ценностей, негативные стереотипы в обыденном поведении. Различия, как мы видим, весьма существенны, и их стоит обсудить более подробно. Так, нетрудно заметить, что русские старшеклассники больше ориентированы в объяснении причин национальных конфликтов на макротенденции: в первую очередь на территориальные проблемы, разрушение целостности социалистической системы (и территориальной, и идеологической, и экономической распад единого государства). Для еврейских же школьников более характерна ориентация на культурные различия (религиозные, систему культурных ценностей) и стереотипы обыденного сознания. Следует заметить, что во мнениях школьников относительно причин национальных конфликтов проявляются во многом те же установки, которые мы выявили при анализе их политических ориентаций. Нетрудно заметить, что для весьма значительной части русских школьников, повторимся, территориальный распад СССР переживается как национальное поражение. Поскольку фиксация этой проблемы происходит у них именно на этапе формирования политического мировоззрения и национального самосознания, то это может иметь в дальнейшем самые негативные последствия. Будь это фиксация на поиске виновных в этом инородцев или политических течений, способствовавших разрушению той идеологии, которая скрепляла ранее целостное государство. В этой связи поразительно то равнодушие и, мягко говоря, недалекость властей, которые не предпринимают никаких сколько-нибудь осмысленных действий по развитию мировоззрения учащихся, процесс социализации которых действительно протекает в весьма сложной социокультурной ситуации.

Программа исследования позволяет провести более деталь-

ный анализ, направленный на выявление возрастных изменений в оценке еврейскими и русскими подростками значимости тех или иных причин как факторов, обуславливающих возникновение межнациональных конфликтов. Действительно, как меняется траектория взглядов старшеклассников обеих национальностей на содержательную природу межнациональных конфликтов в процессе перехода от подросткового этапа к юности? Полученная картина имеет достаточно сложный характер и дает возможность выявить на эмпирическом материале проведенного исследования по меньшей мере три тенденции. Для их определения воспользуемся следующей схемой анализа. Рассмотрим, насколько сходятся (или расходятся) взгляды русских и еврейских старшеклассников относительно тех или иных причин национальных конфликтов в подростковом (13—14 лет) и юношеском (17—18 лет) возрасте.

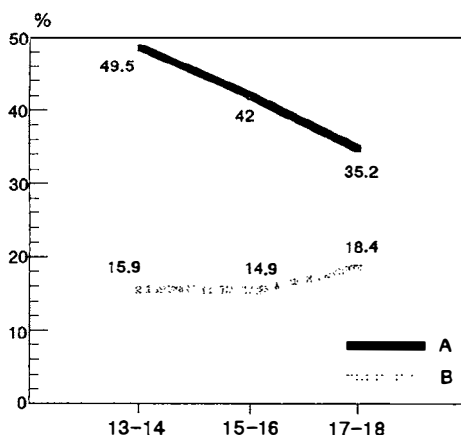

Рис. 9. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских старшеклассников о том, что в основе национальных конфликтов лежит «распад социалистических государств». График А — русские, график В — евреи.

Итак, первая тенденция характеризуется высоким отличием между еврейскими и русскими старшеклассниками в понимании причин национальных конфликтов, которая обнаруживается уже в подростковом возрасте и сохраняется на протяжении всего возрастного этапа, вплоть до окончания школы. Наиболее четко

она может быть проиллюстрирована на таком факторе, как «распад социалистических государств» (рис. 9).

Уже к подростковому возрасту (13—14 лет) в среде еврейских и русских подростков складывается принципиальное отличие в понимании важности данного фактора как причины национальных конфликтов. По-видимому, и в ближайшем социальном окружении подростков проявляются весьма разные оценки в отношении распада системы социалистических государств. Следует также отметить, что несмотря на достаточно заметное снижение числа школьников русской национальности среди 17—18-летних юношей и девушек, придерживающихся мнения о важности этого фактора, разрыв между ними и еврейскими школьниками и на пороге выхода из школы остается высоким. Таким образом, позитивное или негативное отношение к идеологии единой социалистической системы государств существенно отличает содержательный контекст, в котором происходит политическая социализация русских и еврейских старшеклассников.

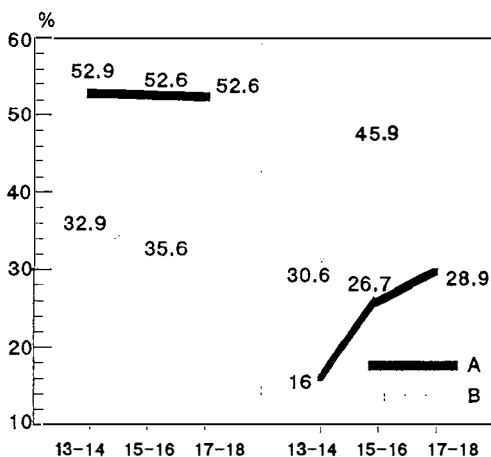

Рис. 10. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских старшеклассников о том, что в основе национальных конфликтов лежит «несовпадение взглядов на принадлежность территорий» (слева) и «различия в вероисповедании» (справа). График А — русские, график В — евреи.

Вторая тенденция — это тенденция «сближения» в понимании роли тех или иных факторов как причин национальных

конфликтов. Эта тенденция достаточно хорошо может быть прослежена на оценке значимости таких моментов, как «несовпадение взглядов на принадлежность территорий» и «различия в вероисповедании» (рис. 10).

Видно, что в 13—14 лет мнения еврейских и русских подростков о роли этих факторов как причин национальных конфликтов заметно отличаются. Так, в среде русских подростков более распространена точка зрения о важности территориальных проблем, а среди еврейских — религиозных различий. По мере же взросления, особенно при переходе от ранней юности к старшей (рубеж 16—17 лет), происходит резкая переоценка. В среде еврейских и русских подростков формируется практически одинаковая точка зрения на значимость территориальных притязаний и религиозных различий при возникновении межнациональных конфликтов. При этом у евреев повышается значимость территориальных проблем, а у русских — религиозных.

Наконец, третья тенденция — это все большее расхождение позиций еврейских и русских школьников по мере их взросления. Проиллюстрирована она может быть на оценке значимости ими таких аспектов, как «неравномерность темпов экономического развития разных наций» и «исторически обусловленные предрассудки и стереотипы» (рис. 11).

Как видно, в подростковом возрасте значимость темпов экономического развития разных наций и исторически обусловленных стереотипов и предрассудков русскими и еврейскими школьниками оценивается сходным образом. По мере же взросления среди русских мнение о роли этих факторов практически не меняется. Среди евреев происходит существенная их переоценка. При этом они все больше начинают отличаться от своих русских сверстников. Роль уровней экономического развития разных наций как причины межнациональных конфликтов сводится на нет, и возрастает (почти в два раза) роль социокультурных факторов («исторически обусловленные предрассудки и стереотипы»). Именно факторы обиденного сознания и социального поведения для еврейских школьников с возрастом становятся все более и более значимыми факторами, обуславливающими возбуждение национальных конфликтов. Можно думать, что по мере их взросления именно этот реальный опыт межнационального общения (на уровне бытового антисемитизма) они и приобрели при переходе от подростничества к юности.

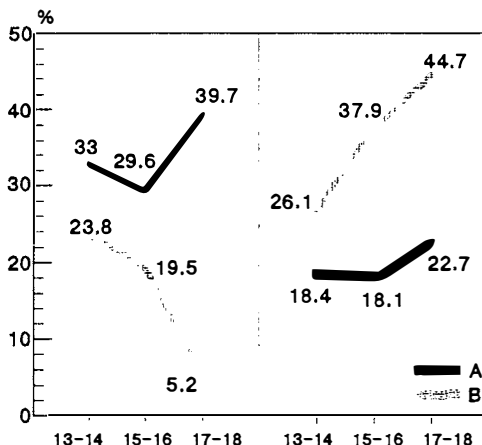

Рис. 11. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских старшеклассников о том, что в основе национальных конфликтов лежит «неравномерность темпов экономического развития разных наций» (слева) и «исторически обусловленные предрассудки и стереотипы» (справа). График А — русские, график В — евреи.

Итак, как показывают материалы исследования, процесс социализации еврейских и русских старшеклассников в понимании ими причин национальных конфликтов на этапе перехода от подросткового возраста к юности протекает по трем различным содержательным траекториям: сохранение различий, сложившихся к подростковому возрасту (разная оценка распада социалистической системы), сближение в понимании значимости тех или иных аспектов (территориальные притязания и религиозные различия) и расхождение (экономический уровень развития и сложившиеся предрассудки и стереотипы). В целом же можно сделать вывод, что тенденция социального развития русских школьников в понимании причин национальных конфликтов идет в логике «государственников», отождествляющих себя с целостным государством и все более остро реагирующих на факторы разрушения его единства еврейские же старшеклассники все более отождествляют себя с национальным меньшинством и, вследствие этого, все более остро реагируют на межкультурные национальные различия, различия в стереотипах поведения и обыденного сознания.

Наряду с оценкой значимости тех или иных причин, которые

могут служить поводом для возникновения национальных конфликтов, в ходе опроса мы просили школьников обеих национальностей высказать свое мнение о наиболее приемлемых, с их точки зрения, способах разрешения национальных конфликтов. В ответе на этот вопрос проявилось как сходство, так и определенное различие. Так, силовой способ разрешения национальных конфликтов («национальные конфликты разрешимы только путем войны») поддерживает практически незначительная часть в обеих выборках (3,9% среди русских и 3,2% среди евреев). Число считающих, что «национальные конфликты нужно решать только мирным путем переговоров», также практически одинаково (соответственно: 41,2% и 43,5%). В то же время относительно такого способа решения национальной проблемы в России, как установление «твердой власти», различия между русскими и еврейскими старшеклассниками обозначаются достаточно отчетливо. Если среди русских школьников это мнение разделяют 39,9%, то среди евреев — 27,3%.

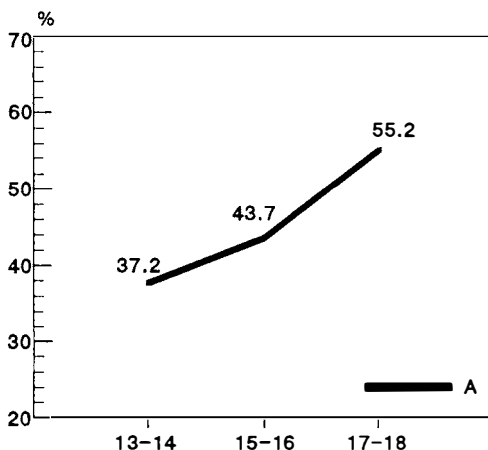
Рассмотрим более детально, как влияют различные факторы на мнения школьников относительно необходимости установления твердой власти для предотвращения межнациональных конфликтов. Например, юноши чаще считают этот способ более эффективным, чем девушки. Причем эта тенденция в равной степени характерна как для евреев, так и для русских. Так, среди мальчиков поддерживают необходимость твердой власти — у евреев 32%, среди русских — 46% (соответственно: среди девушек 22% и 32%). Интересно, что среди еврейских школьников с возрастом несколько увеличивается число тех, кто считает необходимым введение твердой власти, — с 28,9% в 13—14-летнем возрасте до 36,8% к 17—18 годам. Однако более интересно выяснить то, как соотносятся мнения школьников о способах разрешения национальных конфликтов с их ориентацией на те или иные принципы государственной политики. Здесь, в частности, прослеживается целый ряд весьма характерных тенденций. Например, каждый второй школьник (47,1%), считающий, что национальные конфликты разрешимы только путем войны, склонен поддерживать во внешней политике такой принцип, как «стремление к расширению границ за счет других государств» (среди других групп, ориентированных на иные принципы национальной политики, эта доля не превышает 14%). Показательно, что поддержка такого принципа решения межнациональных

конфликтов, как установление «твердой власти» в стране, в целом более связана с охранительной ориентацией во внешней политике — «стремлением сохранить существующие границы своего государства».

В ходе опроса мы специально исследовали вопрос о том, испытывали ли наши респонденты конкретно «притеснения, оскорбления, унижения по поводу своей национальности». Подавляющее число русских школьников, около 70%, отметило, что у них никогда не было подобного «опыта» негативных переживаний. Среди еврейских старшеклассников ситуация принципиально иная. Для того, чтобы ее охарактеризовать более детально, следует оценить, где и со стороны кого школьники получают негативные реакции относительно своей национальной принадлежности. Так, например, данные исследования показывают, что 68,5% еврейских подростков и 69,0% русских отмечают, что в их школах никогда не возникают конфликты на национальной почве. Со стороны своих одноклассников часто или иногда испытывают национальное унижение 11,1% еврейских школьников (среди русских подобное отмечают 6,0%); со стороны учителей — 8,8% (у русских 5,4%). Таким образом, в целом школьный микроклимат относительно благополучен. Это же относится и к ближайшему социальному окружению. Здесь на дискриминационные национальные проявления по отношению к себе указали 15,2% еврейских и 6,4% русских школьников. Но как только подростки и юноши начинают оценивать характер взаимодействия с другими социальными группами, ситуация начинает резко меняться. Причем чем дальше социальные группы, тем чаще проявления антисемитизма. Так, каждый четвертый еврейский подросток (25,0%) отмечает, что ему приходится «часто» или «иногда» испытывать притеснения, оскорбления и унижения по поводу своей национальности со стороны сверстников не из школы (среди русских — 3,8%). Со стороны же вообще посторонних эта ситуация еще более распространена: ее отмечают уже 44% еврейских школьников (среди русских — 4,9%). Итак, чем менее интимен круг взаимодействия, чем в более широкие социальные связи вступает еврейский подросток, тем все более увеличивается его возможность подвергнуться национальной дискриминации.

Следует так же добавить, что чем старше становится еврей-

ский школьник, тем больше у него вероятность подвергнуться бытовым оскорблениям своего национального достоинства со стороны посторонних. Эта тенденция отражена на рис. 12.

Рис. 12. Динамика изменения доли еврейских школьников (%), отмечающих, что они подвергаются оскорблениям по поводу своей национальности со стороны посторонних.

Как мы видим, по мере взросления все большее число еврейских подростков отмечают, что они испытывают притеснения, оскорбления, унижения со стороны посторонних по поводу своего этнического происхождения. Таким образом, естественный процесс социализации, связанный с расширением круга социальных контактов при переходе от подросткового возраста к юношескому, параллельно сопровождается приобретением негативных реакций со стороны социального окружения по поводу этнической принадлежности.

Помимо выяснения вопроса о том, испытывают ли школьники со стороны социального окружения те или иные действия по поводу их этнической принадлежности, мы выясняли, есть ли какие-либо национальности, которые вызывают у них самих особую симпатию или антипатию. Относительно первого момента 57,0% русских и 53,7% еврейских школьников отметили, что да, такие национальности есть. По поводу же второго момента ответы существенно расходятся. Среди русских 58,6% признают,

что существуют национальности, вызывающие особую антипатию; среди евреев таких много меньше — 30,1%. Таким образом, по отношению к другим национальностям еврейские подростки проявляют бóльшую толерантность.

В ходе опроса мы просили наших респондентов конкретно назвать те национальности, которые вызывают в них особую симпатию и антипатию. Обработка этого открытого вопроса позволила получить достаточно любопытную дополнительную информацию. Поскольку школьники реально называли самые разные национальности (причем часто подменяли национальность гражданством, например — американцы), возникла возможность оценить, какова из них в целом доля тех, кто проживает на территории России или в бывшем СССР. Результаты показывают, что при ответе на вопрос о национальностях, вызывающих особую симпатию, среди русских школьников доля представителей бывшего СССР составляет 36,9%, у евреев — 52,3%. Как видим, в своих ответах о симпатиях русские больше ориентированы на иностранцев. Наиболее же отчетливо эта тенденция проступает при ответе на вопрос о национальностях, вызывающих особую антипатию. У русских доля иностранцев составляет 10,2%, у евреев — 50,4%. Подобные различия объясняются тем, что весьма существенный процент в ответах русских школьников занимает некоторое обобщенное житейское понятие «кавказцы», а у еврейских школьников — арабы. Таким образом, в первом приближении можно считать, что если первые локализируют свои негативные национальные чувства относительно той наиболее нестабильной ситуации, которая существует на окраинах и южных границах России, то вторые часто склонны учитывать арабо-израильский конфликт.

Важно здесь и другое. Как показывают материалы исследования, уровень неприятия (антипатии) русских подростков представителей тех или иных национальностей достаточно высок (грузин, евреев, армян и др.). Причем негативная установка проявляется именно к представителям тех национальностей, которые проживают на территории России или в ближнем зарубежье. Подобная тенденция, подчеркнем — пока лишь тенденция, неприятия своего ближайшего этнического окружения свидетельствует о том, что среди русских подростков не формируется действительно полноценное и незакомплексованное пред-

ставление о принципиальной роли русской нации как нации, способной объединить различные национально-этнические группы в составе единого государства. И это неудивительно, поскольку «деидеологизация» воспитательного процесса в школе привела просто к самоустранению педагогов от проблематики этнического самоопределения подростков.

В целом же следует отметить, что проблема детального исследования особенностей межнационального восприятия должна решаться другими, более специфичными методами. В этом отношении мы можем сослаться на наш опыт психосемантического исследования особенностей межнационального восприятия [2].

Национальная идентичность и оценка своих жизненных перспектив. В целом ряде наших исследований [2, 3, 4] мы уделяли специальное внимание изучению проблемы, которая касается особенностей видения и оценки школьниками своих жизненных перспектив.

Настоящее исследование в целом продолжает отмеченную линию. Только выполнено оно не на материале кросскультурного, а на материале межэтнического исследования и представляет один из первых опытов конкретного этносоциологического исследования в отечественной социологии образования. Сама ситуация межэтнических соотнесений особенностей видения своего будущего представителями национального большинства и национального меньшинства позволяет выделить такие аспекты, которые практически невозможно исследовать в программе кросскультурного исследования. Несмотря на то что еврейские и русские школьники находятся в едином социокультурном пространстве, которое характеризуется общим кризисом и социальной неустойчивостью, можно думать, что «горизонт их ожиданий» относительно своих жизненных перспектив весьма различен.

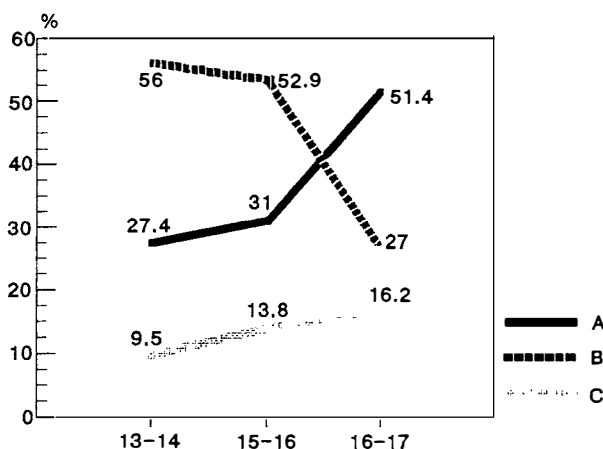
Поэтому в отличие от предыдущих исследований в данной работе мы ставили акцент на таких моментах, которые ранее практически нами не исследовались. При этом центральным выступает вопрос о национальной идентичности и жизненных планах. В этой связи мы рассмотрим такие моменты: ориентация на тактику сокрытия своей этнической принадлежности во вза-

имоотношениях с посторонними; оценка перспектив представителей своей этнической группы в России; оценка своих возможностей как представителя данной этнической группы; оценка значимости тех или иных негативных аспектов социальной ситуации для настоящего и своих будущих перспектив; установка на эмиграцию.

Как мы уже отмечали выше при анализе межнациональных конфликтов, значительное число еврейских школьников отмечает, что они имеют опыт негативных переживаний, вызванных определенными действиями со стороны социального окружения (притеснения, оскорбления, унижения) по поводу своей этнической принадлежности. В этой связи особый интерес вызывают те «тактики социального поведения» (манифестация своей национальной принадлежности, «маскировка» и т. п.), на которые ориентируются школьники в ситуациях социального взаимодействия. Как показывают материалы опроса, если среди русских старшеклассников абсолютное большинство (90,4%) никогда не скрывает свою национальность, то среди евреев таких значительно меньше (32,3%). Практически каждый второй (49,5%) избирает ситуативную тактику относительно демонстрации своей этнической принадлежности: «иногда приходится скрывать свою национальность» (для сравнения: среди русских таких 4,4%). При этом каждый десятый (12,0%) еврейский подросток отмечает, что у него «часто» возникает подобная необходимость. Наконец, 4,2% еврейских школьников находятся просто в ситуации сильной фрустрированности относительно своей этнической принадлежности: «я всеми силами стараюсь скрыть свою национальность». Итак, как показывают материалы исследования, лишь треть еврейских школьников имеет достаточный внутренний личностный резерв, позволяющий им не скрывать свою этническую принадлежность при различных социальных контактах.

Более детальный анализ показывает, что еврейские девушки увереннее чувствуют себя при общении с посторонними. Так, если среди них 37,7% никогда не скрывают свою национальность, то среди еврейских юношей 27,7%. По-видимому, это связано с тем, что ситуации мужского «социального взаимодействия» по поводу этнической принадлежности выглядят много жестче и по способам, и по последствиям их «разрешения». Следует также

добавить, что возрастная динамика имеет достаточно сложный характер.

Рис. 13. Возрастная динамика различных тактик демонстрации своей этнической принадлежности еврейскими школьниками при взаимодействии с посторонними. График А — «я никогда не скрываю свою национальность», график В — «иногда приходится скрывать свою национальность», график С — «часто возникает необходимость скрывать свою национальность».

Показательно, что с возрастом заметно увеличивается число школьников, которые во взаимодействии с посторонними предпочитают никогда не скрывать свою национальность. Параллельно с этим к выпускным классам уменьшается число еврейских юношей и девушек, кто предпочитает «иногда» скрывать свою национальность. Таким образом, можно сделать вывод, что на возрастном этапе от 13 к 17 годам у еврейских школьников формируется определенная система социально-адаптивного поведения, позволяющая им справляться с ситуациями, когда возникают определенные напряжения, связанные с их этнической принадлежностью. В то же время весьма характерна и другая тенденция (см. график С): к 17—18 годам в два раза увеличивается число тех, кому «часто» приходится скрывать свою национальность. По-видимому, это может быть связано с тем, что с возрастом, как мы отмечали в предыдущем разделе, в целом

увеличивается число еврейских школьников, которые отмечают, что они подвергаются оскорблениям со стороны окружающих по поводу своей этнической принадлежности. Как показывает дальнейший анализ, сама установка еврейских школьников на сокрытие своей национальности тесно связана с характером социального окружения подростка. Так, например, среди тех, кто старается скрыть свою национальность или вынужден прибегать к этому достаточно часто, 62,3% составляют как раз те, кто испытывает притеснения и оскорбления со стороны социального окружения (для сравнения: доля среди них тех, социальное окружение которых не ущемляет их национального достоинства, в два с половиной раза меньше и составляет 25,1%). Причем анализ полученного материала позволил выявить одну весьма характерную, с нашей точки зрения, тенденцию. Она состоит в том, что чем ближе социальное окружение, где возможны ксенофобные проявления, чем теснее с ним контакты еврейского подростка, тем активнее проявляется установка подростка на тип поведения, ориентированный на сокрытие своей национальности.

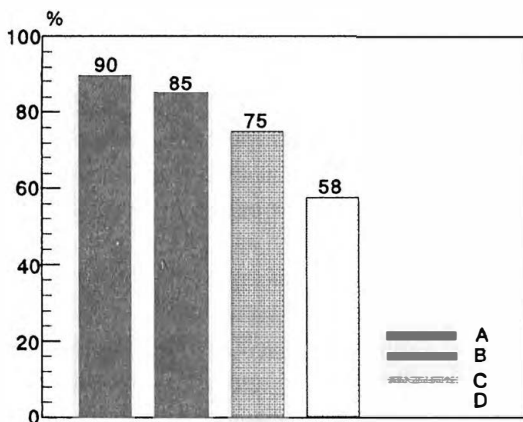

Рис. 14. Проявление установки на сокрытие своей национальной принадлежности у еврейских подростков в разных типах социальных контактов, когда проявляются антисемитские настроения. Графики: А — ближайшее социальное окружение; В — одноклассники; С — сверстники не из школы; D — посторонние.

Итак, повторимся, лишь треть еврейских подростков не склонна скрывать свою национальность. Причем большинство из них составляют те, чье социальное окружение не склонно к проявлениям антисемитизма. Следующий шаг в нашем анализе связан с изучением вопроса о жизненных перспективах старшеклассников. В предыдущих наших исследованиях [2], как мы уже отмечали, эта проблема нами частично затрагивалась. Причем одним из наиболее интересных аспектов оказался аспект, связанный с эмоциональной оценкой своего будущего в модальностях «оптимизм—пессимизм». Как достаточно прозорливо отмечал Й. Хейзинга, одной из наиболее существенных характеристик той или иной культурной эпохи является та особая эмоциональная доминанта, которая характеризует основное состояние, стилистику присущих ей переживаний (романтизм, сентиментализм и т. д.). В этой связи нам представляется, что оппозиция «пессимизм—оптимизм» вообще является одной из фундаментальных эмоциональных модальностей, характеризующих социокультурный контекст и определяющих (что для нас особенно важно подчеркнуть) общий эмоциональный фон процесса социализации. В данном исследовании мы решили более детально рассмотреть эту проблему, замыкая ее на проблематику национальной идентичности. В этой связи мы, с одной стороны, просили еврейских и русских старшеклассников оценить перспективы своей национальности в России, а с другой — оценить свои личные перспективы как представителя соответствующей этнической группы.

При оценке перспектив своей этнической группы «затруднились» ответить на этот вопрос 31,0% русских и 21,3% еврейских старшеклассников. Причем следует отметить, что если среди русских школьников число затрудняющихся оценить перспективы своей национальности с возрастом остается неизменным (32,0% в возрасте 13—14 лет, 31,1% среди 15—16-летних и 31,4% среди 17—18-летних), то среди еврейских школьников возрастные изменения весьма значительны. Так, среди еврейских школьников в возрасте 13—14 лет затрудняются оценить перспективы своей национальности 22,7%, в возрасте 15—16 лет — 20,7%, а в возрасте 17—18 лет — 13,2%. Таким образом, можно сделать вывод, что с возрастом у еврейских подростков формируются все

более определенные и отчетливые представления о перспективах своей этнической группы. Характерно, что резкий сдвиг и осознание этих перспектив происходит на рубеже перехода от ранней юности к юности (на возрастной границе 16—17 лет).

Следует отметить, что по целому ряду аспектов как русские, так и еврейские школьники сходным образом оценивают перспективы своей национальности. Так, среди русских школьников 39,1% считают, что «представители их национальности могут с оптимизмом смотреть в будущее», среди евреев — 31,0%. Соответственно — «сомневаются в том, что их нацию ожидают благоприятные перспективы», 14,5% русских и 10,6% евреев. Наконец, думают, что их этническую группу «неизбежно ожидает ассимиляция», 2,3% русских и 1,4% еврейских школьников. В этом отношении тенденции действительно сходны. В то же время такой аспект, как оценка особенностей поведения представителей своей национальности (особенно оценка эмиграционных тенденций) в сложившейся социокультурной ситуации в России, весьма существенно отличает русских и еврейских школьников. Так, если среди русских старшеклассников считают, что темпы эмиграции представителей их национальности будут возрастать, 12,3%, то среди евреев таких 38,0%.

Итак, за исключением оценки эмиграционных тенденций, можно сделать вывод о том, что в целом русские и еврейские подростки оценивают перспективы своей этнической группы сходным образом. Однако более детальный анализ показывает, что между ними существуют весьма и весьма серьезные отличия. Особенно рельефно эти различия обнаруживаются, если мы попытаемся проследить возрастную динамику изменения мнений еврейских и русских подростков. На рисунке 15 представлена динамика изменения мнений (в % от числа опрошенных в каждой возрастной группе) русских и еврейских школьников относительно двух аспектов: а) «представители моей национальности могут с оптимизмом смотреть в будущее»; б) «темпы эмиграции представителей моей национальности будут возрастать».

Как видно из рисунка(рис. 15), если среди русских школьников доля оптимистично оценивающих перспективы своей национальности на протяжении всего рассматриваемого периода (от 13 до 18 лет) остается примерно одинаковой (и к выпуклым

классам школы намечается тенденция к ее увеличению), то среди еврейских подростков к выпускным классам школы она заметно сокращается (практически вдвое). Причем характерно, что в подростковом возрасте (13—14 лет) перспективы своей этнической группы как теми, так и другими оцениваются достаточно сходным образом. Однако возрастная траектория социализации, опыт социального взаимодействия, приобретаемый с возрастом, принципиально по-разному ориентируют взгляды подростков на перспективы своей национальности. Параллельно с этим резко увеличивается и доля еврейских подростков, считающих, что темпы эмиграции евреев будут возрастать. К выпускным классам школы эту точку зрения разделяет практически каждый второй еврейский школьник.

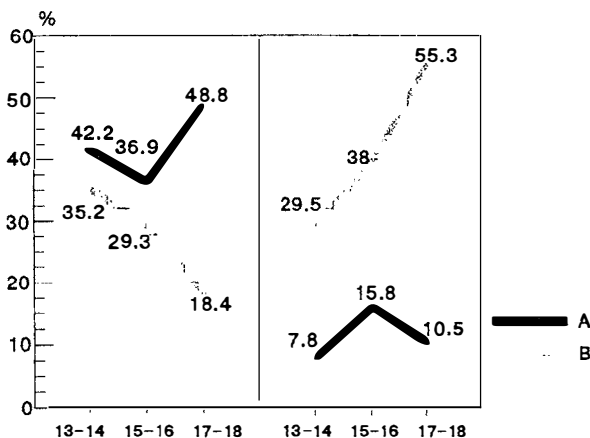

Рис. 15. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских школьников о том, что «представители моей национальности могут с оптимизмом смотреть в будущее» (слева) и что «темпы эмиграции представителей моей национальности будут возрастать». График А — русские, график В — евреи.

Теперь рассмотрим, как оценивают школьники свои собственные перспективы. Считают, что их ожидают самые благополучные перспективы, 18,7% русских и 13,0% еврейских школьников. Крайне пессимистически настроенных, считающих, что их лично ожидает дискриминация по национальному признаку, среди евреев немного — 2,3%. Ориентированы на успех,

несмотря на возможную национальную дискриминацию, 18,1% еврейских подростков. Наиболее же часто как среди русских, так и еврейских школьников распространено мнение, что их национальная принадлежность никак не связана с их личными перспективами, что все зависит только от них самих и благоприятной ситуации. Подобной точки зрения придерживаются 56,6% русских и 42,1% еврейских школьников. Как можно заметить, среди русских число придерживающихся этого взгляда относительно своего будущего заметно выше. Наконец, следует специально подчеркнуть, что среди еврейских старшеклассников, в отличие от русских, явно выражена установка, что только в другой стране они смогут добиться успеха в жизни, — 22,7% (у русских школьников таких 6,0%).

При анализе полученных данных следует остановиться более подробно на целом ряде моментов. Так, весьма характерна одна общая и для русских, и для еврейских школьников тенденция. Она связана с тем, что юноши вообще более оптимистично оценивают свои личные перспективы.

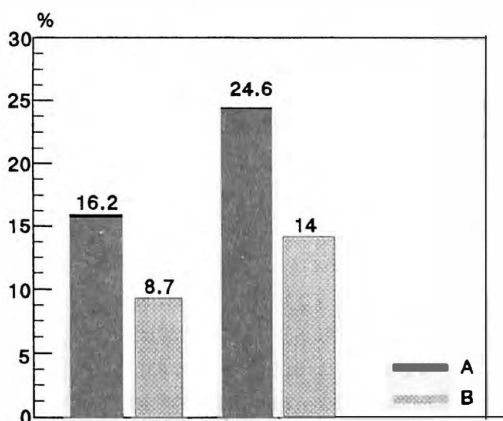

Рис. 16. Доли юношей и девушек среди русских и евреев, считающих, что их ожидают самые благополучные перспективы. Слева — евреи, справа — русские. График А — юноши, график В — девушки.

Анализируя материалы в возрастном аспекте, можно выделить следующие три момента. Во-первых, если среди русских школь-

ников наблюдается тенденция увеличения с возрастом доли тех, кто считает, что их ожидают самые благополучные перспективы (23,9% в возрасте 13—14 лет и 31,3% в возрасте 17—18 лет), то среди евреев тенденция прямо противоположная (соответственно: 14,9% и 5,7%). Во-вторых, среди еврейских подростков с возрастом достаточно последовательно увеличивается число придерживающихся той точки зрения, что их этническая принадлежность никак не связана с их личными перспективами и все зависит от них самих. Так, в возрасте 13—14 лет это мнение разделяют 40,2%, в возрасте 15—16 лет — 44,3%, а в возрасте 17—18 лет — 51,4%. Наконец, в-третьих, с возрастом, особенно на рубеже 15—16 и 17—18 лет, среди еврейских подростков резко сокращается число тех, кто считает, что «только в другой стране он сможет добиться успеха в жизни» (соответственно: 26,7% в возрасте 15—16 лет и 11,4% в возрасте 17—18 лет). Сопоставляя эти данные, можно сделать вывод о том, что, несмотря на заметное падение доли оптимистов, уверенных в том, что в будущем их ожидают самые благополучные перспективы, среди еврейских школьников усиливается тенденция ориентации на собственные силы в достижении успеха. Причем свою жизненную успешность или неуспешность они все менее начинают связывать со своей этнической принадлежностью или страной проживания.

С нашей точки зрения, эти данные весьма показательны. Так, если соотнести особенности оценки еврейскими школьниками перспектив своей национальности и своих собственных жизненных перспектив, то нельзя не заметить проявляющееся здесь весьма характерное расхождение. Действительно, с возрастом среди еврейских школьников увеличивается число тех, кто считает, что для евреев нет благоприятных перспектив в России: увеличивается доля предполагающих усиление темпов эмиграции в будущем и падает количество указывающих на то, что евреи могут с оптимизмом смотреть в будущее. И в то же время относительно своих собственных жизненных перспектив растет доля оптимистов и падает число тех, кто считает, что только в другой стране он сможет добиться успеха. Таким образом, проявляется определенная тенденция «разотождествления» перспектив этнической группы в целом и своих собственных. Можно думать, что на подобном «разотождествлении» проявляется осо-

бый феномен индивидуализации собственного жизненного пути, который формируется на возрастном этапе перехода от подростничества к юности. При этом подчеркнем принципиальную, с нашей точки зрения, не только культурологическую, но и психологическую важность обнаружения подобной «границы» (национальной судьбы и своей личности), требующей соотнесения своих и национальных перспектив, именно для личностного самоопределения еврейского подростка и юноши. В этой связи вполне правомерно предположить, что остро переживаемые процессы своей этнической идентификации еврейским подростком в России развиваются в сторону «овладения» особыми формами социального взаимодействия с представителями других этнических групп. Напомним еще раз, что среди еврейских школьников с возрастом растет доля тех, кто отказывается от тактики «сокрытия» своей национальности в ходе социального взаимодействия.

В принципе вполне правомерна и иная интерпретация. Ее можно обозначить как «субэтнический пессимизм». Действительно, расхождение перспектив российского еврейства и своих личных перспектив можно рассматривать не столько как феномен утраты еврейской идентичности в целом, сколько как проявление тенденции «разотождествления» себя именно с еврейством России.

При исследовании жизненных перспектив, наряду с анализом уверенности школьников в своем будущем, соотнесением зависимости от установок на самореализацию с их этнической принадлежностью, не менее важно оценить значимость тех или иных факторов, которые, по мнению школьников, представляют наибольшую угрозу для их жизненных перспектив. В этой связи в ходе опроса мы задавали респондентам два вопроса. Один был ориентирован на оценку тех или иных негативных социальных тенденций (сценариев развития), которые больше всего «пугают» старшеклассников. Второй вопрос строился несколько в иной модальности и был ориентирован не столько на оценку общих тенденций, сколько затрагивал непосредственно самого школьника: «что лично его беспокоит в будущем? чего он боится?». Таким образом, если в первом случае в вариантах ответов указывались те или иные факторы: «преступность», «безработица» и т. д., то во втором случае варианты ответов строились по следу-

ющей конструкции: «я боюсь стать жертвой насилия, преступления» и т. п.

В таблице 6 представлены результаты ответов еврейских и русских школьников о тех общих негативных тенденциях, которые их больше всего пугают.

Таблица 6.

Негативные социальные тенденции, которые больше всего пугают старшеклассников (%)

Что пугает в будущем	Русские	Евреи
преступность	55,1	49,1
гражданская война	50,3	32,9
голод и нищета	35,3	30,6
военное разрешение национальных конфликтов	27,6	26,4
экономическая нестабильность	23,3	22,2
безработица	27,0	13,4
отсутствие социальной защиты	20,4	17,6
национализм	9,4	50,0
перспектива тоталитаризма	11,6	14,4
СПИД	27,6	15,3

Как видно из таблицы, в целом такие негативные тенденции, как преступность, голод и нищета, военное разрешение национальных конфликтов, экономическая нестабильность, отсутствие социальной защиты, перспектива тоталитаризма, в равной степени пугают как русских, так и еврейских старшеклассников. В то же время оценка значимости двух факторов принципиально отличается у русских и еврейских старшеклассников. Как можно заметить, если среди русских школьников значительно больше тех, кто боится гражданской войны (50,3%, у евреев 32,9%), то среди евреев каждый второй боится национализма (50,0%, у русских лишь 9,4%). Таким образом, именно эти два момента принципиально различают русских и еврейских подростков, отличают их различия в идентификации себя с национальным большинством и национальным меньшинством.

Практически сходную тенденцию мы обнаруживаем и при

ответе на второй вопрос, где просим школьников ответить более конкретно, что *их лично* больше всего беспокоит в будущем.

Таблица 7.

Ответы русских и еврейских школьников на вопрос о том, что их лично больше всего беспокоит в будущем (%)

Что беспокоит в будущем	Русские	Евреи
я боюсь войны	42,4	33,8
я опасуюсь, что у меня не сложится личная жизнь	27,7	28,7
я боюсь, что не смогу материально обеспечить семью	24,5	26,4
у меня нет уверенности, что я правильно выбрал профессию	21,8	22,7
я боюсь стать жертвой насилия, преступления	31,6	16,2
я боюсь стать жертвой национализма	2,7	27,8
меня беспокоит мое здоровье	13,3	12,0
я боюсь стать жертвой рэкета	7,9	2,3
я не уверен, что смогу жить самостоятельно	8,7	10,6
отсутствие внешней привлекательности	6,4	6,5
я боюсь смерти	9,2	4,6
другое	4,2	2,4

Приведенные в таблице данные весьма показательны. По сути дела, они фиксируют полное тождество в оценке значимости тех или иных аспектов, которые вызывают опасения и тревогу у подростков и юношей обеих национальностей. Главные из них: война, опасение, что не сложится личная жизнь, тревога за материальное обеспечение семьи и сомнения в правильности выбора профессии. Именно эти аспекты проблематизируют оценку успешности своих жизненных перспектив на данном возрастном этапе. В то же время два аспекта отличают еврейских и русских подростков. Если русские подростки чаще отмечают, что они боятся стать жертвой насилия, преступления, то среди евреев каждый четвертый — 27,8% — боится стать жертвой национализма (среди русских лишь 2,7%). В этом смысле, опять-таки, весьма остро проявляется идентификация тех и других с национальным меньшинством или большинством.

Обобщая приведенные в обеих таблицах данные, следует в целом отметить два момента. Первый связан с теми специфическими аспектами, которые в разной степени тревожат русских и еврейских старшеклассников. Так, для русских школьников более тревожными оказываются: перспектива гражданской войны, страх безработицы, опасность СПИДа и боязнь стать жертвой насилия и преступления. Еврейских же школьников отличает от русских, по сути дела, один аспект: среди них гораздо больше тех, кто боится национализма как социального явления и боится стать непосредственной жертвой проявления национализма. При этом следует отметить, и это — второй момент, что субъективно боится стать жертвой национализма заметно меньшее число еврейских школьников по сравнению с ситуацией, когда национализм отмечается ими в ряду общих негативных тенденций (соответственно: 27,8% и 50,0%).

Итак, рассмотрение относительно широкого круга вопросов убеждает нас в том, что формирование жизненных планов еврейского подростка достаточно тесно связано с процессом осознания им своей этнической идентичности. Безусловно и другое: живя в контексте социокультурных реалий России, он мало отличается от русского подростка в оценке тех или иных негативных социальных тенденций, которые могут оказать влияние на его будущее: преступность, экономическая нестабильность, отсутствие социальной защиты, перспектива тоталитаризма — все это в равной степени волнует как еврейского, так и русского подростка. Подростковое и юношеское сознание, вне зависимости от этнической принадлежности, в равной степени волнует целый ряд проблем: сложится ли моя личная жизнь; смогу ли я обеспечить материально свою семью, ту ли я выбрал профессию и т. д. Все эти актуальные вопросы определяют пространство жизненного самоопределения. И тем не менее осознание себя как национального меньшинства, самоопределение себя по отношению к своей собственной этнической группе — эти проблемы весьма специфичны и характерны для формирования самосознания еврейского подростка. Именно они, как мы видим, содержательно характеризуют доминанту эмоциональных переживаний социальной ситуации на данном возрастном этапе.

Заканчивая анализ, остановимся еще на одном аспекте. Он

касается вопроса о планах школьников на эмиграцию из России. В какой-то степени мы его уже затрагивали, когда выясняли мнение школьников о темпах эмиграции представителей их национальности из России или о возможностях своей собственной самореализации в России. Однако в ходе исследования мы задавали школьникам и прямой вопрос о том, в какой стране они хотели бы жить. Если среди русских подростков большинство (65,8%) хотели бы жить в России, то среди евреев подобное желание остаться в России высказали 26,9%. Практически каждый второй из них (44,9%) хотел бы жить на своей исторической родине, а 19,4% — в какой-либо другой стране (среди русских желают эмигрировать 16,8%).

Поскольку вопрос об эмиграционных планах евреев обсуждается достаточно часто, то остановимся на нем несколько подробнее и посмотрим, как решают его для себя подростки. Если среди русских школьников вопрос об эмиграции достаточно тесно связан с материальным уровнем семьи и чем он выше, тем выше доля школьников, желающих покинуть Россию (из семей с низким уровнем дохода желает уехать каждый десятый — 11%, а из семей с высоким каждый четвертый — 24%), то желание еврейских школьников никак не связано с материальным уровнем их семьи. Не проявляется здесь и влияние каких-либо других социальных факторов. Здесь играют роль другие мотивы. Причем наиболее существенными оказываются особенности взаимодействия школьников со своим ближайшим социальным окружением. Например, среди тех еврейских подростков, у кого часто возникает необходимость скрывать свою национальность, лишь 9,0% отмечают, что они хотели бы остаться жить в России. Естественно, что и у подавляющего большинства школьников, у которых сформировалось мнение, что только в другой стране они могут добиться успеха, проявляется установка на отъезд (среди них готовы уехать 83,3%). Помимо желания успеха, существенно мотивируют формирование планов на эмиграцию у еврейских подростков и боязнь стать жертвой насилия и преступления, опасение, что не сложится личная жизнь, и целый ряд других моментов. Подчеркнем, что в данном случае мы характеризуем наиболее явно проявляющиеся факторы, характерные именно для массового подросткового сознания еврейских школьников.

* * *

Приведенные в статье материалы социологического опроса в целом позволяют охарактеризовать своеобразие возрастного кризиса, возникающего на этапе перехода от подростничества к юности у еврейских школьников, живущих в России. Его отличительным моментом является актуализация процессов этнической идентификации. Идентификация себя с национальным меньшинством определяет формирующиеся политические установки, стратегии поведения в ходе социального взаимодействия, жизненные планы и перспективы.

-
1. *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 4. М., 1984.
  2. *Собкин В. С., Писарский П. С.* Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М., 1992.— 159 с.
  3. *Собкин В. С., Писарский П. С.* Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва—Амстердам. М., 1994.— 151 с.
  4. *Собкин В. С.* Жизненные ориентации старшеклассников // *Жизненные ориентации учащихся и проблемы современного образования.* М., 1990. С. 71—701.

Л. Ашкинази, М. Гайнер

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ 1990—1994 ГОДОВ ПО ДАННЫМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Известен ряд работ¹, в которых вводится система параметров и анализируется распределение некоторого массива публикаций по значениям каждого конкретного параметра. Предлагаемые схемы построения системы параметров универсальны, то есть могут быть применены для анализа публикаций на разные темы. Однако нам не известны работы, содержащие анализ корреляции значений параметров.

Ниже описана методика построения системы контент-анализа, пригодная для исследования освещения в прессе (и других источниках информации) любых вопросов (при соответствующей «настройке» системы). Нами проведено соответствующее исследование темы «евреи» в либеральной и — для сравнения — в официальной прессе СССР и постсоветского пространства в 1990—1994 гг. Общее количество охваченных анализом изданий — 50, общее количество проанализированных публикаций — свыше 3000.

1. Методика исследования

В предлагаемой системе каждая публикация характеризовалась 4-мя параметрами — «объект», «глубина анализа», «освещение», «позиция». Приведем значения, которые может принимать каждый из параметров:

<i>Параметр 1 — «объект»</i>	
Значение параметра	Описание параметра
1	Израиль в целом или евреи в целом
2	Израильско-арабские отношения

3	Отношения Израиль — СССР
4	Отношения Израиль — прочие страны
5	Диаспора
6	Отношения советские евреи — СССР
7	Отношения диаспора — страна проживания
8	Отношения диаспора — Израиль
<i>Параметр 2 — «глубина анализа»</i>	
Значение параметра	Описание параметра
1	Упоминание без факта
2	Современный факт
3	Исторический факт
4	Сопоставление современного и исторического фактов
5	Современный обзор
6	Исторический обзор
7	Обзор истории и современности
8	Анализ
9	Прогноз
<i>Параметр 3 — «освещение»</i>	
Значение параметра	Описание параметра
1	Недостоверно
2	Смесь недостоверного и достоверного
3	Негативный факт в отношении объекта или первого объекта в паре
4	Нейтральный факт
5	Позитивный факт
6	Неполно и невзвешенно
7	Неполно, но взвешенно
8	Полно

<i>Параметр 4 — «позиция»</i>	
Значение параметра	Описание параметра
1	Позитивная по отношению к евреям
2	Сочувственная по отношению к евреям
3	Негативная по отношению к антисемитам
4	Нейтральная по отношению к евреям
5	Негативная (в целом) по отношению к евреям
6	Отрицание национальной самобытности евреев
7	Необходимость ассимиляции евреев
8	Необходимость высылки евреев
9	Необходимость наказания евреев

Максимально возможное число типов публикаций в такой системе составляет около пяти тысяч, то есть система довольно мощна при относительной простоте. Система обладает хорошей диспергирующей способностью, то есть наиболее распространенный в либеральной прессе тип публикаций («6243», по номерам значений в каждом из параметров) собирает лишь 12% всех публикаций².

При изменении темы, по которой производится анализ, должна проводиться «настройка» системы: изменение списка объектов, проверка дисперсии системы (при недостаточной дисперсии параметры должны «измельчаться») и проверка равномерности заполнения клеток (при наличии слабо заполненных клеток соответствующие параметры должны «укрупняться»). Последняя процедура нами не проводилась, так как схема в целом разрабатывалась так, чтобы она была пригодна для анализа любой (не только либеральной) прессы. При анализе именно либеральной прессы слабо заполненными оказываются значения 7, 8, 9 параметра «позиция» и значения 8, 9 параметра «глубина анализа». Кроме того, отдельно выделялись публикации, в которых затрагивается тема репатриации, что позволило оценить влияние этой темы на позицию авторов.

Список анализируемых изданий составлялся так, чтобы моделировать круг чтения либерально настроенного интеллигента крупного города³.

Выбор изданий и названия групп прессы (либеральная, официозная) производился в начале 1990 г. и изначально был несколько условен. В дальнейшем позиции конкретных изданий менялись, но список изданий сохранялся, исходя из наличия инерции, свойственной человеку (продолжающему читать в течение некоторого времени именно те издания, к которым он привык). Недостатком такого подхода явилось, в частности, то, что в поле нашего зрения не попали новые издания достоинством — то, что мы можем анализировать тренды.

Для увеличения достоверности наших выводов все результаты анализа рассматривались только в сопоставлении. В частности, такой подход исключает систематические ошибки — например, необъективность экспертов. Наши данные позволяют провести следующие сопоставления: одного и того же издания или группы изданий в разное время (тренд), одной группы изданий с другой (либеральных и официозных), прессы одного региона с прессой другого, одного издания с другим, одного издания со всеми изданиями одной группы (репрезентативность).

2. Результаты исследования

Недостатком нашей методики является большое количество параметров получаемых результатов, даже при наличии в программе обработки разного рода фильтров, отсекающих малодостоверные данные. Поэтому в данной публикации мы приводим лишь небольшую долю полученных результатов, отбирая их с учетом, во-первых, демонстрации мощности методики, во-вторых, предполагаемого интереса потенциального читателя. Все результаты здесь и далее даются в процентах.

2.1. Влияние затрагивания в статье темы «репатриация»

Как представляется, болезненность либеральной прессы по отношению к теме репатриации практически исчезла на грани

Значение параметра «освещение»	1990		1991	
	все публикации	репатриационные	все публикации	репатриационные
1	2	3	4	5
Недостоверно	2	10	0	0
Смесь недостоверного и достоверного	0	2	0	1
Негативный факт	5	25	2	2

между 1990 и 1991 гг.— повышенная доля недостоверных, смешанных и негативных публикаций на общем фоне всех текстов сошла на нет.

Значение параметра «объект»	1990	1991
СССР	5	15
Евреи СССР	19	41
Репатрианты	48	23
Израиль	28	17

Определенно, пик интереса переместился с того, что происходит с репатриантами «там» (репатрианты), на то, что происходит с евреями «здесь» (евреи СССР), то есть на рассмотрение причин выезда. Указанные в этой таблице значения параметра «объект» были использованы только при анализе репатриационных публикаций.

Значение параметра «позиция»	Публикации									
	репатриан- ционные		все		репатриационные		все			
	объект									
	евреи СССР		евреи СССР		репатриан- ты		Израиль		Израиль, евреи	
Годы	1990	1991	1990	1991	1990	1991	1990	1991	1990	1991
Позитивная	0	25	8	8	5	40	30	35	37	40
Нейтральная	30	40	19	17	27	25	7	25	23	35
Сочувственная	45	25	13	15	37	25	22	30	10	5
Негативная	20	10	8	5	30	10	40	10	25	15

Видно, что доминирующая позиция в отношении евреев СССР в репатриационных публикациях стала из сочувственной — нейтральной (подчеркнуты), совпав с таковой во всех публикациях (подчеркнуты). Аналогичный процесс — приближения доминирующих оценок в репатриационных публикациях к таковым во всех публикациях — виден и в отношении объектов «репатрианты», «Израиль» (подчеркнуты). Таким образом, и здесь (как в первой таблице) виден процесс нормализации отношения либеральной прессы к теме репатриации.

2.2. Анализ либеральной прессы и сравнение ее с официозной прессой

Приведем несколько примеров результатов анализа распределения публикаций по отдельным параметрам.

Как пример результатов анализа распределения публикаций по объектам можно привести следующее: доля публикаций с объектом «отношения диаспора — страна проживания» пропорциональна доле публикаций с объектом «отношения советские евреи — СССР», а не доле публикаций с объектом «Израиль» или с объектом «отношения Израиль — прочие страны». Это может означать, что вопрос отношений между диаспорой и страной проживания воспринимается как проекция внутрисоветской си-

туаации на «зарубеж», а не как вопрос собственно еврейский или собственно зарубежный.

Как пример результатов анализа распределения публикаций по освещению можно привести следующее: доля публикаций с освещением «негативный факт» уменьшилась от 1990 к 1991 г. в 1,5—4 раза для всех региональных групп прессы (балтийская, центральная, российская).

Как пример результатов анализа распределения публикаций по позиции можно привести следующее: позитивная по отношению к евреям позиция в 1990 и 1991 гг. встречается в балтийской прессе в 1,5 раза чаще, чем в других регионах. Отметим, что и негативная по отношению к антисемитизму позиция в балтийской прессе встречается в 2 раза реже. На каком-то интервале критика антисемитизма была «дежурным блюдом» наших демократов, в Балтии же обошлись без этого. Негативная по отношению к евреям позиция встречается в официозной прессе в 5 раз чаще, чем в либеральной в 1991 г. (до августа), в 3,5 раза чаще — после него.

Кроме значений параметров, мы прослеживали и связи между параметрами. Делалось это следующим образом. Допустим, среди всех публикаций доля А посвящена какому-то определенному объекту, например Израилю. Далее, среди всех публикаций доля В имеет значение 2 параметра «глубина анализа» — современный факт. Какая доля всех публикаций повествует о современных фактах, касающихся Израиля? Если эти свойства не связаны, то $C = AB$. Если $C > AB$, это означает, что, когда пишут об Израиле, предпочитают писать о современных фактах (а не об истории) или если пишут о современных фактах, то предпочитают писать об Израиле (а не, например, об арабо-израильских отношениях). Если $C < AB$, то ситуация противоположная — имеет место «избегание». Коэффициент C/AB имеет смысл, очень близкий к коэффициенту Юла³, и отличается лишь нормировкой. Далее мы вычислили все коэффициенты C/AB для либеральной и официозной прессы и обнаружили следующее:

1. Сближения либеральной и официозной прессы по затрагиваемой проблематике нет — сохраняется разная «схема пристрастий».

2. Если пишут об Израиле и его отношениях со всеми, кроме арабов, — то в 2 раза более вероятно, что упоминается позитивный

факт и наличествует позитивное отношение к Израилю, — это свойство и либеральной и официозной прессы (единственное, которое их объединяет), а имевшее место до августа 1991 г. в официозной прессе избегание нейтральных фактов («черно-белое» освещение событий) исчезло.

3. Если пишут об израильско-арабских отношениях, то вдвое более вероятно, что негативно об Израиле, и вдвое менее вероятно, что позитивно об Израиле. Это две независимых характеристики, причем первая присуща либеральной прессе, а вторая — официозной. Разница в реакциях примечательна: официозная пресса и реагирует соответственно более «официозно». Все-таки арабы — «наши друзья».

4. Если пишут об «отношениях советские евреи — СССР», то вдвое менее вероятно, что позитивно о евреях. Эта позиция проявляется в либеральной прессе, в официозной ситуация иногда обратная. В то же время втрое более вероятно, что исторические факты затрагиваются в официозной прессе (истории касаться «спокойнее»).

5. Если пишут об историческом факте, то в 3—4 раза более вероятно, что сочувственно о евреях — в официозной прессе, а если о современном факте, то вдвое менее вероятно, что сочувственно — в либеральной прессе. Отсюда видно, что либеральная пресса гораздо менее «либеральна», чем принято считать.

6. Если пишут о диаспоре, то менее вероятно, что это современный факт. Это характерно для либеральной прессы и до и после августа 1991 г.

2.3. Репрезентативность изданий как либеральных

Наиболее хорошо репрезентируют либеральную прессу из журналов — «Знамя», из газет — «Московские новости» («МН»). В 94% случаев средние значения всех 4-х параметров, характеризующих либеральную прессу за любой год с 1990-го по 1993-й, отличаются от значений, характеризующих «Знамя» и «МН», не более, чем на погрешность измерения. Обращаем внимание, что нельзя утверждать, будто эти издания «наиболее либеральны», — ибо меры либеральности мы не вводили, да и ее было бы очень сложно ввести, учитывая большую семантическую нагруженность термина.

2.4. Тенденция на интервале 1990—1994 гг.

1. Пик общего количества публикаций по затрагиваемой тематике пришелся на вторую половину 1991—1993 гг. Максимум плотности публикаций превосходил показатель 1990 г. в 1,5 раза. К 1993 г. плотность публикаций упала до уровня 1990 г., а к 1994 г. сократилась еще на 30%. Таким образом, пик интереса либералов к евреям пройден. Пик публикаций в газете «Коммерсантъ-Дейли», ориентированной на «новых русских», был пройден тогда же и имел ту же амплитуду. В плане оценок отметим, что, по нашему мнению, это положительное явление. Гипертрофированный интерес к евреям — признак излишней политизированности. Некоторые лидеры Ваада заявляют, что «страна должна чувствовать еврейское присутствие». Едва ли это оправданно в современной общественно-политической ситуации. Мы считаем, что у страны и без евреев слишком много того, что ей приходится «чувствовать».

2. Вариация параметров 1 и 3 в период 1990—1994 гг. лежит в пределах точности измерений, то есть на уровне объекта (о чем писать и какой факт описывать) ситуация стабильна. Возможные эффекты проявляются на более субъективном, более поверхностном уровне — то есть в параметрах 2 и 4.

3. Параметр 2 на начальном этапе сократился от уровня 2,9—3,1% в 1990—1991 гг. до 2,6 — в 1992 г. и 2,3 — в 1993 г., а затем практически стабилизировался (2,3 в 1993 г., 2,5 — в 1994 г.) Это означает стабилизацию числа публикаций с большими значениями данного параметра, то есть обзорных и тем более аналитических работ. Иными словами, интерес к евреям стал приобретать более поверхностный характер, но затем — глубина публикаций стабилизировалась.

4. Наиболее неожиданна оказалась вариация параметра 4 («позиция»). В целом он изменяется довольно слабо, но, например, для «МН» характерен его рост от 2,9—3,0% в 1990—1992 гг. до 3,4 в 1993 г. При анализе этого — для либеральной прессы неожиданного — эффекта (ухудшение позиции по отношению к евреям) оказалось, что доля публикаций со значением параметра «позиция» равным 5 (общее негативное отношение) слабо меняется с годами, колеблясь в пределах 7—14%, в то время как доля публикаций со значением этого параметра 6 (отрицание национальной самобытности) увеличивается с годами от значений

менее 1% в 1990 — начале 1991 г. до 2% в конце 1991—1992 гг. и 7% в 1993 г. Таким образом, либеральная пресса медленно дрейфует в сторону унитарности, «имперской русификаторской идеологии» и т. п.

Авторы благодарны В. Д. Шапиро за обсуждение этой работы и А. Ф. Дедкову за участие в разработке методики обработки данных и в обсуждении результатов.

¹ *Lainge G., Martin G., Nantel E., Plante P.* L'Analyse de contenu assistee par ordinateur: l'option LIAO // *The Canadian Review of Sociology and Anthropology*. 1989. V. 26. № 4. P. 596—616; *Jarbit G.* The Media as Stage for the Drawn of AIDS // *Nordicon Review of Nordic Mass Media Communications Research*. 1989. № 1. P. 43—46; *McTavish D. G., Pirro E. B.* Contextual Content Analysis. // *Quality and Quantity*. 1990. V. 24. № 3. P. 246—265.

² Трехпараметрическая схема, использованная в ряде работ, достаточной дисперсией не обладает. Тип «6.43» (объединение 6143, 6243... 6943) собирает в нашем случае уже 27% всех публикаций. Таким образом, уменьшение количества параметров нежелательно.

³ Там же.

⁴ Анализировались издания: «Балтийское время» (Рига), «Век XX и мир», «Волга» (Саратов), «Даугава» (Рига), «Дом кино», «Дружба народов», «Звезда» (Санкт-Петербург), «Знамя», «Знание — сила», «Иностранная литература», «Искусство кино», «Квант», «Книжное обозрение», «Кодры» (Кишинев), «Коммерсантъ» (позже «Коммерсантъ-Дейли»), «Консенсус», «Литувос Ритас», или «Эхо Литвы» (Вильнюс), «Мегаполис-экспресс», «Молодежь Эстонии» (Таллинн), «Московские новости», «Наука и жизнь», «Наука и религия», «Наше наследие», «Нева» (Санкт-Петербург), «Новый мир», «Огонек», «Октябрь», «Радуга» (Таллинн), «Родник» (Рига), «Смена», «Собеседник», «Совершенно секретно», «Советская молодежь» (Рига, позже «СМ-сегодня»), «Советский цирк» (позже «Арена»), «Советский экран» (позже «Экран»), «Студенческий меридиан», «Урал» (Екатеринбург), «Химия и жизнь», «Энергия», «Юность». Список официальной прессы выглядел так: «Вечерняя Москва», «Гласность», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Московская правда», «Правда», «Рабочая трибуна», «Советская Россия», «Союз».

⁴ См. подробнее: Рабочая книга социолога. М., 1977. С. 212—214; Словарь прикладной социологии. Минск, 1984. С. 64—65.

ИСТОРИЯ

М. Гольдельман (Иерусалим)

ЕВРЕИ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ХАЗАРИИ

В VIII—X вв. Хазарское государство было крупнейшим политическим объединением Восточной Европы. Подвластные ему территории на севере простирались до средней Волги, на юге включали степи Предкавказья, на западе захватывали Крым и Киев, а на востоке доходили до Хорезма и Гургана.

После 740 г. иудаизм стал официальной государственной религией Хазарии. До последнего времени во всех трудах, посвященных хазарской истории, постулировался тезис о прозелитическом характере хазарского иудаизма. И отечественные¹ и зарубежные² исследователи считали хазар народом тюркского³ либо угорского⁴ происхождения, одним из гунно-болгарских племен⁵, даже плодом взаимодействия трех этносов: иранского, угорского и тюркского⁶. М. Артамонов в монографии «История хазар», опираясь на всю совокупность данных, подтвердил предположение А. Гаркави и Вс. Миллера о роли древних иудейских общин Дагестана в распространении иудаизма среди хазар⁷. В одном из своих последних научно-популярных трудов Л. Гумилев пытался отождествить хазарских евреев с евреями — сторонниками маздакитов (жестоких уравнителей, потерпевших около 530 г. поражение после восстания в Иране, бежавших на Кавказ и проживавших 200 лет по соседству с хазарами, между Терекком и Сулаком)⁸. Однако этот вывод Гумилева ничем не обоснован, так же как и его утверждение, будто первый хазарский царь Булан, принявший иудаизм, порвал с маздакитскими традициями и принял караимство⁹. А последователь Гумилева публицист В. Кожин умудрился даже соединить версию о маздакитах с давно опровергнутой М. Артамоновым гипотезой о хорезмийском происхождении хазарских иудеев¹⁰. К интересующей нас проблеме обращался также израильский историк А. Поляк, признав наи-

более приемлемой версию «Кембриджского документа» (о ней чуть ниже)¹¹.

Попытаемся аргументировать тезис о наличии интенсивных этнических контактов евреев и хазар до принятия последними иудаизма в качестве государственной религии Хазарии.

Эта проблема оставалась вне сферы интересов исследователей прежде всего в силу отсутствия соответствующих однозначных утверждений в двух основных источниках по истории обращения хазар. Первый — это письмо хазарского владыки Иосифа из знаменитой «еврейско-хазарской переписки» X в. Второй — произведение еврейского философа XII в. Иеѓуды Галеви «Кузари: Книга доводов и доказательств в защиту униженной веры». Рассказ об обращении хазарского властителя в иудаизм (около 740 г.) проходит в нем лишь как исторический фон повествования, построенного в форме диалогов с представителями различных религий.

Вероятнее всего, и Иосиф, писавший через два века после событий 740 г., и Галеви, творивший спустя четыре столетия, пользовались одним и тем же источником, на который они оба ссылаются, — «родословными книгами», или иначе — «летописными книгами хазар»¹². В Испании, в родной город Галеви — Толедо, эти книги, видимо, были привезены переселившимися туда хазарскими евреями. В 1161 г. в книге «Сефер га-Кабала» Авраѓам ибн Дауд утверждал: «Мы видели в Толедо некоторых из их потомков (Иосифа и его подданных.— М. Б.), которые были ученые, и они сообщили нам, что их остатки были раввинистической веры»¹³. Зависимость от одного источника объясняет как содержательную ценность, так и ограниченность рассказов Иосифа и Галеви. Таким образом, вопрос об отсутствии прямых указаний на интенсивность контактов евреев и хазар в обоих источниках сводится к проблеме отсутствия таковых в используемых их авторами хазарских летописях. Кстати, сам первооткрыватель и публикатор «еврейско-хазарской переписки» Исаак Акриш прямо связывал смысл своей публикации с поисками легендарных пропавших «десяти колен израилевых»¹⁴.

В основании нашей гипотезы лежит прежде всего версия, предлагаемая анонимным автором третьего основного источника по хазарской истории, известного как «текст Шехтера» или «Кембриджский документ». Он был открыт в 1912 г. известным

гебраистом Шломо Шехтером в Кембриджском собрании манускриптов из Каирской генизы¹⁵.

Первый исследователь этого источника, П. Коковцов, весьма скептически оценил его аутентичность, считая «текст Шехтера» фальсификацией XII—XIII вв., сделанной с апологетическими целями¹⁶. Лишь сравнительно недавно Н. Голбу и О. Прицаку удалось опровергнуть многие аргументы Коковцова¹⁷. Был сделан вывод, что «текст Шехтера» — оригинальное произведение X в., созданное в Константинополе хазарским евреем — подданным Иосифа¹⁸.

В начале текста утверждается мнение о происхождении части хазар от евреев, утративших свою религиозную традицию: «...Армения. И наши отцы бежали от них, потому что не могли нести иго идолопоклонников, и хазарские люди приняли их, потому что хазарские люди были сначала без Торы и оставались во время их соседства с Арменией без Торы и письма. Они пережились с жителями той земли, и смешались с неевреями, и научились их делам, и выходили всегда с ними на войну, и стали одним народом. Только они придерживались заповеди обрезания и немногие из них соблюдали Субботу»¹⁹.

Несмотря на признание оригинальности и аутентичности «текста Шехтера», Голб счел изложенную в нем трактовку событий историческим мифом, оправдывающим и объясняющим обращение хазар в иудаизм. Его соавтор, Прицак, пошел дальше и задался вопросом Данлопа: что делать с версией «Кембриджского анонима», если и версия «еврейско-хазарской переписки» достаточно убедительна?²⁰ Прицак доказывает, что на самом деле существовали две различных традиции понимания этих событий в хазарском обществе. Первая следовала хазарской летописной традиции, представляя официальную версию прозелитической царской династии. Другое объяснение, сохраненное в «тексте Шехтера», представляло версию, бытовавшую в местной хазарской еврейской общине²¹.

Но если существует две традиции объяснения одних и тех же событий, обе исторически ценные и во многом дополняющие друг друга, то остается безусловное противоречие в вопросе о происхождении хазар.

Чтобы разобраться в нем, стоит вернуться к началу этнической истории хазар и определить: кем были сами хазары? Что они представляли собой в период начальной стадии образования

Хазарского государства в VII в. и как они выглядят в сохранившихся письменных источниках?

Политически хазары выделяются внутри Западно-тюркского каганата в Восточном Предкавказье с начала VII в., становясь во главе полиэтничного союза племен. Процесс разложения Тюркского каганата, завершившийся его крушением в середине столетия, сопровождается образованием Хазарского государства²².

По источникам можно проследить, что становление хазарской общности шло параллельно с формированием хазарской государственности. Хазарами в широком смысле часто называли вообще всех подданных хазарских властителей вне зависимости от их этнической и религиозной принадлежности. Впрочем, в источниках фигурируют и выделяемые отдельно булгары, аланы, буртасы, мадьяры и славяне, компактно расселенные среди хазар и сохранявшие оригинальные этнонимы. Всех же остальных жителей Хазарии называли «хазарами», и от этого у историков создавалось впечатление, будто сами хазары были лишь «островком» в пестром этническом мире юго-востока Европы²³.

Еврейская традиция возводит собственно хазар к Хазару (так в письме Иосифа²⁴)/ Казару (так в еврейском сочинении X в. — известной хронике «Иосиппон»²⁵) — седьмому сыну Тогармы, библейского прародителя тюркских народов, сыну Яфета.

Таковую же родословную от Яфета предлагает Йакут²⁶. А вот у ат-Табари хазары и тюрки представлены вместе как потомки Яфета, то есть хазары оказываются ближайшими родственниками тюрков и выглядят как отдельный от последних этнос²⁷. Аналогично и Масуди называет хазар в числе народов тюркской семьи, при этом различая хазар и тюрков²⁸. Новейшие исследования в области языка, социальной терминологии и названий поселений хазар дают все основания утверждать, что на ранней стадии развития хазарскую этническую общность составляли в своей основе племена тюркского происхождения²⁹.

Эльдад Га-Дани — знаменитый еврейский путешественник конца IX в. — всколыхнул все еврейское население юга Европы рассказами о жизни легендарных «десяти колен Израиля», пропавших после ассирийского пленения в 722 г. до н. э. и рассеянных по всему миру. В числе прочего он указывал: «Колена Шимона и половина колена Менаше находятся в земле Казар, на расстоянии шести месяцев пути от Иерусалима; они бесчисленны и берут дань с двадцати пяти царств. И со стороны

исмаильтян платится им дань по причине их страшного вида и храбрости»³⁰. Предположение о происхождении еврейской части хазар от колена Шимона было высказано также «Кембриджским анонимом»: «...И говорят в нашей земле, что наши отцы были из колена Шимона, но мы не можем настаивать на этом»³¹. Упоминание о колене Шимона содержится и в еврейском сочинении *צְרָרָה דְּמַר יַאֲקֹב*— «Актан де-Мар Яаков», повествующем о путешествии Яакова, сына Элизера по «стране Козарии»: «Отделился Козар от своих братьев и ушел в страну Козарию. И предопределил Святой, да будет Он благословен, и привел сыновей Шимона в страну его (Козара), и породнились сыновья (Козара) с сыновьями Яакова и стали праведными герами...»³²

Некоторые факты можно почерпнуть из истории Киева, одно время бывшего хазарским городом с иудейской общиной. По мнению Г. Вернадского, Киев был основан хазарами около 840 г. в качестве пограничного торгового пункта на северо-западе³³. Прототипом его легендарного основателя Кия был, возможно, начальник хорезмийской гвардии владыки хазар Куйа³⁴. В сочинении византийского императора Константина Багрянородного можно встретить еще одно название Киева — Самбатас³⁵. Оно без труда отождествляется с легендарной еврейской рекой Самбатсион, до которой, согласно Талмуду и средневековым еврейским сочинениям, должны были дойти пропавшие колена Израиля. Под рекой Самбатсион в хазарско-еврейской общине Киева подразумевался Днепр, в котором они видели крайний предел своего распространения для них (как потомков «пропавших колен»), а Киев, пограничный пункт поселения хазарских евреев на Днепре, был назван Самбатасом³⁶.

Существенно и недавно открытое «Киевское письмо», происходящее из иудейской общины Киева, — *של קייוב כהל*³⁷. Это просьба о сборе денег для выкупа из долгового плена одного из членов общины (что было исполнением почетной заповеди Торы). На письме есть разрешающая виза, написанная тюркскими рунами («Хокурум» — «я читал»), поставленная чиновником хазарской администрации Киева, это позволило Прицаку датировать «Киевское письмо» не позднее чем 930 г., исходя из анализа исторической ситуации в X в.³⁸

В ономастиконе «Киевского письма» наряду с традиционными еврейскими именами (Аврахам, Ицхак, Реувен, Иеғуда, Йосеф, Моше, Шимон, Шмуэль) присутствуют также небиблей-

ские, относимые к еврейской традиции (Синай, Ханука), и тюркские (Киабар, Сурта, Манас, Манар, Кофин)³⁹ и, возможно, славянское (Гостята)⁴⁰. Голб априорно предположил принадлежность нееврейских имен тюркам-прозелитам. Его смутило только то, что за несколькими из этих имен следует титул — коґен (Киабар Коґен), который мог принадлежать лишь потомкам священников Иерусалимского Храма.

Если бы обладатели нееврейских имен вправду были прозелитами, тогда можно было бы всерьез говорить и о следующей гипотезе Голба, допустившего, что вопреки еврейскому закону и практике еврейских средневековых общин эта титулатура использовалась после обращения хазар в иудаизм служителями языческого & тюркского культа Тенгри, сохранившими таким образом память о своем прежнем сани⁴¹. И тогда наряду с данным (сомнительным) тезисом была бы верной и оценка Голбом версии «текста Шехтера» о еврейском происхождении части хазар в качестве исторического мифа, оправдывавшего принятие бывшими хазарскими священнослужителями, не имевшими никаких связей с родом первосвященника Аарона, титула «коґен»⁴². Однако вся эта система доказательств рухнет, как только мы допустим, что нееврейские имена вовсе не обязательно принадлежат прозелитам. Как раз напротив, для тюрков-прозелитов логичнее было бы пользоваться новым, еврейским именем и забыть о своем языческом прошлом. А вот хазарские евреи не имели таких проблем, они и без того признавались евреями и, по-видимому, не все они считали для себя обязательным использовать новые имена. Сын одного из них, Шмуэля Коґена, даже имея отца с еврейским именем, продолжал называть себя тюркским прозвищем Манар. Следует признать, что употребление титулатур «коґен» и «левит» (Ицхак Левит) и с еврейскими и нееврейскими именами отражало общееврейскую практику передачи титулатуры от отца к сыну, существующую с древних времен до наших дней. В самом деле, если хазарским евреям удалось сохранить Субботу и обрезание, почему они не могли удерживать и эту еврейскую традицию?

Свидетельством выпадения хазарских евреев (на некоторое время) из общееврейской традиции могут служить имена Синай и Ханука, не встречающиеся почти нигде, кроме Хазарии (они имеются также и на могильных плитах евреев Крыма, входившего в состав Хазарии, у дагестанских и йеменских евреев), и полное

отсутствие у них небиблейских имен, распространенных в среде средневекового еврейства.

Обратимся теперь к центральному моменту хазарской истории — принятию иудаизма. Датировка этого события 740 г. была достаточно обоснована еще Данлопом⁴³. Сомнения Новосельцева⁴⁴, основанные на расплывчатом указании «около 400 лет назад» в единственном достоверном источнике, где она содержится, — «Кузари» Галеви, созданном до 1140 г., — на наш взгляд, напрасны. В другом месте «Кузари» дана еще одна датировка — 4500 г. по еврейскому летоисчислению от сотворения мира⁴⁵, что с поразительной точностью совпадает с 740 г. по христианскому летоисчислению.

Участником событий 740 г. следует признать главного героя книги Галеви — Кузари (нарицательное имя), он же Булан («булчан» — языческое племенное имя) из письма Иосифа, и он же Сабриэль (имя, данное после обряда гиора) в «тексте Шехтера». Три основных источника повествуют об одних и тех же событиях по-разному, но они не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

Иосиф и Галеви утверждают, что все началось с многочисленных снов властителя хазар, в которых ангел повторял ему: «Твои намерения угодны Творцу, но действия твои неуютны»⁴⁶. В поисках истинной веры и образа жизни Булан-Кузари обращается к изучению различных религий. В числе их представителей Кузари пригласил еврейского мудреца Ицхака Сангари, и тот сумел убедить его в истинности еврейской веры. Об этом своеобразном диспуте — выборе веры с участием епископа и раввина — помимо еврейских источников сообщает и испано-арабский автор конца XI в. ал-Бекри⁴⁷. По версии «текста Шехтера», значительное влияние на выбор Сабриэля в пользу иудаизма оказал «праведник» — его тесть — и сама его жена с редким еврейским именем Серах⁴⁸, которое встречается только у дагестанских евреев⁴⁹.

Здесь уместна аналогия из истории Византии. В 733 г., еще до принятия иудаизма хазарами, сын византийского императора, будущий Константин V, женился на дочери хазарского хакана — будущей императрице Ирине Цицак. Она ввела при дворе обычай украшать одежду в торжественные дни специальными нитями — «цицакиями», о чем сообщает Константин Багрянородный, ука-

зывая на хазарское происхождение обычаев (отсюда и прозвище Ирины)⁵⁰. Это своеобразное и очень характерное искажение древнего раввинистического закона — надевать ежедневно «талиты», четырехугольные одежды, украшенные по краям нитями — «цицит»⁵¹.

Теперь вернемся к событиям 740 г., к наиболее важному для нас моменту — путешествию Кузари для совершения обряда гиюра — принятия иудаизма. Согласно «Кузари», после выбора веры он поведал свой сон советнику-везиру, и они оба тайно пошли в горы Варасана, в арабской версии Галеви — «Варасан» (в различных вариантах перевода на иврит Ибн-Тибона: правильно — ׳רסרר , более точно — ׳רסרר и ошибочно — ׳רסרר)⁵². Эта очевидная путаница переписчика вызвала ассоциации у караима С. Шишмана — с Херсонесом-Корсунью в Крыму⁵³. Эти горы находились в пустыне (перевод Коковцова не вполне точен — «пустынные горы»⁵⁴), вблизи моря. В этих горах, где каждую Субботу евреи собирались праздновать «шаббат», царь с везирем и приняли Учение, там же были обрезаны⁵⁵.

В «тексте Шехтера» фигурируют также древние книги Торы из пещеры хазарской долины Тизул, ставшие решающим аргументом для еврейских мудрецов⁵⁶. Хасдай ибн Шапрут пишет, что эти книги были некогда спрятаны там во время преследований, а когда их нашли, евреи вновь стали изучать Закон⁵⁷.

Информаторы Хасдая ибн Шапрута связывали эту легендарную пещеру с первоначальным местом жительства хазарских евреев у горы Сеир⁵⁸, что вызвало у него законное недоумение, так как библейская гора Сеир располагалась на юге Эрец-Исраэль. Здесь, казалось бы, смешение горы Сеир с Сериром — известным в средневековье названием современной Аварии в горах Дагестана⁵⁹.

Возможен и следующий ход рассуждений. Упоминание у Хасдая ибн Шапрута Сеира в качестве древнейшего района обитания предков хазарских евреев можно сопоставить с указанием Диврей Гаямим (I; 4: 42) на гору Сеир как на последнее известное место поселения части колена Шимона после победы над амаликитянами. Видимо, с этим связано представление о хазарских евреях как о потомках колена Шимона у Эльдада Га-Дани и у «Кембриджского анонима»⁶⁰. Само слово «серир» переводится как «золотой трон» (на персидском — «тахт», изначально это было не наименование страны, а сокращение араб-

ского титула «сахиб ас-сарир» — «владелец трона») . Название «Серир» давно было сопоставлено с легендой Эльдада Га-Дани о пропавших еврейских коленах Дагаб-Дахи («чистое золото» на арамейском), живущих в степях и «воюющих с семью царствами» (на том основании, что «ад-дзагаб» — это и есть «золотой трон», Серир)⁶¹. В приписке к крымской рукописи Торы из собрания Фирковича указывается летоисчисление от сотворения мира — 4665 г., что соответствует 905 г. н. э.⁶². В числе еврейских общин, использующих это летоисчисление, наряду с общинами Матархи (Тмутаракани) и Каракубана названа и община Тохт (Тахт).

Видимо, с характером иудаизма евреев, выпавших на некоторое время из общеврейской традиции и вернувшихся к ней после нового обретения и изучения своих же древних книг, следует связывать сохранившиеся по крайней мере до X в. особенности хазарского раввинистического иудаизма. Указание испанского еврея Иеѓуды бен Барзиллая (комментировавшего в начале XII в. в «Сефер га-иттим» отрывки из письма Иосифа) на принесение хазарами жертвоприношений находится в предположительной зависимости от описанной Иосифом и Галеви постройки скинии — «мишкана» — переносного Храма «наподобие сделанного Моисеем»⁶³, где жертвоприношения, по-видимому, и совершались.

Более точная локализация местонахождения гор Варасана и долины Тизул, где находилась легендарная пещера, может дать ответы на интересующие нас вопросы, и в числе прочих — на самый главный: с кем мы вправе отождествить тех евреев, благодаря кому обратился хазарский властитель и от которых «пошел иудаизм на Хазарии»?

Прежде всего, горам Варасана можно найти соответствие с большой рекой Варасан (ורסן) из письма Иосифа, у которой тот проводил лето, покидая свою столицу Итиль. Впрочем, на возможность путаницы при написании в иврите горы (גר) и реки (רג), а отсюда и отождествления двух разных пунктов обратил внимание еще Й. Маркварг⁶⁴. По описанию эту реку нетрудно сопоставить с «большой рекой» в степях Баланджара, где, согласно ал-Куфи, погиб Муслим бен Рабаах, и с самой рекой Баланджар за Дербентом, фигурирующей у Ибн ал-Факиха, ал-Балазури и ал-Йакуби (у ат-Табари помимо реки можно встретить и горы Баланджара в рассказе о войне Масламы с хазарами), — географически эта река совпадает с рекой Сулак в Северном Дагестане⁶⁵.

Однако, вопреки приведенным выше указаниям, название Баланджар обычно используется в подавляющем большинстве арабских и персидских источников для обозначения древнейшей столицы Хазарии (до перенесения ее в 730-х гг. на Волгу в Итиль). Упоминания о Баланджаре исчезают после арабо-хазарских войн 720—730-х гг., в ходе которых в 723 г. этот город был опустошен арабским полководцем ал-Джаррахом⁶⁶.

Кроме того, там же, к северу от Дербента, в армянских источниках VII в. помещается «город хонов», которых обычно отождествляют с так называемыми «дагестанскими гуннами»⁶⁷. В «Армянской географии» («Ашхарацуйце») он известен как Вараджан (Варачан), но подробные сведения о нем содержатся только у Мовсеса Каланкатуаци в «Истории страны Алуанк» — в рассказе о посольстве епископа Исраэля «к великому князю хонов» в «знаменитый город Варачан» к северо-западу от Дербента. Описывая население Варачана в целом как язычников, «преданных сатане», Мовсес Каланкатуаци замечает, что там наблюдалось «раздвоение веры, ибо были люди, называющие себя богопочтонниками»⁶⁸.

Это замечание вполне согласуется с рассказом одной арабской версии «Дербенд-намэ» о походе арабов на хазар в Дагестан в 737 г., где прямо указывается на язычество хазар, но тут же говорится, что «некоторые исполняли законы Мусы (Моисея)»⁶⁹. Видимо, не случайно составителями грузинской летописи «Картлис цховреба» гунны («хонни») были заменены на «евреев»⁷⁰.

Связь Варачана с горами Варасана и рекой Варасан достаточно очевидна⁷¹. Известное отождествление Варачана с Баланджаром впервые встречается еще у Б. Дорна⁷². Варачану в армянских источниках всегда соответствует Баланджар в арабских. Таким образом, это — один и тот же город, локализуемый в конкретном месте и имеющий различные названия у разных народов. Так подтверждается старый вывод Артамонова: «Все топографические признаки Беленджера... совпадают с условиями Северного Дагестана, где к северу от долины р. Сулака начинается степь, а с запада близко подходят Кавказские горы»⁷³.

До сих пор основной проблемой при локализации древней хазарской столицы была путаница между Баланджаром и Семендером, следующая за их смешением в некоторых арабских источниках. Тем не менее Варачан-Баланджар принадлежит Северному Дагестану, вероятнее всего, это — огромное Верхнечирюртовское

городище на реке Сулак, в проломе Приморских хребтов, что подтверждается последними археологическими разработками⁷⁴.

Что же касается второго главного хазарского города (вплоть до конца X в.), «города виноградников и садов» Семендера, — то он находился в 8 днях пути от Итиля и 4 днях пути от Дербента, всего в 2 фарсах пути от Серира, и не в Северном, а в Приморском Дагестане; это позволяет с полным правом отнести его к современному селению Тарки рядом с Махачкалой, в самом конце страны Т-д-лу письма Иосифа — долины Тизул «текста Шехтера»⁷⁵.

Теперь приведем еще одно, самое любопытное сопоставление. Давно замечено, что у византийских хронистов в качестве легендарной прародины хазар указана страна под названием Берзилия или Версилия. Феофан считал, что «хазары, великий народ, вышли из Берзилии, самой дальней страны Первой Сарматии»⁷⁶. Последнее имеет параллель с размещением хазар в Сарматии «Армянской географией», заимствовавшей этот топоним у Птолемея, а также названием Хазарии Аркнус (Скифией) в «тексте Шехтера». Михаил Сириец территориально помещал Берзилию на Северном Кавказе, что географически совпадает с областью Башлы в Северном Дагестане и ал-Баршалией у Балазури (в которой произошла встреча сасанидского шаха Хосрова Ануширвана с хазарским хаканом во время похода первого на Хазарию)⁷⁷.

По всей видимости, расположенная в Терско-Сулакском междуречье⁷⁸ обширная область Барсилия, древняя хазарская прародина, связана не только с наименованием Варасан (у них единый корень — Ծրճ), но и с древней хазарской столицей — городом Варачан-Баланджар, который в ней находился. При том эта связь и географическая, и лингвистическая: Варачан представляет собой армянскую форму с иранским окончанием, а Барсилия — тюркскую конструкцию с той же основой⁷⁹.

В арабских и армянских источниках VII—X вв. можно встретить уже не топоним, а этноним — «барсилы». У Мовсеса Хоренаци содержится описание разгрома, который «орды объединившихся горцев» (барсилы вместе с хазарами) учинили в конце II в., вторгшись в Закавказье через знаменитый проход Чора у Дербента⁸⁰.

Если упоминание хазар в связи с событиями этого времени невероятно и является явной интерполяцией (перенесением названия современного автору народа в отдаленное прошлое), то в

целом за этой ошибкой стоит более поздняя, реальная расстановка сил времен борьбы с арабами в Закавказье (наиболее вероятно VII в.).

Другую историческую реальность — практику смешанных браков между барсилами и хазарами во второй половине VII в. — мы также можем найти в другом армянском источнике: «У хакана хазар жена выбиралась из народа барсилов»⁸¹. Близкие отношения барсилов с хазарами были поняты поздним арабским ученым ал-Кальби как братские связи Барсола и Хазара⁸². А в письме Иосифа форма «Барзил» используется для имени одного из братьев Хазара⁸³.

Но где же проживали барсилы? «Армянская география» отмечает барсилов-«барзилаев» на Черном острове в дельте Волги-Итиля, рядом с будущей хазарской столицей, где они занимали «берега семидесяти рукавов (истоков) Этиля»⁸⁴. Но это уже более позднее время.

Поэтому мы должны вернуться к Барсилии в Северном Дагестане. Основанная исключительно на доверии к материалам «Армянской географии» и критике иных источников гипотеза А. Гадло об изначальном размещении барсилов в ближайшем к Волге районе Азовско-Каспийского междуморья⁸⁵ представляется малоубедительной. Ат-Табари спутал этноним барсилы с топонимом Баланджар при описании событий 642 г., «обнаружив» племя «баланджар» в Северном Дагестане⁸⁶. Любопытно, что жителями Баланджара не были тюрки, так как их противопоставление мы видим там же у того же ат-Табари в рассказе о неудачном походе Абд ар-Рахмана на Баланджар в 653 г. Отождествление Артамоновым и Магомедовым барсилов с булгарами представляется неправомерным, и это не противоречит выводу Артамонова о том, что барсилы составляли население Баланджара⁸⁷. Булгары, как и инкорпорированные в их состав племена, достаточно хорошо известны по источникам этого периода под собственными этнонимами и обычно упоминаются рядом с барсилами (в силу их совместного проживания на землях Северного Дагестана). А Ибн-Русте свидетельствует лишь о том, что барсилы («барсула») уже в X в. жили на Волге по соседству с булгарами, но это вовсе не означает их этнической близости⁸⁸. С другой стороны, не лишним было бы вспомнить, что Варачан назывался «городом хонов» — гуннов, сравнив это с данными о вхождении барсилов в Гуннский союз: у Феофилакты Симокатты племя «барсельт»

указано в VI в. среди кавказских гуннов⁸⁹, а в сирийской литературе VI в. барсилы упомянуты в числе народов, живущих в «гуннских пределах»⁹⁰, хотя этническими гуннами они не были — «Армянская география» и Мовсес Каланкатуаци определенно их разделяют.

Таким образом, барсилы оказываются коренными жителями древней хазарской столицы Баланджара-Варачана в области Барсилия на хазарской прародине. Источниками также подтверждается, что становление новой этнической общности стало следствием смешения двух общностей — барсилов и хазар.

На основании сопоставления источников различного происхождения о барсилах и их взаимоотношениях с хазарами (общая территория проживания, совместные военные походы, близкие родственные связи) с характеристикой смешавшихся с хазарами евреев у «Кембриджского анонима» (см. выше) отметим явно прослеживающийся параллелизм этих сообщений. К сожалению, источниковая база пока не позволяет сделать из этого каких-либо однозначных выводов.

Коль скоро известные нам топонимы, связанные с обращением хазар в иудаизм (горы Варасана и долина Тизул), относятся к древнейшему месту поселения евреев в Северном Дагестане (которое в свою очередь непосредственно связано с легендарной прародиной хазар Барсилией и древней хазарской столицей — городом Баланджар-Варачан), то для решения вопроса о происхождении мигрировавших на территорию Хазарии евреев следует обратиться к указанию «текста Шехтера» на Армению, как на древнейшее место их поселения.

И. Берлин ошибочно принял Армению (ארמניה) за Романию (רומניה) — Византию и отождествил это известие с бегством византийских евреев в Хазарию⁹¹. О. Прицак отнес термин «идолопоклонники» к зороастрийскому населению Сасанидского Ирана и предположил, что в «тексте Шехтера» говорится о преследованиях евреев во времена правления Хосрова I Ануширвана (531—577 гг.) либо Хосрова II Парвеза (591—628 гг.), бежавших же от этих гонений евреев причислил к собственно персидским, пришедшим «через Армению»⁹² вместо более корректного «из Армении», как следует из смысла текста. О гонениях на этих евреев со стороны «касдим» (халдеев-вавилонян-персов) до их миграции на территорию Хазарии было известно также Хасдаю ибн Шапруту.

При обращении с понятием «Арминия» необходимо помнить, что оригинал «текста Шехтера» был арабо-персидским, поэтому многие его термины, в особенности географические названия, имеют аналоги в арабо-персидской литературе⁹³. А арабо-персидские авторы называли Арминией (наряду с собственно Арменией, давшей название соответствующей области Сасанидского государства, а позднее — четвертому наместничеству Арабского Халифата) также Картли, Арран и Прикаспийские области⁹⁴.

Мовсес Хоренаци рассказывает о поселении царем Тиграном в I в. до н. э. множества плененных им евреев «в Армавире и в аване Вардгеса, что на реке Касах»⁹⁵. Впоследствии они расселились и по другим городам Армении. В Талмуде зафиксированы еврейские поселения этого периода в Армении (ארמניא или ארמניא ו ארמון) и развитие здесь изучения Торы⁹⁶.

На основании данных талмудической литературы Дж. Ньюзер указывает на возможность миграции потомков евреев из «десяти колен» в Армению⁹⁷. При этом Мидраш «Эха-Рабба» (к 1,44) рассказывает о странствиях еврейских колен «через Армению», объясняя это желанием Всевышнего обеспечить им благоприятные условия для жизни при прохождении процветающих земель (окончание этого повествования удивительно совпадает с началом «текста Шехтера»).

Во время нашествия персов во второй половине IV в. было уведено в плен многочисленное еврейское население из разных городов Закавказья⁹⁸. Фавстос Бузанд, подтверждая сообщение Мовсеса Хоренаци, замечает, что это были те самые евреи, которых привел Тигран⁹⁹.

Грузинская летопись «Картлис цховреба» сообщает о массовом поселении евреев в Картли во время вавилонского пленения в VI в. до н. э.: «Когда царь Новуходоносор пленил Иерусалим, то бежавшие оттуда иудеи пришли в Картли и попросили у мцхетского домовладыки земельный надел. Выделил им (место) и поселил у реки Арагви, которая называется Занави...»¹⁰⁰ В талмудической литературе места поселения «десяти колен» более раннего, ассирийского изгнания связаны с ארמון , под которой подразумевалась Иберия — Грузия¹⁰¹. У подошвы Гор Мрака (Кавказских гор) размещала «израильские колена» и еврейская хроника X в. «Иосиппон»¹⁰². О том же месте, видимо, говоря о «реках Гозана» (в большинстве сохранившихся текстов — «горах

Гозана»), писал и еврейский путешественник XII в. Беньямин Тудельский¹⁰³.

Время миграции части евреев из Арминии в Дагестан можно предположительно отнести к насильственному насаждению зороастризма в странах Закавказья при шахиншахе Йездигерде II (438—456 гг.), зафиксированному источниками этого периода¹⁰⁴.

В целом мы можем сделать вывод о закавказском происхождении участвовавших в этнической истории Хазарии евреев, считавших себя потомками «пропавших колен» и бежавших в Дагестан во время пребывания области Арминия в составе Сасанидского Ирана.

Видимо, о потомках этих евреев и рассказывает Эльдад Гадани: «Колена Иссахара кочует по горам, на берегу моря, в конце персидской и мидийской земель. Они день и ночь занимаются Торой... Они находятся на пространстве десяти дней пути в длину и ширину и обладают большим количеством скота... У них есть свой судья и князь Нахшон... говорят они на священном языке, на персидском и кедарском (тюркском)»¹⁰⁵.

Возможно, в этом тексте идет речь о евреях, вернувшихся к Торе после нахождения книг в пещере, но не переселившихся на Волгу. Это объясняет и самостоятельность в X в. правителя второго города Хазарии Самандара — иудея, находившегося в родстве и военном союзе с властителем Хазарии¹⁰⁶.

Что же касается смешавшихся с хазарами-тюрками евреев из «колена Шимона», то они, по-видимому, и являются вместе с собственно этническими хазарами — «настоящими хазарами» (или, иначе, «хазарами царского рода»), которые, по данным Масуди, оставались иудеями наряду с правящей верхушкой Хазарии в X в.¹⁰⁷.

Уже после того, как «Израэль вместе с хазарскими людьми совершил полную тшуву»¹⁰⁸, в Хазарию стали прибывать евреи из Багдада, Хорасана и Византии, а также еврейские купцы, которые вели международную торговлю между Востоком и Западом¹⁰⁹. Активная деятельность Овадии, «поправившего царство и укрепившего веру согласно закону и правилу»¹¹⁰, в конце VIII в. сделала процесс иудаизации Хазарии необратимым. Раввинистический иудаизм окончательно утвердился в качестве государственной религии Хазарии и оставался ею вплоть до политических катаклизмов 965—969 гг.

Автор выражает искреннюю признательность за многочисленные консультации при работе над данной статьей М. Купо-вецкому, М. Членову, Р. Капланову, И. Данилевскому, С. Плетневой и О. Прицаку.

¹ *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Вып. 1; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962; *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

² *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey, 1954; *Golden P. B.* Khazar Studies. Budapest, 1980. Vol. 1; *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca-London, 1982; *Ludwig D.* Struktur und Gesellschaft des Chazaren. Munster, 1982.

³ *Dunlop D. M.* Op. cit. P. 34—40.

⁴ См.: *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937. С. 85.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 81.

⁷ *Артамонов М. И.* История хазар. С. 273.

⁸ *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и великая степь. М., 1989. С. 113.

⁹ Там же. С. 123.

¹⁰ *Кожин В. В.* История Руси и русского слова // Наш современник. 1992. № 11. С. 273.

¹¹ *Поляк А. Н.* Казария. Тель-Авив, 1944 (на яз. иврит).

¹² *Артамонов М. И.* Указ соч. С. 50.

¹³ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 30.

¹⁴ *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 50.

¹⁵ *Schechter S.* An Unknown Khazar Document // The Jewish Quarterly Review. New Series. 1912. Vol. 3. № 2. P. 181—219.

¹⁶ *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. XXXV.

¹⁷ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 126—130.

¹⁸ I b i d. P. 130.

¹⁹ Текст в авторском переводе по: *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 106.

²⁰ *Dunlop D. M.* Op. cit. P. 157.

²¹ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 132.

²² *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 88.

²³ Там же. С. 112.

²⁴ *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 74, 91—92.

²⁵ Там же. С. 75.

²⁶ *Заходер Б. Н.* Указ. соч. С. 134.

²⁷ *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 78.

- ²⁸ Там же. С. 79.
- ²⁹ *Golden P. B.* Op. cit. С. 56—57.
- ³⁰ *Гаркави А. Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874. С. 20.
- ³¹ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 112.
- ³² *Берлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пб., 1919. С. 85.
- ³³ *Vernadsky G.* Ancient Russia. Vol. 1. New Haven, 1943. P. 332.
- ³⁴ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 53.
- ³⁵ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 44.
- ³⁶ *Архипов А. А.* Об одном древнем названии Киева // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 240.
- ³⁷ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 21.
- ³⁸ *Ibid.* P. 71.
- ³⁹ *Ibid.* P. 35.
- ⁴⁰ *Горпусман А. Н.* Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы в средние века // Имя—этнос—история. М., 1989. С. 48.
- ⁴¹ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 127—28.
- ⁴² *Ibid.* P. 28.
- ⁴³ *Dunlop D. M.* Op. cit. P. 117—121.
- ⁴⁴ *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 150.
- ⁴⁵ «Сефер Кузари» раби Иеѓуды Галеви. Тель-Авив, 1972 (на яз. иврит). С. 63.
- ⁴⁶ «Сефер Кузари». С. 49.
- ⁴⁷ *Dunlop D. M.* Op. cit. P. 90.
- ⁴⁸ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 108.
- ⁴⁹ *Миллер Вс.* Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб., 1882. С. 13.
- ⁵⁰ *Григорьев В. В.* Россия и Азия. СПб., 1876. С. 56.
- ⁵¹ *Гаркави А. Я.* Об языке евреев, живших в древнее время на Руси. СПб., 1866. С. 58.
- ⁵² *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 133.
- ⁵³ *Szyszman S.* Ou la conversion du roi khazar Bulan a-t-elle-eu lieu? // Hommage a Andre Dupon-Sommer. Paris, 1971. P. 327.
- ⁵⁴ *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 133.
- ⁵⁵ «Сефер Кузари». С. 95.
- ⁵⁶ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 110.
- ⁵⁷ *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 67—68.
- ⁵⁸ Там же. С. 67.
- ⁵⁹ *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 273.
- ⁶⁰ *Гальперин И.* Хазары и пропавшие колена в послании Хасдая ибн Шапруга к царю хазар // Цион, 1967. Т. XVIII. С. 80—82 (на яз. иврит).

- ⁶¹ Три еврейских путешественника... СПб., 1881. С. 7.
- ⁶² Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей... СПб., 1884. С. 469.
- ⁶³ Коковцов П. К. Указ. соч. С. 77, 94, 129, 133.
- ⁶⁴ Там же. С. 86.
- ⁶⁵ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 207.
- ⁶⁶ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 125.
- ⁶⁷ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 52.
- ⁶⁸ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван, 1984. С. 124.
- ⁶⁹ Миллер Вс. Указ. соч. С. IV.
- ⁷⁰ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.
- С. 20.
- ⁷¹ Dunlop D. M. Op. cit. P. 43—44, 119.
- ⁷² Дорн Б. Каспий. СПб., 1875. С. 86, 232.
- ⁷³ Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. С. 98.
- ⁷⁴ Магомедов М. Г. Живая связь эпох и культур. Махачкала, 1990. С. 31.
- ⁷⁵ Golb N., Pritsak O. Op. cit. P. 128—129.
- ⁷⁶ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 61.
- ⁷⁷ Golden P. V. Op. cit. P. 143—145.
- ⁷⁸ Магомедов М. Г. Указ. соч. С. 20.
- ⁷⁹ Mīnorsky V. A New Book on the Khazars // Oriens. V. XI, № 1-2. 1958. P. 125—126.
- ⁸⁰ Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван, 1990. С. 114—115.
- ⁸¹ Армянская география VII в. / пер. К. П. Патканов. СПб., 1877. С. 29.
- ⁸² Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмада бен Омара Ибн-Даства. СПб., 1869. С. 93.
- ⁸³ Коковцов П. К. Указ. соч. С. 74—75.
- ⁸⁴ Армянская география VII в. С. 36.
- ⁸⁵ Гадло А. В. Этническая общность барсилы // Историческая этнография. Традиции и современность. Л., 1983. С. 79—91.
- ⁸⁶ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 83, 97.
- ⁸⁷ Артамонов М. И. История хазар. С. 229.
- ⁸⁸ Хвольсон Д. А. Указ. соч. С. 92.
- ⁸⁹ Golden P. V. Op. cit. P. 144.
- ⁹⁰ Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 166.
- ⁹¹ Берлин И. Указ. соч. С. 78.
- ⁹² Golb N., Pritsak O. Op. cit. P. 130.
- ⁹³ Ibid. P. 129—130.
- ⁹⁴ Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. М., 1988. С. 70.
- ⁹⁵ Мовсес Хоренаци. Указ. соч. С. 74.
- ⁹⁶ Neusner J. A History of the Jews on Babylonia. Leiden, 1968. Vol. III. P. 345.

- ^{~97} Ibid. P. 344.
- ⁹⁸ *Мовсес Хоренаци*. Указ. соч. С. 174.
- ⁹⁹ История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953. С. 133—234.
- ¹⁰⁰ *Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 27.
- ¹⁰¹ *Хвольсон Д. А.* Указ. соч. С. 433.
- ¹⁰² *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 40.
- ¹⁰³ Три еврейских путешественника... С. 69, 109, 113.
- ¹⁰⁴ *Альтигулер М.* Евреи Восточного Кавказа. Иерусалим, 1990. С. 38 (на яз. иврит).
- ¹⁰⁵ *Гаркави А. Я.* Сказания... С. 16.
- ¹⁰⁶ *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 127.
- ¹⁰⁷ *Заходер Б. Н.* Указ. соч. С. 165.
- ¹⁰⁸ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 110.
- ¹⁰⁹ *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 153.
- ¹¹⁰ *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 80, 97.

Г. Аграновский, Р. Копилевич (Вильнюс)

КОГДА РОССИЙСКИЕ ЕВРЕИ ПРИНЯЛИ ФАМИЛИИ?

Примерно в одно и то же время в двух московских научных изданиях появились две статьи о происхождении фамилий восточноевропейских, и в частности российских, евреев. В одной из них А. Бейдер сообщает, что «в 1804 году вышел царский указ, согласно которому все евреи Российской империи были обязаны принять фамилии, и в течение одного-двух поколений все еврейское население империи получило фамилии»¹. В другой публикации П. Гиль утверждает: «Официальная фиксация фамилий еврейского населения специальными законами началась... в России в 1845 г. Затянулась она на долгие годы, так что еще в начале нашего века соответствующими государственными органами обнаруживались иногда бесфамильные евреи...»² Из приведенных цитат видно, что сведения о времени принятия фамилий российскими евреями довольно противоречивы. В действительности еще в 1804 г., в первом законодательном акте, регулировавшем жизнь российских евреев, в положении «О устройстве евреев», пункт 32, указывалось: «Для лучшего устройства гражданского состояния евреев, для удобнейшего охранения их собственности и для разбора тяжб между ними, каждый из них... должен иметь или принять известную свою наследственную фамилию или прозвание, которое и должно уже быть сохраняемо во всех актах и записях без всякой перемены...»³

В «Положении об евреях» от 1835 г. также было указание по интересующему нас вопросу (пункт 16): «Каждый еврей должен навсегда сохранять известную наследственную или на основании законов принятую фамилию, или прозвище, без перемены, с присовокуплением к оному имени, данного по вере или при рождении»⁴.

Как справедливо отмечают оба автора вышеуказанных публикаций (А. Бейдер и П. Гиль), процесс «офамиливания» шел довольно медленно. В вильнюсском архиве удалось найти инте-

ресный документ. Начальник 4-го округа корпуса жандармов граф. Буксгевден пишет в январе 1847 г. виленскому военному губернатору Ф. Мирковичу, что так как у некоторых евреев имеются только имена, то это приводит к ошибкам и злоупотреблениям при следствии. Автор письма считает, что все евреи должны иметь, согласно действующим законам, фамилии, и просит дать свое заключение по этому вопросу Ф. Мирковича⁵.

В своем ответном письме от 1.02.1847 г. Ф. Миркович отмечает, что «как из означенного отношения Вашего сиятельства видно, некоторые евреи не имеют фамилий, что полагаю даже сомнительным, потому что при подаче ревизских сказок последней переписи таковые им всем должны быть показаны...» Ф. Миркович считает, что «в новом по этому предмету законоположении не может представлять надобности». Допуская, «что по каким-то причинам отдельные евреи еще не приняли фамилии», он «предложил всем губернским правлениям вверенного мне края... просмотреть списки евреев... все ли они имеют фамилии и, если между ними окажутся не имеющие оных... заставить их избрать таковые немедленно»⁶. Одновременно Ф. Миркович направил указания в подчиненные ему губернии (Виленскую, Минскую, Гродненскую и Ковенскую) о проведении проверки, все ли евреи этих губерний приняли уже фамилии, как это требуется законом⁷. Ответы губернских правлений были однотипы: все они утверждали, что подавляющее большинство евреев в их губерниях уже имеют фамилии и что они примут меры, чтобы все евреи приняли как можно скорее фамилии.

По-видимому, ситуация в Литве мало отличалась от ситуации, сложившейся в других губерниях черты оседлости. Нет сомнения, что граф Буксгевден послал запрос не только виленскому губернатору, и можно предположить, что и в других регионах — на Украине, в Белоруссии и Польше — были приняты меры, аналогичные тем, которые принял виленский военный губернатор. Исходя из этих предположений можно сделать вывод, что большинство российских евреев, особенно те из них, что жили в крупных городах, приняли фамилии до середины XIX столетия.

Однако в небольших городах ситуация была несколько иной. В книгах для записей родившихся евреев Тельшевского уезда за 1854—1864 гг. числится 1115 свидетельств. Из них 130 — без фамилий, что составляет примерно 11 процентов⁸. Самая ранняя из сохранившихся в архиве книг для записей бракосочетающихся

евреев Понежежского уезда относится к 1872 г. За этот год зарегистрировано 58 бракосочетаний. Интересно, что почти половина вступивших в брак не имела фамилий — 24 жениха и 33 невесты⁹. Приведенные факты могут свидетельствовать, что, несмотря на грозные указы, процесс принятия евреями фамилий затянулся вплоть до конца XIX столетия.

---

¹ *Бейдер А.* Фамилии восточноевропейских евреев, происходящие от топонимов. // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. М., 1992. С. 277—287.

² *Гиль П.* «Еврейская география» и ее отражение в фамилиях ашкеназских евреев // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 2. С. 40—67.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1, т. 28, № 21547.

⁴ Там же. Собр. 2, т. 10, № 8054.

⁵ Литовский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 378 В (1847 г.), д. 1642, л. 1.

⁶ Там же, лл. 4—5.

⁷ Там же, лл. 6—7.

⁸ Там же, ф. 1226, оп. 1, д. 754—783.

⁹ Там же, д. 512.

Н. Рахманова (С.-Петербург)

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ В. К. ПЛЕВЕ

Еврейский вопрос занимал весьма значительное место в планах и деятельности В. К. Плеве в качестве министра внутренних дел. Он принимал участие в формировании правительственной политики и по другим национальным меньшинствам — полякам, финнам, армянам, но еврейский вопрос считал одной из наиболее острых и назревших проблем, имевших общегосударственное политическое значение. В мае 1903 г. в беседе с генералом А. А. Киреевым, публицистом славянофильского толка, министр высказался в том смысле, что «гораздо опаснее всяких конституционалистов — евреи», чем вызвал искреннее недоумение и даже в некотором роде разочарование генерала¹.

В декабре 1903 г. Плеве снова назвал еврейскую проблему в числе четырех самых важных для России, причем поставил ее на второе место после крестьянской (третье и четвертое занимали соответственно проблема образования и рабочий вопрос)². Не случайно именно Плеве вскоре после прихода в МВД упразднил Особый отдел по еврейским делам при Департаменте духовных дел, созданный его предшественником на посту министра Д. С. Сипягиным, и передал его обратно в ведение Департамента полиции, подчеркнув тем самым его исключительно политический характер³.

Тема, означенная в названии статьи, распадается на несколько сюжетов. Отношения Плеве и Независимой еврейской рабочей партии рассмотрены довольно подробно в изданиях, посвященных как развитию еврейского рабочего движения, так и зубатовщине⁴, и не затрагиваются в данной статье.

Не предполагая подробно останавливаться на отношении Плеве к Кишиневскому погрому 1903 г., автор все же не считает возможным вовсе обойти молчанием эту тему. Общественное мнение и публицистика начала века были склонны обвинять министра внутренних дел непосредственно в подготовке погрома,

опираясь на якобы написанное им письмо бессарабскому губернатору фон Раабену с предписанием отказаться от военного вмешательства в случае антиеврейских беспорядков. Впервые опубликованное в «Times», это секретное послание, однако, было признано фальшивкой многими современниками⁵. Помимо этого существуют и чисто психологические моменты — такой умный человек, опытный чиновник и дорожащий своей репутацией карьерист, как Плеве, не мог не понимать, как скажется на его престиже участие в подобном сомнительном предприятии⁶.

Все это, однако, не снимает с министра ответственности за провоцирование погрома. Ничуть не скрываемый правительственный антисемитизм, утверждения об экономической и политической вредности еврейства, моральная и материальная поддержка подстрекательских изданий, ярким примером которых являлась издаваемая П. А. Крушеваном газета «Бессарабец», создавали в стране совершенно определенную атмосферу. Попытки использовать усиление антисемитских настроений толпы «с помощью распространения воззваний, денег и негласных подстрекательских указаний»⁷ для уменьшения антиправительственных тенденций приводили к печальным результатам⁸.

Как прежде всего охранитель государственного порядка и общественного спокойствия, Плеве не только не стремился к таким последствиям, но и опасался их. Именно смятение после погрома 1903 г. и осознание серьезности положения стали одной из причин, заставивших Плеве всерьез заняться выработкой программы по еврейскому вопросу и провести ряд мероприятий, несколько облегчавших положение еврейского населения империи.

Предметом данной статьи является рассмотрение программы Плеве по урегулированию еврейской проблемы, включавшей поддержку сионистского движения, и анализ изменений в упомянутой области, предложенных МВД на рассмотрение Комитета министров за период 1902—1904 гг. Основным источником, соответственно, стали фонды Министерства внутренних дел и Комитета министров, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Дела фонда Комитета министров содержат не только журналы заседаний, но и отзывы и замечания различных министерств на проекты МВД⁹. Часть циркуляров Министерства внутренних дел по еврейскому вопросу была опубликована в различных периодических изданиях — «Еврейская старина», «Кишинев»¹⁰.

Интереснейшим и, насколько нам известно, мало использо-

вавшимися источником по истории русско-сионистских связей являются письма Теодора Герцля к В. К. Плеве, хранящиеся в фонде Плеве в ГАРФ¹¹, а также проект письма Плеве Герцлю, найденный в фонде Канцелярии министра внутренних дел (РГИА)¹². Встречи российского министра и лидера сионистов подробно описаны в дневниковых записях Т. Герцля¹³. Значительный интерес представляет записка «Сионизм. Исторический очерк его развития», составленная директором Департамента полиции А. А. Лопухиным в 1903 г. и явившаяся обобщением тех сведений, которые имелись в департаменте о русском и зарубежном сионизме за период до VI Конгресса, проходившего в Базеле в августе 1903 г.¹⁴.

Как отмечают авторы очерка «Проблемы историографии евреев в России...», одной из традиционно сильных ее сторон было внимание к изучению правового положения евреев. Особенно полезными в этом смысле были работы Ю. И. Гессена¹⁵. Неудобство, однако, заключалось в том, что он рассматривает каждый вопрос в его современном состоянии, не характеризуя отдельные меры, принимавшиеся правительством в разное время. В статье также использовались работы израильских историков («Очерки истории еврейского народа» под редакцией проф. Ш. Эттингера, «Сионистское движение в России» И. Маора и другие)¹⁶. Непосредственно рассматриваемой теме посвящена одна из глав книги американского историка Э. Джайда о деятельности Плеве на посту министра внутренних дел¹⁷. Теме формирования и осуществления политики российского правительства по отношению к сионистам в конце XIX — начале XX в., основанной на материалах, отложившихся в фондах Департамента полиции и Министерства иностранных дел, посвящены интереснейшие статьи А. Локшина¹⁸.

С еврейским вопросом В. К. Плеве впервые столкнулся задолго до того, как стал министром внутренних дел. В 1882 г., будучи товарищем министра, он принимал участие в разработке «Временных правил» 3 мая 1882 г., запретивших евреям проживание вне городов и местечек черты оседлости. Практика показала, что эти правила принесли лишь вред хозяйственной жизни страны в целом, не говоря уже о собственно еврейском населении. Плеве прекрасно осознавал это. В мае 1902 г. он признался в этом И. И. Янжулу и даже начал поговаривать о том, что, участвуя в разработке ограничительных законов и правил, «выполнял лишь инструкции вышестоящих лиц»¹⁹.

Представляется, однако, что это не так. В фонде Плеве хранится любопытный документ — это его «Записка об участии евреев в городском самоуправлении», написанная в ходе разработки нового Городового Положения 1892 г.²⁰ Плеве выступает за полное удаление евреев из городского управления. Интересна мотивировка этого предложения. Помимо обычных причин, выдвигаемых в подобных случаях, — деморализующее влияние евреев и их стремление подчинить своим интересам органы власти, — Плеве выдвигает следующие резоны: «Последовательно ли, — пишет он, — привлекать к управлению людей, стесняемых в их общечеловеческих и гражданских правах, тогда как лишение известного класса этих прав должно было бы предшествовать, казалось бы, ограничениям этого рода»²¹. То есть, иными словами, надо быть последовательными и не предоставлять политических прав тем, кто лишен общечеловеческих. Представляется, что такой взгляд по данному вопросу был тогда достаточно распространен. Во всяком случае, предшественник Плеве на посту министра Д. С. Сипягин явно их придерживался, ибо именно он начал разработку законопроекта, вводящего новые ограничения прав евреев, заканчивать который пришлось Плеве.

Пометки Николая II на всеподданнейших докладах губернаторов внутренних российских губерний за период 1898—1901 гг. свидетельствовали о его обеспокоенности ростом еврейского землевладения вне черты оседлости. Д. С. Сипягину было поручено подготовить проект закона, который устранил бы эту нежелательную тенденцию²². К марту 1902 г. проект был готов. Он запрещал евреям приобретение, аренду и принятие в качестве залога недвижимого имущества вне городов и местечек **повсеместно** в империи. Исключения делались лишь для конкретно оговоренных случаев — устройства кладбищ, молелен, строительства промышленных объектов — и в строго ограниченных размерах земельных наделов. Разрешение в подобных случаях должно было исходить от местной администрации²³.

22 марта 1902 г. Николай II подтвердил свое желание о рассмотрении проекта на узком заседании четырех министров — финансов, юстиции, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ. Участвовать в этом заседании пришлось уже не Сипягину, а Плеве, и лишь через 9 месяцев. Совещание, прошедшее 25 декабря 1902 г., отказалось от проведения столь решительных мер. Проект Сипягина не устроил ни по форме, ни по содержанию ни одного из четырех министров²⁴.

Министр финансов С. Ю. Витте, высказавшийся первым, заметил, что предполагаемая мера нанесла бы экономический вред не только еврейскому, но и христианскому населению страны, в особенности же российским помещикам, а кроме того, имела бы негативные политические последствия. Вслед за этим он высказался за скорейший пересмотр правил 3 мая 1882 г., «коиими права евреев настолько стеснены в черте оседлости, что самое их стремление за черту должно быть признано в известной степени последствием этих стеснений»²⁵. К этим замечаниям присоединились и Н. В. Муравьев и А. С. Ермолов. Плева же, выразив свои сомнения относительно экономической пользы, приносимой евреями России, согласился с мнением Витте о несовершенстве правил 3 мая 1882 г. и об их пагубных последствиях. «Они привели, — сказал он, — к тому, что еврейское население, скученное в городах, не имеет достаточно заработков; обедневшие до нищеты евреи, живущие в антисанитарных условиях, представляют опасность для общественного здоровья и порядка; растущая же без призора еврейская молодежь является материалом, всегда готовым для восприятия революционной пропаганды... Новые ограничительные меры могут еще ухудшить положение, между тем как ожидаемые результаты... могут и не наступить с должною быстротою». Именно эти соображения были для Плева решающими. В применении репрессивных мер, сторонником которых он был, Плева очень внимательно старался определить ту черту, переступив которую нельзя было не ожидать волнений и открытых беспорядков. Он стремился быть возможно более строгим, но не пережать, не получить новых сложностей и проблем. Главное было — сохранить спокойствие в стране. Другое дело, что в большинстве случаев Плева все же ошибался и переступал эту черту.

Что касается Совещания четырех министров, то в процессе чтения журнала, несмотря на официальный язык документа, складывается впечатление о единодушном нежелании министров вообще подготавливать какие-либо новые законодательные акты в этом направлении, и решение об их принятии было обусловлено не их собственными убеждениями, а лишь «исполнением высочайших резолюций»²⁶. По предложению Плева Совещание решило внести в Комитет министров проект о запрещении евреям совершать любые крепостные акты, связанные с правами собственности, владения и пользования недвижимостью вне городских поселений за чертой оседлости²⁷. Мера эта была признана вре-

менной до полного пересмотра и упорядочения прав евреев по жительству. В таком виде законопроект был единогласно одобрен Комитетом министров на заседании 29 апреля 1903 г., а 10 мая утвержден Николаем II²⁸.

Д. С. Сипягиным была начата и еще одна реформа в сфере еврейского законодательства, заканчивать которую также пришлось В. К. Плеве. «Временные правила» 1882 г., запретившие евреям селиться вне городов и местечек в черте оседлости, естественно, обострили проблему перечисления земель из местечковых и городских в сельские и обратно. Этот вопрос, независимо от его связи с еврейскими проблемами, был поднят еще министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным. Нового закона, однако, создано не было, и Сипягин, рассмотрев отзывы губернаторов черты оседлости, решил несколько расширить список местностей, разрешенных для жительства евреев, независимо от изменения их официального статуса. В МВД был составлен список из 22 поселений, приобретших за последние 20 лет несомненное торгово-промышленное значение и утративших свой сельский характер. Представление об изъятии упомянутых 22 мест из действия «Временных правил» было внесено Сипягиным в Комитет министров за несколько дней до смерти — 27 марта 1902 г.²⁹ Новому министру внутренних дел Плеве список, составленный предшественником, показался недостаточным. После пересмотра ходатайств местного начальства он был значительно расширен — в него попало 101 поселение 14 губерний черты оседлости³⁰. Излагая содержание дела в Комитете министров в апреле 1903 г., Плеве в качестве причин, обуславливающих необходимость смягчения правил, снова выдвигает затруднительное материальное положение большинства еврейского населения, отсутствие надежных и постоянных источников заработка³¹. Предлагаемая мера была единогласно одобрена министрами³². Мало того, в Комитете снова прозвучало мнение о необходимости полного пересмотра «Временных правил» 1882 г. Плеве заверил собравшихся, что работа по упорядочению еврейского законодательства в Министерстве внутренних дел ведется, но по сложности своей требует значительных усилий и времени.

Закон об изъятии 101 поселения из действия «Временных правил» был утвержден Николаем II 10 мая 1903 г., одновременно с упоминавшимся выше законом о недвижимости. Нельзя сказать, чтобы он вызвал особый восторг и благодарность, особенно

на фоне прошедшего ранее Кишиневского погрома. Большинство поселков списка были пригородами крупных городов, населенными пунктами у железнодорожных станций и промышленных предприятий, где евреи так или иначе проживали, несмотря на все запреты. Несомненно, однако, стремление министра к ясности и определенности в пределах «Временных правил» 1882 г. Уже через полгода, в ноябре 1903 г., он использует предоставленное ему право вносить в Комитет министров новые списки поселений, в которых желательно было бы разрешить проживание евреям. На этот раз список, представленный МВД, состоял из 58 населенных пунктов. Однако повторная мера не вызвала такого же единодушного одобрения, как первая. Государственным контролером П. Л. Лобко и Государственным секретарем В. Н. Ковцовым были высказаны сомнения в необходимости нового расширения списка и в преобладающем торгово-промышленном значении перечисленных поселений. Плевэ настаивал на своем мнении, считая, что о характере населенных мест наиболее квалифицированно может судить местное начальство, отзывами которого он пользовался при принятии решения, а он, Плевэ, как министр внутренних дел, не может не предпринять все от него зависящее для предотвращения взрывов недовольства еврейского населения, угрожающих общественному спокойствию. Аргументация Плевэ была признана заслуживающей внимания, хотя список все же решено было пересмотреть³³.

Работы по пересмотру еврейского законодательства в МВД действительно шли. В августе 1903 г. губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам черты оседлости был разослан циркуляр министра³⁴. Указывая на устарелость, многочисленные недостатки и неточности действующего законодательства, несогласованность отдельных положений между собой и порожденные этим затруднения и недоразумения, министр затребовал мнения местного начальства по этому поводу — губернаторам было предложено в срок до 1 октября представить свои соображения о наиболее серьезных неудобствах и несовершенствах и о желательном пути их разрешения. Эти мнения предполагалось рассмотреть в специальной комиссии. Князь С. Д. Урусов в своих воспоминаниях рассказывает о пришедшем запросе и о написании им записки, в которой резко осуждались «Временные правила», как не совпадающие с интересами того населения, которое как раз и пытались оградить от «вредного влияния»³⁵. За отмену всех

ограничительных правил для евреев в черте оседлости высказался в своей записке также виленский губернатор граф Пален³⁶.

В январе 1904 г. начальники губерний съехались в Санкт-Петербург на Совещание по означенному вопросу. Урусов отмечает, что сделано было очень мало, заседания проходили крайне bestолково³⁷. Было создано и постоянно действующее Особое совещание под председательством товарища министра внутренних дел П. Н. Дурново. В деле Особого отдела Департамента полиции сохранился лишь перечень предметов, подлежавших обсуждению на Совещании 12 января 1904 г. Было намечено обсудить законы, касающиеся жительства евреев в черте оседлости. Об отмене черты речи, конечно, не шло, но недостатки «Правил» 1882 г. и вопрос о желательности их окончательной отмены, обсуждались³⁸. К сожалению, журналов заседаний Совещания в деле нет.

Тогда же, в январе 1904 г., работа Совещания была приостановлена и возобновлена лишь после смерти Плеве, во второй половине 1904 г. Представляется сомнительным утверждение издателей журнала «Кишинев», что Совещание было закрыто за то, что не угодило Плеве, выдвинув предложение об отмене «Правил» 1882 г.³⁹ Причины закрытия, по-видимому, еще предстоит выяснить; вполне вероятно, что одной из них было начало русско-японской войны. Трудно себе представить, чтобы министр внутренних дел, формируя из ближайших сотрудников (Дурново, Лопухин) подведомственное ему Совещание, совершенно не мог предвидеть, что оно ему предложит.

Начавшаяся в январе 1904 г. война стала причиной еще одного циркуляра МВД начальникам губерний. Этим циркуляром было приостановлено впредь до окончания войны перемещение евреев в черту оседлости из мест, где они незаконно проживали⁴⁰. Множество жалоб указывало на тяжелые последствия принудительного выселения, особенно в связи с военным временем и мобилизацией. «Между тем,— писал министр внутренних дел,— в некоторых случаях причины незаконного пребывания евреев там, где им жительство не дозволено, следует искать в неудовлетворительном состоянии нашего законодательства о евреях, и потому возлагать всю тяжесть последствий исключительно на евреев — представлялось бы не вполне справедливым»⁴¹.

В июне 1904 г. следует новое послабление, по мнению Ю. И. Гессена, к которому мы полностью присоединяемся, также обус-

ловленное необходимостью сохранения общественного спокойствия, страхом перед возмущением беднейших слоев еврейского населения и ясным осознанием того, что ограничительные законы бессильны в данной ситуации⁴². 7 июня 1904 г. было высочайше утверждено мнение Государственного совета «Об отмене ограничительных законов о праве жительства евреев в пятидесятиверстной от западной границы полосе»⁴³. В пределах этого пространства еврейское население подчинялось всем законам, действовавшим в черте оседлости. Этим положением было наконец узаконено проживание в этих местностях многотысячного еврейского населения, страдавшего от притеснений и вымогательств низших чинов местной администрации.

Самое, однако, крупное мероприятие в области еврейского законодательства, запланированное и подготовленное Плеве, обсуждалось в Комитете министров уже без его участия. 30 мая 1904 г. Николаем II была одобрена для представления в Комитет записка Плеве «О некоторых изменениях в законоположениях о евреях»⁴⁴.

Представление МВД состояло из восьми пунктов, предусматривавших смягчение некоторых действующих положений. В преамбуле записки говорилось, что коренной пересмотр и изменение всего комплекса законов о евреях еще предстоят; те меры, которые предлагались на рассмотрение Комитета министров, должны были лишь уничтожить недоразумения, разночтения и излишне стеснительное и суровое применение действующих норм⁴⁵. Все восемь пунктов проекта можно условно разделить на четыре части. Первый пункт предусматривал некоторые изъятия из «Правил» 1882 г. для разных групп лиц. В пп. 2, 6, 7 говорилось о правах евреев, окончивших высшие учебные заведения. Пп. 3, 4, 5 разъясняли права купцов 1 гильдии⁴⁶. Последний, 8-й пункт касался наиболее широкого круга лиц. В продолжение рассмотренного выше циркуляра МВД о временном приостановлении перемещения евреев в черту оседлости из мест, где они проживали, не имея, по мнению местного начальства, на то права, МВД предлагало оставить в силе все постановления казенных палат сроком давности 3 года о причислении евреев к купеческим и мещанским обществам вне черты оседлости⁴⁷. При обсуждении в Комитете министров этот пункт подвергся изменению, и срок давности вовсе был отменен⁴⁸. Таким образом, все евреи, законно или незаконно приписавшиеся к городам внутренних губерний, могли оставаться в местах своего проживания.

По п. 1 право проживать вне городов и местечек черты оседлости получали все лица с высшим образованием, купцы 1 гильдии и цеховые ремесленники. По предложению Министерства юстиции и Государственной канцелярии это право было в конечном варианте закона также предоставлено и нецеховым ремесленникам, лицам, владеющим техническими специальностями⁴⁹. Кроме того, Комитет считал необходимым, во избежание новых недоразумений, отдельно оговорить право для перечисленных категорий лиц приобретать в собственность или арендовать помещения, необходимые для жилья и занятий торговлей и ремеслами⁵⁰.

Лица с высшим образованием получали право причисляться к купеческим обществам вне черты оседлости без предварительного 5-летнего пребывания в купечестве 1 гильдии черты оседлости (как это было положено по закону для всех остальных евреев). Кроме того, дети и жены евреев с высшим образованием могли теперь жить отдельно от главы семьи во время его отлучек с постоянного места жительства⁵¹. Это ранее не было закреплено действующим законодательством, в результате чего семьи таких евреев были иногда выселяемы из курортных мест или даже из мест постоянного проживания. В случае смерти главы семьи жена и дети могли оставаться вне черты оседлости до окончания получения детьми образования⁵².

Против этих мер возражало Министерство юстиции во главе с Н. В. Муравьевым. Оно считало нецелесообразным разрешать какие бы то ни было меры, позволявшие целым еврейским семействам и их потомству расселяться вне черты оседлости, если только у них будут деньги уплатить за гильдейское свидетельство⁵³. Министерство юстиции не считало обучение детей и лечение достаточным основанием для пребывания таким семьям вне черты оседлости — в черте также было вполне достаточно высших учебных заведений, а лечение и укрепление здоровья могли, по его убеждению, растягиваться на слишком длительные сроки. Было также внесено предложение ограничить продолжительность отлучек главы семьи из места постоянного проживания⁵⁴. Предложения эти не были приняты Комитетом министров, и данные пункты вошли в новый закон без изменений⁵⁵.

Наименьшее количество замечаний вызвали пункты, относящиеся к правам купцов 1 гильдии. По действовавшим законам евреи—купцы 1 гильдии получали право на повсеместное житель-

ство в случае пребывания на протяжении 5 лет купцами в черте, и после этого 10 лет вне черты оседлости. Если же до окончания этого срока они были вынуждены прекратить выборку гильдейских документов, то выдворялись в черту оседлости и повторно должны были приписаться там на 5 лет к 1 гильдии. Новым законом это правило отменялось — 5-летний срок засчитывался раз и навсегда, после чего купец мог в любое время приписаться в купечество вне черты оседлости⁵⁶.

Кроме того, евреи, пробывшие в течение 15 лет в 1 гильдии, получали право повсеместного жительства в империи (а не только в городе своей приписки) со всеми членами семейства⁵⁷.

Далее, купцам 1 гильдии предоставлялось право на временное пребывание вне Западных губерний в течение 6 месяцев, а 2 гильдии — 3 месяцев ежегодно, без ограничения количества приездов. (Ранее оно было ограничено двумя поездками для купцов 1 гильдии и одной — для 2 гильдии⁵⁸).

Из всего вышеизложенного видно, что проектируемые МВД льготы в основном касались довольно узких групп населения. Смягчение законов о жительстве и торгово-промышленной деятельности купцов 1 гильдии и их семей несколько не облегчали участи основной массы пятимиллионного еврейского населения империи. Круг лиц с высшим образованием, безусловно, был несколько шире, но предоставление им больших прав также не разрешало проблемы нищеты и безработицы в целом. Плевэ прекрасно понимал это. Возможность предоставления значительных льгот наиболее состоятельным и образованным слоям евреев он в своем представлении в Комитет министров мотивировал именно тем, что это весьма ограниченный круг лиц, который «резко выделяется из среды своих единоверцев по своим взглядам, условиям жизни, привычкам и наклонностям. Если эти евреи, — писал министр, — и не сливаются вполне с остальным населением Империи, то во всяком случае... евреи этой категории имеют больше общего с остальным населением Империи, чем с невежественной еврейской массой»⁵⁹. Более того, как было замечено в записке Министерства юстиции, довольно часто евреи, во втором поколении проживавшие вне черты оседлости, переходили в христианство, еще более отделяясь от своего народа⁶⁰. Таким образом, общей политике ограничений несколько не противоречили усилия по дальнейшей ассимиляции верхушки еврейства. Лишь эти слои, в понимании правительства, могли приносить пользу государству.

Описанный законопроект был рассмотрен в Комитете министров через 9 дней после смерти Плеве, 24 июля 1904 г., после чего в августе утвержден Николаем II⁶¹.

Рассмотрение мероприятий, проведенных Плеве в области еврейского законодательства, позволяет заметить следующее. Если Плеве до апреля 1903 г. лишь осознавал проблему, то после Кишиневского погрома был уже серьезно озабочен ею. Это доказывает значительно возросшая интенсивность деятельности его ведомства, включавшая и издание циркуляров, и подготовку актов для передачи их на рассмотрение в высшие государственные органы, и создание постоянно действующего специального Соевещения, для работы которого предполагалось использовать мнения и опыт широкого круга местных администраторов.

Таблица, составленная Д. И. Раскиным по материалам фондов высших государственных учреждений России (Государственный совет и Комитет министров), показывает, что если в 1901—1902 гг. на обсуждение этих органов не было вынесено ни одного проекта по еврейскому вопросу, то в 1903 г. их было 2, а в 1904 г. — 3, причем в 1904 — ни одного, усиливавшего дискриминацию⁶². (Все эти узаконения рассматривались выше.)

Нельзя сказать, чтобы законотворческая активность МВД привела к значительным изменениям в положении еврейского населения России. «Коренной пересмотр» всего комплекса законодательств о евреях, о котором Плеве неоднократно упоминал в различных заседаниях, предусматривал лишь уточнение и согласование между собой узаконений, постановлений и распоряжений различных ведомств по этому вопросу, нагроможденных друг на друга в течение десятилетий и нередко друг другу противоречивших; сглаживание лишь самых острых углов, ликвидацию самых нелепых и неоправданных ограничений. Пересмотр предполагал не изменение подхода к проблеме, а создание стройной и согласованной системы ограничений. Плеве вообще был реформатором лишь по необходимости, а администратором по духу и призванию, что доказывает его деятельность и в других областях. В данном случае необходимость была вызвана двумя причинами — опасностью открытого возмущения и нарушения порядка, во-первых, и желанием поправить подмоченную после Кишиневского погрома репутацию, во-вторых, причем неизвестно, что сам Плеве ставил на первое место.

Попытки несколько разрядить обстановку в черте оседлости

сочетались с льготами определенным слоям евреев. Такая программа была изложена министром английскому журналисту, видному члену еврейской общины Великобритании Люсьену Вольфу в октябре 1903 г. В январе 1904 г. Л. Вольф сделал на заседании Англо-Еврейской ассоциации доклад, посвященный его аудиенции у Плеве, проект которого был предварительно представлен последнему на одобрение⁶³. В докладе говорилось: «Сначала он (Плеве) хотел сделать все возможное для верхних слоев еврейства, культурных евреев, которые должны стать русскими гражданами и патриотами. Это не должно оказаться трудной задачей, но это лишь часть проблемы. С низшими классами трудностей намного больше, по причине их бедности и недостатка у них русского воспитания. Нищета этих евреев стала наиболее неотложной задачей... Нужно найти для них средства зарабатывать себе на хлеб»⁶⁴.

Рассказал Плеве в этом интервью и еще об одном реальном способе решения данного вопроса. Найти хлеб для российских евреев министр предполагал вне пределов России. Речь идет об эмиграции в Палестину и поддержке сионизма.

Отношение русского правительства к этому явлению было двойственным. С одной стороны, это движение было безусловным проявлением общественно-политической и национальной активности именно той части населения, которая всегда считалась наименее лояльным элементом в империи. С другой — это был вполне приемлемый путь разрешения еврейского вопроса. На протяжении нескольких лет с конца XIX в. Департамент полиции и Министерство иностранных дел собирали информацию о различных сторонах деятельности и о планах российских и западных сионистов⁶⁵.

Первоначальная программа сионистов, казалось бы, не таила в себе никаких опасностей. Один из пунктов программы, принятой на I Базельском конгрессе сионистов (1897), гласил: «Сионистская организация и агитация осуществляются в каждой стране применительно к местным законам, но форма организации должна быть утверждена правительством»⁶⁶. Основной целью провозглашалось восстановление еврейского государства в Палестине и переселение туда возможно большего количества евреев из разных стран мира. Таким образом, все усилия сионистов должны были устремиться вовне государств диаспоры. О какой бы то ни было политической деятельности, борьбе за

гражданские права в диаспоре не было и речи. «Чистый» политический сионизм был самым аполитичным течением сионистского движения. Кроме того, его лидер Теодор Герцль по своим убеждениям вовсе не был революционером. «Я лично,— писал Герцль в своем программном сочинении «Еврейское государство», — большой поклонник и друг монархического правления, ибо только в таком случае возможна более или менее постоянная политика, связанная своими интересами с одним... родом, члены которого рождены и воспитаны для власти. Демократическое же правление без полезного противовеса со стороны монарха, кроме того, что страдает во время решения каких-нибудь вопросов... к тому же всегда ведет в парламентах к бесполезному переливанию «из пустого в порожнее»⁶⁷. Только отсутствие законной династии заставило Герцля остановиться на аристократической республике как форме правления будущего государства⁶⁸.

Однако сионистское движение в России имело значительные особенности. Намного более ущемленные в своих правах, чем евреи Западной Европы, российские евреи не могли и не хотели отказаться от работы по улучшению своего положения. Сионисты участвовали в экономической борьбе еврейского пролетариата: все чаще в Департамент полиции поступали сведения об организации ими забастовок⁶⁹. К началу XX в. движение все более склонялось к борьбе за социально-политические права. Появляются новые фракции, не только не отказывавшиеся от политической деятельности, но и настаивавшие на необходимости борьбы за гражданское и политическое равноправие евреев в России. В правительстве усилились опасения о возможности слияния социалистических и сионистских течений в еврейском рабочем движении⁷⁰. Появились группы социалистов-сионистов⁷¹.

От сионизма исходила опасность и другого рода. С самого начала стержнем работы сионистских кружков в России стала культурная, национально-воспитательная деятельность. Это направление сионистской активности не меньше, чем социальное, волновало и местные органы власти, и высших чиновников⁷². Им становилось ясно, что постепенно национальный и социальный аспекты движения все более вытесняют отдалившуюся цель массовой эмиграции и создания самостоятельного государства.

Таким образом, наиболее привлекательные для российского правительства стороны сионизма к 1901—1902 гг. все более блекли, тогда как отрицательные тенденции нарастали. Резуль-

татом этих изменений стал переход от колебаний к политике ограничений и репрессий. В июне 1903 г. Министерство внутренних дел разослало в губернии циркуляр «О сионизме и еврейском национальном движении»⁷³. В нем говорилось о нежелательности всех вышеописанных явлений. Создание замкнутых еврейских организаций, направленных на укрепление национальной идеи, Плевев совершенно справедливо считал «враждебным ассимиляции евреев с другими народностями», что, по его мнению, «усугубляет племенную рознь и противоречит началам русской государственной идеи и потому не может быть терпимо»⁷⁴. На этом основании Плевев считал необходимым запретить пропаганду идей сионизма в публичных местах. Запрещались собрания, сходки и митинги сионистов, поездки российских сионистских деятелей за рубеж. Кроме того, должна была быть пресечена экономическая деятельность — сбор денег, продажа акций Еврейского колониального банка, причем местному начальству предписывалось обязать подпиской руководителей сионистов отказаться от денежных сборов. Акции Еврейского национального фонда подлежали конфискации, имеющиеся в наличии денежные средства — передаче в еврейские благотворительные организации. Надлежало также осуществлять строгий контроль за культурной деятельностью сионистов — за созданием школ, читален, дабы там не проповедовались идеи национальной обособленности. Последним пунктом циркуляра предписывалось не допускать к избранию на должность раввинов представителей сионистских организаций⁷⁵. Характерно требование Плевев передать денежные средства фондам вспомоществования, дабы не отягощать еще более жизнь малоимущих слоев еврейского населения, «превращающихся в революционный пороховой погреб внутри государства»⁷⁶.

В сущности, это должно было означать полный крах сионизма в России или переход его в подполье. Русские сионисты были осведомлены о готовящихся репрессиях. Один из их лидеров, Е. Б. Членов, сообщал Т. Герцлю об опасности, угрожавшей организации, еще до появления секретного циркуляра⁷⁷. Угроза была тем более серьезной, что в конце августа того же 1903 г. должен был состояться VI Конгресс сионистов, и русские делегаты при таком повороте событий вряд ли смогли бы выехать в Базель.

Именно в этот момент Герцль принимает решение о поездке в Россию для встречи с Плевев. В ответ на запрос о возможности

такой поездки в Департаменте полиции собрали сведения о Герцле, после чего въезд в империю ему был разрешен⁷⁸.

Встреча лидера сионистов и российского министра внутренних дел состоялась в июле 1903 г. и не была бесплодной. В ответ на уверения Герцля о невмешательстве сионистов во внутренние дела империи Плеве от имени правительства обещал выступить в пользу движения перед турецким султаном с целью добиться от него чартера в Палестине, предоставить в распоряжение сионистов для эмиграции в Палестину значительные суммы, полученные от различных сборов с евреев России. Плеве также обещал не препятствовать созданию лояльных правительству сионистских организаций, принимающих за основу деятельности Базельскую программу⁷⁹.

Однако именно «чистый» сионизм переживал в это время тяжелый кризис. Все дипломатические усилия Герцля, направленные на получение чартера от Константинополя, заканчивались неудачей. Уже на V Конгрессе (1901) было признано, что «единственный конкретный результат сионистского движения проявился не по прямой линии политики, а на побочных путях национально-культурной работы на местах — в усилении интереса к народной жизни среди оторванных групп интеллигенции и молодежи, в основании национальных школ, изучении национального языка и истории, сильном оживлении литературы — вообще в созидательной работе вне Сиона, но внутри еврейства»⁸⁰. Авторитет Герцля падал. Необходимо было найти какой-то новый стимул для привлечения внимания сионистского движения к проблеме эмиграции. Того же добивался и Плеве. Собственно, они сходились в главном — беднейшему еврейскому населению сначала необходимо было обеспечить сносное материальное положение, надежный заработок, а потом уже заботиться о его просвещении и духовном возрождении⁸¹. Разница заключалась в том, что Герцль обещал снять эту проблему с плеч российского министра внутренних дел. Взамен он просил дипломатической поддержки. Удивительно ли, что эти два человека смогли быстро договориться? В результате перед отъездом из России Герцль получил от Плеве письмо, которое могло рассматриваться как официальное правительственное заявление⁸². Плеве дал согласие на оглашение этого письма, чем Герцль не преминул воспользоваться впоследствии⁸³. Герцль уехал из России весьма обнадеженный, однако вскоре встретил суровое осуждение многих своих

сторонников за переговоры с такой одиозной фигурой, как Плеве⁸⁴.

Переписка Герцля и Плеве продолжалась до мая 1904 г. и была достаточно регулярной. Как следует из писем Герцля, хранящихся в фонде Плеве, министр задавал лидеру сионистов вполне конкретные вопросы о ходе Базельского конгресса, поведении на нем российских делегатов, их реакции на контакты Герцля с Министерством внутренних дел. В ответ Герцль старался заверить Плеве, что общая реакция была положительной и что хотя он столкнулся с определенными трудностями в руководстве работой конгресса, они были преодолены во многом благодаря оглашению письма Плеве с обещанием поддержки русского правительства сионистскому движению⁸⁵. Герцль уверял министра, что «ни один из русских делегатов на конгрессе не манкировал своим моральным долгом, и каждый может быть сочтен достойным русским гражданином»⁸⁶. Почти в каждом письме Герцль пытался доказать, что единственным эффективным способом давления на Турцию могло бы стать прямое обращение русского императора к султану. Менее авторитетные рекомендации турецким правительством просто не принимаются в расчет, указывал он⁸⁷.

Плеве отнесся к своим обязательствам достаточно серьезно. В ноябре 1903 г. после обмена мнениями с Министерством иностранных дел был составлен проект секретного письма российскому послу в Константинополе А. Зиновьеву. В нем сообщалось о планах сионистов и о поддержке этих планов со стороны императорского правительства⁸⁸. Как следует из письма Герцля от 4 декабря 1903 г., Плеве информировал сионистов о произведенных действиях письмом от 23 ноября. Из ответа Герцля видно, что он ожидал более настойчивых и деятельных акций, чем ходатайство российского посла. Он выражал обеспокоенность, что ходатайство такого уровня «сильно рискует соединиться в архивах Порты с документами других бесплодных вмешательств»⁸⁹. Герцль пытался побудить Плеве добиться более решительных шагов, снова настаивая на «личном акте со стороны русского императора, возможно, в форме письма султану, возможно, в форме просьбы об аудиенции для Герцля»⁹⁰. Кроме того, он просил разрешения опубликовать письмо Плеве, купировав некий секретный отрывок, однако, по всей видимости, разрешения такого не получил.

4*

Действия МВД в пользу сионистов оказались пресеченными в самом начале. А. Зиновьев ответил министру иностранных дел, что «было бы напрасно ожидать, что она (Порта) изъявит согласие на осуществление проекта означенного лица (Герцля)»⁹¹. Более того, Зиновьев считал, что для таких демаршей выбран крайне неподходящий момент, ввиду опасений Порты за свои владения в Македонии и сильного ее «недоверия к намерениям держав». Позиция Зиновьева была поддержана Николаем II⁹². Ни о каком ходатайстве императора речи быть не могло. По своим каналам Герцль узнал о неудаче, о чем сообщил Плеве в письме от 4 января 1904 г., обращая внимание на правильность своих предположений⁹³.

Контакты Герцля и Плеве продолжались, но резолюция Николая II на депеше Зиновьева стала для министра, по-видимому, непреодолимым барьером. Кроме того, русско-японская война также сместила приоритеты в дипломатических усилиях. В июле 1904 г. оба главных действующих лица русско-сионистских контактов почти одновременно ушли из жизни. Таким образом, сионизм не стал чудодейственным средством для разрешения еврейского вопроса в России, да и удержать это движение под контролем, в рамках простого содействия эмиграции не удалось. Как и многие стороны деятельности Плеве, эта его работа успехом не увенчалась.

---

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. Киреевых—Новиковых (ф. 126). Папка 13. Дневник А. А. Киреева. 1900—1910 гг., л. 235.

² *Богданович Е. В.* Три последних самодержца. Л., 1990. С. 292—293.

³ *Айзенберг Л. М.* Виды правительства в еврейском вопросе // Еврейская летопись. М.; Пг., 1932. С. 40.

⁴ *Дан Ф.* Из истории рабочего движения и социал-демократии в России в 1900—1904. Ростов н/Д., 1906; *Фрумкин Б. М.* Зубатовщина и еврейское рабочее движение // Пережитое. Т. III. 1911; *Заславский С.* Зубатов и Маня Вильбушевич // Былое. 1918. № 3; *Бухбиндер Н. А.* Независимая еврейская рабочая партия // Красная летопись. 1922. № 2—4; *Его же.* Еврейское рабочее движение в Минске. // Красная летопись. 1922. № 5; *Его же.* Еврейское рабочее движение в Гомеле. Гомель, 1925; *Его же.* История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925; *Кавторин В. В.* Первый шаг к катастрофе. М., 1990; *Frankel J.* Prophecy and politics. Socialism, nationalism and the Russian Jews. 1862—1917. Cambridge, 1984.

⁵ *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний (По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 14—15; *Урусов С. Д.* Очерки прошлого. Записки губернатора. 1903—1904. М., 1907. Т. 1. С. 29—30; *Gurko V. I.* Features and Figures

of the Past. Stanford, 1939. P. 247—248; *Любимов Д. Н.* Отрывки из воспоминаний. 1902—1904 // Исторический архив. 1962. № 6. С. 69—84.

⁶ *Judge E. Plehve.* Repression and Reform in Imperial Russia. 1902—1904. Syracuse, 1983. P. 97—101.

⁷ *Ганелин Р. Ш., Кельнер В. Е.* Проблемы историографии евреев в России: Вторая половина XIX — 1-ая четверть XX в. // Евреи в России. Историографические очерки. М., 1994. С. 253.

⁸ К не менее печальным последствиям, хотя и в другом роде, несколько позднее привела идея использовать «маленькую победоносную войну» в качестве революционного громоотвода.

⁹ РГИА, ф. Комитета министров (ф. 1263), оп. 2. 1903, д. 5615, 5617, 5625, 5732, 5736.

¹⁰ Еврейская старина. 1915. Т. VIII. Вып. 3/4. С. 412—414; Кишинев. 1904. № 3. С. 1—14.

¹¹ ГАРФ, ф. Плева (ф. 586), оп. 1, д. 303, 317.

¹² РГИА, ф. Канцелярии министра внутренних дел (ф. 1282), оп. 1, д. 702, лл. 6—7 об.

¹³ *Герцль Т.* Избранное. Иерусалим. 1990. С. 213—255.

¹⁴ Сионизм: Исторический очерк его развития: Записка, составленная в Департаменте полиции. СПб., 1903.

¹⁵ *Гессен Ю. И.* Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1905; *Его же.* Как созидались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб., 1911; *Его же.* Городское общественное управление и евреи // Вестник права. 1904. № 10. С. 68—91; *Его же.* Законодательство о жительстве евреев в России // Исторический вестник. 1911. Кн. V. С. 82—98.

¹⁶ Очерки истории еврейского народа. Иерусалим, 1990; *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977.

¹⁷ *Judge E.* Repression and Reform in Imperial Russia. 1902—1904. Stanford, 1983.

¹⁸ *Локшин А.* Формирование политики. Царская администрация и сионизм в России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 42—56; *Его же.* «Национальное» и «социальное» в деятельности еврейских политических партий в России (1897—1907) в оценке Департамента полиции // Исторические судьбы евреев в России и СССР: Начало диалога. М., 1992. С. 115—124.

¹⁹ *Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном // Русская старина. 1910. Т. 44. С. 488—490.

²⁰ ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 96.

²¹ Т а м ж е.

²² РГИА, ф. 1263, оп. 4, д. 27, лл. 367—369об.

²³ Т а м ж е.

²⁴ Т а м ж е, лл. 377—380об.

²⁵ Т а м ж е, лл. 377об.—378.

²⁶ Т а м ж е, лл. 378об.—379.

- ²⁷ Там же, оп. 2, 1903, д. 5615, лл. 121об.—122.
- ²⁸ Там же, лл. 135об.—137.
- ²⁹ Там же, оп. 4, д. 27, лл. 268—276.
- ³⁰ Там же, лл. 266—267об.
- ³¹ Там же, д. 5615, лл. 119—120.
- ³² Там же.
- ³³ Там же, 5625, лл. 201—202.
- ³⁴ Кишинев. 1904. № 3. С. 1—2.
- ³⁵ Урусов С. Д. Очерки прошлого. С. 293, 344.
- ³⁶ Кишинев. 1904. № 3. С. 5—56.
- ³⁷ Урусов С. Д. Очерки прошлого. С. 354—356.
- ³⁸ ГАРФ, ф. 102, 2-ое д-во, оп. 76а, д. 2114, лл. 1—2.
- ³⁹ Кишинев. 1904. № 3. С. 1—5.
- ⁴⁰ Там же. С. 6—8.
- ⁴¹ Там же. С. 7.
- ⁴² Гессен Ю. И. Законодательство о жительстве евреев в России // Исторический вестник. 1911. Кн. V. С. 96.
- ⁴³ РГИА, ф. 1263, оп. 2, д. 5680; Правительственный вестник. 1904. № 154.
- ⁴⁴ РГИА, ф. Министерства юстиции (ф. 1405), оп. 82, 1904, д. 9724, лл. 2—14.
- ⁴⁵ Там же, лл. 2—2об.
- ⁴⁶ Там же, лл. 13—14; ф. 1263, оп. 2. 1904, д. 5732, лл. 230—230об.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же, лл. 233об., 236.
- ⁴⁹ Там же, оп. 72, д. 5732, л. 230; ф. 1263, оп. 4, д. 727, лл. 59, 64.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же, оп. 72, д. 5732, л. 230.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же, оп. 4, д. 27, л. 57.
- ⁵⁴ Там же, л. 60.
- ⁵⁵ Там же оп. 2, д. 5732, л. 235об.
- ⁵⁶ Там же, л. 230об.; ф. 1405, оп. 82. 1904, д. 9724, лл. 4об.—5об.
- ⁵⁷ Там же, ф. 1405, оп. 82. 1904, д. 9724, лл. 5 об.—6; ф. 1263, оп. 2, д. 5732, л. 230об.
- ⁵⁸ Там же, ф. 1263, оп. 2, д. 5732, л. 230об.
- ⁵⁹ Там же, оп. 82, д. 9724, л. 3 об.
- ⁶⁰ Там же, оп. 4, д. 27, л. 59.
- ⁶¹ Там же, оп. 2, д. 5732, лл. 114, 229—236.
- ⁶² Раскин Д. И. «Еврейский вопрос» в документах высших государственных учреждений Российской империи XIX — начала XX в. // История евреев в России: Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1993. С. 65.
- ⁶³ ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 584, л. 3.

- ⁶⁴ Там же, л. 7.
- ⁶⁵ *Локшин А.* Формирование политики... С. 42—56; *Его же.* «Национальное» и «социальное» в деятельности еврейских политических партий в России (1897—1907)... С. 115—124.
- ⁶⁶ Сионизм: Исторический очерк его развития... С. 22.
- ⁶⁷ *Герцль Т.* Избранное. С. 95—96.
- ⁶⁸ Там же. С. 97.
- ⁶⁹ Сионизм: Исторический очерк его развития... С. 82—90.
- ⁷⁰ *Локшин А.* Формирование политики... С. 49.
- ⁷¹ *Маор И.* Сионистское движение в России. С. 76; Сионизм: Исторический очерк его развития... С. 90—96.
- ⁷² *Локшин А.* Формирование политики... С. 49—50.
- ⁷³ Еврейская старина. 1915. Т. VIII. Вып. 3/4. С. 412—414.
- ⁷⁴ Там же. С. 412.
- ⁷⁵ Там же. С. 413—414; *Маор И.* Сионистское движение в России. С. 148—150.
- ⁷⁶ *Маор И.* Сионистское движение в России. С. 151.
- ⁷⁷ Там же. С. 152; *Локшин А.* Формирование политики... С. 50.
- ⁷⁸ ГАРФ, ф. 102.00. 1903, д. 987.
- ⁷⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 702, лл. 6—7об.; *Герцль Т.* Избранное. С. 216—224.
- ⁸⁰ *Маор И.* Сионистское движение в России. С. 108—116.
- ⁸¹ *Герцль Т.* Избранное. С. 14; ГАРФ, ф. 586, оп. 71, д. 584, л. 8.
- ⁸² РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 702, лл. 6—7об.
- ⁸³ ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 303, л. 6; *Маор И.* Сионистское движение в России. С. 170—171.
- ⁸⁴ Дубнов С. М. Новейшая история еврейского народа. Берлин, 1923. Т. III. С. 321.
- ⁸⁵ ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 303, лл. 6—10об.
- ⁸⁶ Там же, л. 9.
- ⁸⁷ Там же, лл. 6, 10, 14.
- ⁸⁸ Там же, д. 317, лл. 1—4.
- ⁸⁹ Там же, д. 303, л. 13.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Цит. по: *Локшин А.* Формирование политики... С. 53.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 303, л. 17.

ЕВРЕИ В АППАРАТЕ ВЧК—ОГПУ В 20-е ГОДЫ

Среди социальных и национальных сдвигов, вызванных революцией, мировой и гражданской войнами, политикой нового руководства страны, одним из наиболее заметных был приток в города, государственный и партийный аппарат представителей этнических групп, до революции признававшихся властями как инородцы, а после нее получивших наименование «национальные меньшинства».

Исключительно важной роли, которую сыграли национальные меньшинства в революции, гражданской войне, партии большевиков, способствовал ряд факторов. Во-первых, речь должна идти о постоянно декларирувавшемся интернационализме большевиков, естественным образом проистекавшем из их классового подхода к общественной организации, из их нацеленности на мировую революцию. Вторым существенным фактором, обусловившим взаимную привлекательность друг для друга российско-большевизма и национальных меньшинств, явилась недостаточная поддержка новой власти со стороны русской интеллигенции¹.

Следует признать, что в глазах очень многих очевидцев революции внутри страны и тех, кто следил за ней из-за рубежа, характер большевистской революции и новой власти очень быстро стал отождествляться с национальной принадлежностью отдельных ее вождей и деятелей.

Среди олицетворений новой власти были не только ее отдельные представители. Чаще всего она отождествлялась со своим карательным органом — ЧК. А такая параллель еще больше укрепляла во мнении о не местном, привнесённом извне характере революции, чьи интересы защищал орган, в котором инородцы играли столь заметные роли.

Не отличавшийся национальными предрассудками русский историк-социалист С. П. Мельгунов, автор книги «Красный террор в России...», назвал ВЧК «чужеземной опричниной», где

особое положение занимают латыши². Сегодняшние русские националисты переименовали заглавие книги Мельгунова и говорят о послереволюционном «сионистском терроре в России», имея в виду в первую очередь роль евреев в советских карательных органах.

И русские эмигранты первой волны, и нынешние националисты, говоря об «инородцах в ЧК», по-разному подчеркивали и подчеркивают свое неприятие большевизма, одержавшего в 1917 г. верх в России. И победившего (если мы позволим себе соединить эти две точки зрения) в результате «еврейского заговора» при поддержке «латышских штыков».

С первых шагов деятельности советских карательных органов «ЧК» и «инородцы» стали устойчивой, общепринятой ассоциацией.

* * *

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (с августа 1918 г. ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности) при Совнаркомом под председательством Ф. Э. Держинского была организована 7(20) декабря 1917 г. в Петрограде. В марте 1918 г. ВЧК вместе со всеми центральными органами государства переезжает в Москву.

В феврале 1922 г., с окончанием гражданской войны, на смену ВЧК пришло новое образование — Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. Предполагалось, что новая политическая, военная и экономическая обстановка, связанная с завершением войны и переходом к нэпу, требует и нового качества от карательного органа советской власти. Руководство РСФСР декларировало отказ от широкомасштабного террора прежних лет и необходимость ограничения функций и компетенции ГПУ исключительно политическими задачами. Однако создание ГПУ (преобразованного в ноябре 1923 г., после создания СССР, в Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР) не означало серьезного изменения функций карательного органа, закаленного в годы террора, и теперь переходившего на новые методы работы. Как и ВЧК, ГПУ—ОГПУ оставалось «железным кулаком» революции с достаточно широкими полномочиями.

Новый период в деятельности ОГПУ (как и в жизни всего советского общества) наступает с конца 20-х гг. Для советского

общества это годы «великого перелома», установления жестких идеологических рамок, окончательного формирования командно-административной системы. Конец 20-х — начало 30-х гг. для ОГПУ — время первых крупных процессов, переводивших советскую репрессивную машину на полные обороты: 1928 г.— «шахтинское дело», 1930 г.— процесс 48-ми «организаторов голода» и процесс Промпартии, весна 1931 г.— процесс Союзного бюро меньшевиков...

* * *

Предметом нашего внимания стало участие евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ в период до конца 1920-х гг. В этот период сошел на нет непосредственный эффект, который революция произвела в социокультурном сознании общества.

К этому моменту утерял свою остроту и элемент чрезвычайности. ОГПУ как карательный орган стал постоянно действующим фактором общественного бытия, одной из составных частей установившегося режима. Тогда же, в конце 20-х гг., закладываются основы целенаправленной партийно-государственной кадровой политики, ставшей отличительной чертой более позднего периода советской истории. Изучение обозначенной проблемы в этот период требует других методов исследования, иной источниковой базы.

* * *

Проблема участия евреев (как и представителей других национальных меньшинств) в советском аппарате еще не становилась предметом специального исследования. Вопрос участия евреев в деятельности органов ВЧК—ОГПУ в общих чертах затрагивался в работах зарубежных историков советского еврейства³.

Взгляд американского исследователя Цви Гительмана на участие евреев в органах ВЧК—ОГПУ представляется наиболее типичным для современной историографии, подытоживающим рассмотрение этой проблемы, и потому мы позволим себе обратиться к выводам Гительмана:

«Заметное участие евреев в большевистском режиме драматизировалось большим числом евреев в ЧК. Причины популярности среди евреев службы в ЧК не совсем ясны, но поскольку евреев едва ли можно было подозревать в преданности царскому режиму, они считались надежными противниками белых. С точки зрения евреев, служба в ЧК, без сомнения, была приманкой

непосредственной физической власти, которая привлекала многих молодых евреев, стремившихся отомстить за преступления, совершенные против их народа антисоветскими силами всех мастей (то есть за погромы. — Л. К.). Каковы бы ни были причины, евреи в большом количестве были представлены в тайной полиции... Поскольку ЧК была органом большевистской власти, вызывавшим наибольшую ненависть и страх, антиеврейские чувства возрастали в прямой пропорции к террору ЧК»⁴.

Исследователи, обращавшиеся к отдельным аспектам этнического состава аппарата ЧК—ГПУ, теме участия в нем сотрудников-евреев, не располагали достаточно широким кругом источников, которые позволили бы им сделать более конкретные и подробные выводы.

* * *

Литература и опубликованные источники лишь в малой степени раскрывают вопрос участия евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ. Для плодотворной разработки данной темы наиболее важными несомненно являются архивные материалы. Многие из них лишь недавно стали доступны для исследователей. Другие — анализировались ранее под иным углом зрения и потому также представляют немалый интерес при исследовании интересующей нас проблемы. (Следует иметь в виду, что кадровые документы, находящиеся в архивохранилищах советских органов безопасности, остаются недоступными и такая ситуация, очевидно, будет сохраняться на протяжении длительного времени.)

Наиболее ранние из выявленных материалов относятся к деятельности Комиссии по проверке служащих и сотрудников советских учреждений при ВЦИК. Комиссия, работавшая в 1918—1919 гг., провела в сентябре 1918 г. перепись работников советских учреждений Москвы. Анализ первичных материалов переписи по ВЧК — 781 анкета сотрудников и служащих Комиссии — позволяет представить структуру этого органа, социальный облик работников, источники формирования кадров и, по ряду косвенных данных, национальный состав аппарата ВЧК на первом этапе ее деятельности⁵.

Значительная группа документов, раскрывающих тему участия евреев в аппарате органов госбезопасности, содержится в фондах центральных партийных органов, хранящихся ныне в

РЦХИДНИ. Эти документы относятся к деятельности Политбюро, Секретариата, отделов ЦК коммунистической партии⁶. Среди документов — переписка ЦК с ВЧК—ОГПУ по кадровым вопросам; доклады руководителей органа безопасности о состоянии кадров вверенного им учреждения; различные списки, содержащие сведения о национальном и социальном происхождении, профессии, образовании, стаже в партии и органах ЧК сотрудников и руководителей ЧК—ГПУ; статистические сведения о личном составе советских карательных органов в интересующий нас период.

Особый интерес при разработке темы данного исследования представляют протоколы заседаний комиссий по проверке и чистке членов партии в аппарате ОГПУ, относящиеся к 1925 и 1929—1930 гг. и содержащиеся в фонде Центральной контрольной комиссии ЦК РКП(б)⁷. (Уже с начала 20-х гг. ни один беспартийный не мог занимать в аппарате ЧК ответственной должности.) Протоколы партчисток представляют собой особенно ценный тип источника, дающий широкое представление о характере чекистских кадров, их социальном и национальном составе, взаимоотношениях между сотрудниками внутри коллектива.

* * *

Настоящее исследование строится главным образом на анализе центрального аппарата ВЧК—ОГПУ. Рассмотрение центральных органов системы государственной безопасности в первые годы советской власти позволяет сделать выводы о наименьшей степени зависимости их формирования от местных условий. Этот подход особенно актуален, когда речь идет о представительстве национальных меньшинств в советских органах власти, в том числе в аппарате ВЧК—ОГПУ.

Интерес к проблеме участия евреев в аппарате советских карательных органов во многом опирается на связанные с данным явлением социокультурные представления, сложившиеся в советском обществе. Эти представления сформировались практически одновременно с моментом возникновения самих карательных органов. В общих чертах эти представления продолжали существовать на протяжении последующих десятилетий и во многом сохранились по сей день. Как и вся революция, карательные органы первых лет советской власти объявлялись

делом рук определенных национальных меньшинств — как правило, латышей и евреев. Попытаемся взглянуть на эту проблему глазами современников, определив вначале то место, которое чекистские органы занимали на начальном этапе истории советского общества.

Проблему особенностей национального состава аппарата ВЧК—ОГПУ на первый взгляд можно было бы легко свести к вопросу участия различных этнических групп российского населения в аппарате советской власти. Подобный подход был бы верен, если бы ЧК можно было поставить рядом с любым другим советским, партийным, хозяйственным учреждением или даже с Красной Армией. Однако такое сравнение представляется не вполне правомерным.

В отличие от любых других советских органов и учреждений, ЧК с первых же дней своего существования, а особенно после объявления красного террора осенью 1918 г., стала объектом массовой неприязни. ЧК боялись и не любили не только противники большевизма, что кажется вполне естественным. В самой партии, чаще всего среди рядовых ее членов, большевиков со стажем, укоренилась глубокая антипатия к карательному органу и, как следствие, к его сотрудникам. Неприятие ЧК и ее методов нередко приводило к неприятию новой власти. И в этом нет ничего удивительного. Многие в Советской России, начиная от Ленина, заявившего, что «хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист»⁸, и заканчивая рядовыми обывателями, полагавшими, что понятия «коммунист» и «чекист» мало чем друг от друга отличаются⁹, видели в ЧК олицетворение революции, большевистского режима.

Чекисты и сами осознавали свое особое положение в обществе:

«Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех»¹⁰.

Боязнь и презрение общества к чекистским органам привела к возникновению стойкой ассоциации ЧК с царскими жандармами, охранкой, никогда не пользовавшимися особой популярностью в России.

Ряд свидетельств говорит о том, что очень быстро в чекистской среде возник комплекс самоуничижения. Свою статью в «Известиях», посвященную 5-летию ВЧК—ГПУ, М. И. Лацис симптоматично озаглавил «Чернорабочие революции», нарисо-

вав образ самоотверженных чекистов, вынужденных выполнять самую черную, но необходимую работу¹¹. В 1921 г. чекисты из далекой Кушки жаловались в ЦК партии на повсеместное презрение к сотрудникам карательных органов со стороны других коммунистов и призывали к уважению к себе как к «мученикам революции»¹².

То специфическое место, которое ВЧК—ГПУ занимали в послереволюционной советской действительности, заставляет особо проанализировать проблему участия евреев в аппарате органов безопасности.

* * *

Что привлекало людей на службу в эту организацию? Можно, конечно, предположить, что среди чекистов попадались революционные романтики, идеалисты, настоящие фанатики своего дела. Но большинство источников свидетельствует, что таких людей в ЧК практически не было, а по мере совершенствования и развития органов госбезопасности разговоры о чистом энтузиазме их сотрудников вообще теряют смысл. Многие сотрудники попадали на работу в ЧК по направлениям партийных и советских организаций, из действующей армии. При всех недостатках чекистской службы, существовали достаточно сильные стимулы, которые могли заставить людей делать выбор в пользу этой работы.

Работники ЧК освобождались от призыва в армию, приравняваясь к мобилизованным на фронт, а позже считаясь военно-служащими действующей Красной Армии¹³. Чекисты получали оклады, превышавшие зарплаты красноармейцев и сотрудников большинства советских учреждений, продовольственные и промышленные пайки¹⁴. Один из «клиентов» ЧК, меньшевик Григорий Аронсон, сидевший в ЧК в Витебске, Орле и Москве в 1918—1921 гг., наблюдал чекистов вблизи и пришел к таким выводам о причинах, приводивших рядовых сотрудников на службу в карательный орган:

«Кто освободился таким путем от мобилизации на фронт, кто соблазнился двумя фунтами хлеба в день и жалованьем, кого потянуло русское озорство, а кто по неспособности к производительному труду пошел в чекисты. Одному льстит, что его сверстники, с которыми он в детстве играл в гайки, сейчас его побаиваются, а другого прельстила легкая жизнь и безнаказанность человека с ружьем»¹⁵.

Мотивы могли быть и другими. Часто они зависели от социальных, национальных и культурных факторов.

* * *

Особенности этнического состава сотрудников ВЧК—ОГПУ довольно быстро стали обращать на себя внимание. Очевидцы работы ЧК свидетельствуют, что представители нерусских народов с самого начала заняли в этой организации очень заметное место.

С. П. Мельгунов отмечает:

«Только в одной ВЧК непосредственных служащих в 1919 г. было более 2000, из них три четверти латышей. Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях ЧК. Они служат здесь целыми семьями и являются самыми верными адептами нового «коммунистического строя» [...] Латыши и латышки, зачастую не владея русским языком, ведут иногда допросы, производят обыски, пишут протоколы и т. д.»¹⁶.

Активистка партии левых эсеров А. А. Измайлович, находившаяся в московской тюрьме ЧК, пишет в своих записках: «Вся администрация — почти сплошь латыши. Этот революционный когда-то народ теперь специализировался на отхожем промысле шпионства, тюремной охране, провокации и палачестве»¹⁷.

В воспоминаниях П. Е. Мельгуновой-Степановой слово «латыш» незаметно превращается в синоним слова «чекист»¹⁸.

Содержавшийся в тюрьме ВЧК Гр. Аронсон вспоминает суету, которая царилла среди чекистского начальства в преддверии годовщины революции, на которую ожидалась амнистия: «По коридорам забегали... следователи, большей частью латыши или евреи, студенты, изредка женщины...»¹⁹

Философ Лев Шестов идет еще дальше, обобщая сложившиеся впечатления от латышского «засилья» в ЧК: «Все знают, как работают латышские чрезвычайки...»²⁰

Мнение о широком участии евреев в органах ЧК было также весьма распространено, однако не так ярко отразилось в мемуарах современников²¹. Причин здесь может быть несколько.

С одной стороны, наличие евреев в ЧК могло быть не столь заметным в первые месяцы революции. Так, американская журналистка Луиза Брайант, супруга Джона Рида, после своего очередного пребывания в России в 1921 г., касаясь вопроса национального состава аппарата ВЧК, пишет: «Все важные посты

в Чека занимали и до сих пор занимают латыши и поляки с безукоризненным революционным прошлым. Евреи там едва заметны»²².

С другой стороны, авторы большинства известных воспоминаний этого периода — антибольшевистски настроенные социалисты, члены партий с весьма заметным членством еврейской интеллигенции. В этой среде подобное обращение к «еврейской теме», вполне вероятно, могло вызвать «непонимание».

Представления о большом количестве евреев в ЧК тем не менее бытовали весьма и весьма широко.

В 1922—1923 гг. поэт Сергей Есенин работает над поэмой «Страна негодяев», среди персонажей которой некто Замарашкин — «сочувствующий коммунистам» и комиссар с «говорящей» фамилией Чекистов. Небезынтересно вчитаться в строки этой есенинской поэмы:

Ч е к и с т о в: И народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...

З а м а р а ш к и н: Слушай, Чекистов!
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил за границей...
Все равно в Могилеве твой дом.

Ч е к и с т о в: Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей,
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.

Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы божи,
Да я бы их давно-давно
Перестроил в места отхожие...²³

Комиссар из «Страны негодяев» — это собирательный образ еврея-коммуниста, презирающего все русское. Придуманная фамилия героя есенинской поэмы — одно из наиболее ярких подтверждений тому, насколько распространенным было мнение о широком участии евреев в органах ЧК. Есенину кажется ясным, почему инородцы пришли в революцию. Они не чувствуют своей связи с русским народом-«дикарем», им чужда русская земля, культура, русская духовность. Приобщение к власти дает этим людям возможность «укрощать» русских «зверей».

Современники давали разные объяснения большому количеству представителей нерусских меньшинств в ЧК. С. П. Мельгунов, ссылаясь на бюллетень левых эсеров, так характеризует тягу в ЧК со стороны латышей: «В Москву из Латвии в ВЧК едут как в Америку, на разживу»²⁴. Луиза Брайант полагает, что русские занимали в ЧК только незначительные должности, а латыши и поляки были там на первых ролях, поскольку, как ей кажется, русские «больше склонны к взяточничеству и легче поддаются влиянию»²⁵.

Весьма любопытную точку зрения на участие евреев в аппарате ВЧК—ГПУ высказал А. М. Горький. Писатель, вообще считавшийся юдофилом, очень болезненно воспринимал рост антисемитских настроений в послереволюционной России и одну из причин этого видел в сотрудничестве евреев в органах ЧК. В мае 1922 г., в интервью корреспонденту нью-йоркской еврейской социалистической газеты «Форвертс» Якову Лещинскому, Горький сказал:

«Я верю, что назначение евреев на опаснейшие и ответственные посты часто можно объяснить провокацией, так как в ЧК удалось пролезть многим черносотенцам, то эти реакционные должностные лица постарались, чтобы евреи были назначены на опаснейшие и неприятнейшие посты»²⁶.

Мнения Есенина, Мельгунова, Луизы Брайант, Горького представляют наиболее распространенные подходы к объяснению причин широкого участия евреев и других национальных

меньшинств в ЧК—ГПУ. Одни современники объясняли этот факт особенностями характера инородцев с их стремлением к власти и легкой наживе; другие — некоей «простотой» русского человека, позволившего себя закабалить инородцу; третьи усматривали в данном явлении провокацию со стороны противников революции и национальных меньшинств.

В первые месяцы после победы революции в обществе сложилось представление о решающей роли в этой победе представителей нерусских народов. Так, мнение о широком участии евреев в революции скорее всего было результатом присутствия их на видных партийных и государственных постах. Основная же масса евреев, присоединившихся к революции, пришла в нее несколькими месяцами, а то и годами позже, в тот момент, когда идея еврейского участия в революции уже укоренилась в сознании российского общества. Ситуация драматизировалась участием евреев и латышей в системе аппарата ВЧК—ГПУ — органа, занимавшего в советском обществе совершенно особое место.

* * *

С первых дней работы ВЧК столкнулась с серьезными проблемами комплектования своих кадров. В отличие от большинства государственных органов, ВЧК не могла рассчитывать на помощь в работе со стороны старых специалистов. (Известное мнение о широком сотрудничестве в органах ЧК работников дореволюционных жандармских и полицейских учреждений не подтверждается имеющимися источниками.) Вынужденный отказ от привлечения к работе органов ЧК дореволюционных кадров являлся, с точки зрения властей, положительным моментом и позволял укомплектовать аппарат карательных учреждений «здоровыми» социальными элементами и партийной прослойкой. Формирование органов ЧК в соответствии с требованиями революционного времени имело особое значение.

Первый историк ЧК М. Лацис отмечал, что на Чрезвычайные Комиссии нельзя смотреть «как на учреждения, составленные из наемных лиц, работающих для получения средств к существованию»²⁷. Сама ВЧК разъясняла, что в отсутствие правовых законов в эпоху гражданской войны правильно подобранный состав сотрудников ЧК является «единственной гарантией законности»²⁸.

Отсутствие квалифицированных специалистов в карательных органах создавало на всем протяжении 1920-х гг. особые проблемы для успешной деятельности ВЧК—ОГПУ. При этом новых квалифицированных работников явно не хватало. Одной из причин постоянно испытываемого ВЧК—ОГПУ кадрового дефицита была невысокая популярность этих органов и службы в них среди членов партии. Партийные и советские структуры нередко отказывали органам ЧК—ГПУ в какой-либо поддержке²⁹. Коммунисты в армии не хотели помогать Особым отделам — армейским подразделениям ЧК; несмотря на соответствующие директивы, отказывались становиться их осведомителями³⁰.

Другой причиной постоянного некомплекта в ЧК—ГПУ и невысокого качества имевшихся кадров было отсутствие необходимого количества лиц, преданных революции и одновременно имеющих достаточный уровень хотя бы общего образования.

Постоянный кадровый кризис в органах ЧК следует иметь в виду при анализе статистических данных, отражающих национальные особенности аппарата советских карательных органов.

В сентябре 1918 г. в аппарате ВЧК в Москве работал 781 сотрудник. Среди работников ВЧК следующие национальные меньшинства были представлены в наибольшем числе:

Т а б л и ц а 1.

**Представительство основных нац. меньшинств
в аппарате ВЧК на 25.09.1918 г.³¹**

Национальность	Количество	% общ. числа сотрудников
Латыши	278	35,6
Поляки	49	6,3
Евреи	29	3,7

Административно-управленческий аппарат ВЧК и активная часть ответственных сотрудников (начальники и секретари отделов, комиссары, следователи и их заместители, инструкторы и пр.) составили в 1918 г. 220 человек — около 28% всех работников. Представительство евреев и других национальных меньшинств в этой группе работников ВЧК распределилось следующим образом:

Таблица 2.

**Национальные меньшинства среди ответственных и активных
сотрудников ВЧК на 25.09.1918 г.³²**

Национальность	Количество	% сотрудников данной категории	% сотрудников данной национальности
Латыши	116	52,7	41,7
Поляки	19	8,6	38,8
Евреи	19	8,6	65,5

Сравнивая данные таблиц 1 и 2, мы видим, что доля каждого из национальных меньшинств среди ответственных и активных сотрудников ВЧК возросла по сравнению с долей этих национальностей среди общего числа работников Комиссии почти на 25%, в том числе евреев — более чем в 2 раза.

Особое место среди всех ответственных сотрудников ВЧК с первых дней деятельности этого органа занимали комиссары и следователи. В сентябре 1918 г. на этих наиболее высокооплачиваемых должностях находилось 112 работников аппарата ВЧК (70 комиссаров; 42 следователя и заместителя следователя). Каков же был национальный состав этих категорий чекистов?

Таблица 3.

Национальный состав комиссаров ВЧК на 25.09.1918 г.

Национальность	Количество	% общ. числа комиссаров
Латыши	38	54,3
Русские	22	31,4
Поляки	7	10,0
Евреи	3	4,3

Таблица 4.

**Национальный состав следователей и зам. следователей ВЧК
на 25.09.1918 г.**

Национальность	Количество	% общ. числа следователей
Латыши	14	33,3
Русские	13	30,9
Евреи	8	19,1
Поляки	7	16,7

Из приведенных данных видно, что среди следователей-чекистов заметно возросла доля евреев. Можно предположить, что эта работа требовала наибольшей квалификации, и этим требованиям, благодаря своему более высокому образовательному цензу, часто могли отвечать именно евреи. Примечательно, что из 12 следователей отдела по борьбе с контрреволюцией — наиболее важного в структуре ВЧК — половину составляли евреи.

У заметной части сотрудников-евреев в графе анкеты переписи служащих ВЧК в ответе на вопрос о последнем месте работы указаны учреждения, находившиеся в местах традиционного проживания евреев (Одесса, Могилев, Мстислав, Смоленск и пр.). Можно предположить, что значительная часть чекистов-евреев первого поколения происходила из бывшей черты оседлости и соседних с ней районов. Подобное явление было еще более характерно для латышей, что, среди прочего, свидетельствует о трудностях, с которыми сталкивалась ВЧК в это время при формировании своего центрального аппарата.

Интересны данные о партийности чекистов-евреев в 1918 г. Обращает на себя внимание высокий для ВЧК процент беспартийных среди них — 28,6%. Среди латышей процент беспартийных самый низкий среди всех национальностей, представленных в аппарате ВЧК, — 10,4%.

Данные, приводимые в анкетах работников ВЧК переписи 1918 г., позволяют сделать некоторые выводы об источниках формирования кадров карательного органа в первые годы его

существования. Наиболее важную роль при приеме на службу в ЧК в эти годы играли личные рекомендации, которые в некоторых случаях могли облекаться в форму рекомендаций какой-либо партийной или советской инстанции. При общей нехватке кадров в различных органах власти недостаток их в ЧК мог восполняться при помощи личных связей сотрудников Комиссии. В случаях национальных меньшинств, служивших в ЧК, именно эта система личных рекомендаций способна в значительной степени объяснить весьма заметное представительство в этом органе латышей и, в меньшей степени, евреев. В анкетах служащих и сотрудников — латышей можно найти десятки подтверждений того, что родственники рекомендовали друг друга для работы в ВЧК и переезжали в Москву целыми семьями. Такая «клановость», характерная почти исключительно для латышей, может быть связана не только со стремлением устроить родственников и знакомых на хорошее место в Москву, но с и желанием вывезти их из оккупированной в тот момент немцами Латвии³³. (В анкетах есть многочисленные примеры того, как родственники рекомендовались на должности судомоек, сапожников, горничных, кухарок в ВЧК, — отсюда постоянно высокое представительство латышей во всех звеньях структуры ВЧК.)

Представительство других национальных меньшинств также в немалой степени было обусловлено этой системой формирования кадров. Сотрудники-поляки рекомендовали своих товарищей по польской социал-демократии. Очевидно, подобная практика имела место и в ряде случаев с чекистами-евреями.

Имеются данные, позволяющие сделать вывод, что расстановка национальных меньшинств в различных звеньях аппарата ВЧК в 1920—1921 гг. оставалась в общих чертах такой же, какой была в ЧК образца 1918—1919 гг.

Интересные сведения можно почерпнуть из статистических материалов о личном составе секретных отделов губернских чрезвычайных комиссий на июнь—июль 1920 г. (В 1919 г. секретные отделы пришли на смену отделам по борьбе с контрреволюцией. Эти отделы в центре и провинции осуществляли борьбу с антикоммунистическими организациями и политическими партиями, надзор над духовенством и т. п.) Они охватывают данные о 1805 сотрудниках секретных отделов по 32 губерниям. Сведения о национальном составе секретных отделов — самого активного

звена в структуре органов ЧК — рисуют следующую картину участия в них евреев в ряду представителей других национальностей:

Т а б л и ц а 5.

**Национальный состав секретных отделов 32 ГубЧК
по состоянию на лето 1920 г.³⁴**

Национальность	Количество	% общ. числа сотрудников СО
Русские	1357	75,2
Латыши	137	7,6
Евреи	102	5,6
Поляки	34	1,9
Украинцы	15	0,8
Белорусы	11	0,6
Литовцы	10	0,6
Эстонцы	9	0,5
Венгры	9	0,5

Отметим еще один важный показатель, отраженный в сведениях о личном составе секретных отделов местных ЧК, — образовательный ценз. В средней школе обучались 12,5% чекистов секретных отделов; закончили курс средней школы — 13,7%; обучались в высших учебных заведениях — 1,1%; получили высшее образование — 0,8%³⁵. Эти данные показывают, насколько остро нуждалась ЧК в квалифицированных и, главное, образованных кадрах.

Мы имеем возможность сравнить данные о национальном составе секретных отделов в середине 1920 г. с аналогичными данными по примерно 50 000 сотрудников всех губернских ЧК на конец 1920 г.:

Таблица 6.

**Доля основных национальностей в составе ГубЧК
по состоянию на конец 1920 г.³⁶**

Национальность	% общего числа сотрудников ГубЧК
Русские	77,3
Евреи	9,1
Латыши	3,5
Украинцы	3,1
Поляки	1,7
Немцы	0,6
Белорусы	0,5

Заметные отличия средней доли различных национальностей в составе местных органов ЧК по сравнению с долей этих национальностей в центральном аппарате объясняются особенностями их расселения по территории Советской России. Так, например, основными центрами латышской диаспоры в России, сложившимися уже к 1915 г., к началу немецкой оккупации Латвии, были Москва, Петроград, Харьков, Поволжье и Сибирь³⁷. Еврейское население концентрировалось в первые послереволюционные годы в основном на Украине, в Белоруссии, Москве и западных губерниях Центральной России, составляя в некоторых районах Западного края до 50% городского населения. В общем по стране, и особенно в регионах массового сосредоточения, еврейское население было гораздо более многочисленным, чем латышское. Отсюда — значительная разница в средних показателях представительства евреев и латышей в органах ЧК в центре и на периферии.

Говоря об удельном весе евреев и других национальностей в центральных и местных органах ЧК, следует принять во внимание не только долю этих национальностей в населении, но и их долю в рядах РКП(б). Последний показатель ярче других может проиллюстрировать степень вовлеченности отдельных национальных групп в революционный процесс. Обратимся к данным о представительстве ряда национальностей в населении страны и среди членов РКП(б) в 1920—1922 гг.:

Т а б л и ц а 7.

Доля отдельных национальностей в населении СССР
и в составе РКП(б), по данным переписи населения 1920 г.
и партийной переписи 1922 г.³⁸

Национальность	% насел. СССР	% от всех членов РКП	Чл. РКП/1000 чел. данной наци- ональности
Русские	55,00	72,00	3,80
Украинцы	18,20	5,88	0,94
Белорусы	2,55	1,47	1,67
Евреи	2,11	5,20	7,20
Немцы	0,87	0,59	1,98
Поляки	0,40	1,50	10,80
Латыши	0,09	2,53	78,00
Эстонцы	0,09	0,53	16,30
Финны	0,09	0,25	7,96
Литовцы	0,03	0,39	32,80

Из приведенных данных видно, что национальные меньшинства, чьи территориальные образования оказались за пределами Советского государства, отличаются очень активным участием в партии коммунистов. В ряду таких национальностей первое место принадлежало латышам, 7,8% которых были членами РКП(б). Это отчасти объясняет заметное представительство латышей в ЧК. Процент коммунистов-евреев также превьшал их долю в населении страны, что может среди прочего объясняться высоким уровнем их урбанизированности.

* * *

Преобразование ВЧК в ГПУ не сразу сказалось на характере и составе аппарата органов государственной безопасности. Общй штат ГПУ на первых порах остался точно таким же, каким был штат органов ВЧК (без войсковых частей) в конце ее

существования, — 105 000 человек³⁹. Реорганизация ВЧК в ГПУ в начале 1922 г. и создание ОГПУ в конце 1923 г. не оказали на первых порах заметного влияния на изменение национальной структуры аппарата, однако ряд тенденций, наметившихся в этой области ранее, нашел свое развитие в ранний период деятельности ГПУ—ОГПУ.

Тенденции эти были связаны с углублявшейся специализацией и профессионализацией карательных органов и могут быть наглядно проиллюстрированы данными о национальном и социальном составе центрального руководства ОГПУ на момент создания этой организации в ноябре 1923 г.:

Таблица 8.

Национальный состав руководства ОГПУ
на 15.11.1923 г.⁴⁰

Национальность	Количество	% в руководстве ОГПУ
Русские	54	56,3
Евреи	15	15,7
Латыши	12	12,5
Поляки	10	10,4
Литовцы	2	2,1
Немцы	1	1,0
Эстонцы	1	1,0
Швейцарцы	1	1,0

Обращает на себя внимание весьма заметная доля евреев в высшем руководстве и секретариате Коллегии ОГПУ — 4 из восьми сотрудников этих звеньев руководства Управления были евреями. Место евреев в руководящих органах ОГПУ может быть объяснено, в частности, особенностями образовательного уровня руководителей ОГПУ.

Таблица 9.

Лица со средним и высшим образованием
в руководстве ОГПУ (по национальностям) на 15.11.1923 г.⁴¹

Образование	Национальность	Количество	% от лиц с данным образованием
Среднее	Русские	15	45,4
	Евреи	9	27,3
	Поляки	6	18,2
	Латыши	3	9,1
	Всего:	33	100,0
Высшее	Русские	13	65,0
	Евреи	5	25,0
	Поляки	2	10,0
	Всего:	20	100,0

Заметим, что 14 из 15 евреев в руководстве аппарата ОГПУ имели среднее и высшее образование (93%). у поляков этот показатель — 8 из 10 (80%), у русских — 28 из 54 (52%), у латышей — 3 из 12 (25%). Эти цифры являются весьма характерными показателями уровня образования для представителей перечисленных национальностей в ОГПУ и в значительной степени способны объяснить те изменения в национальной структуре аппарата, которые происходили по мере роста требований, предъявляемых к карательным органам в 1920-е гг.

Если, опираясь на имеющиеся данные, представить социальный облик основных национальных меньшинств в аппарате ОГПУ крайне упрощенно, можно сказать, что в эти годы сотрудники-евреи являли собой наиболее образованную прослойку аппарата; поляки — наиболее надежную в партийном отношении (половина членов партии с дореволюционным стажем в руководстве ОГПУ — поляки); латыши — наиболее опытную в боевом отношении и преданную, в силу специфики своего положения в Советской России, группу чекистов.

Отмеченные тенденции были достаточно устойчивыми и сохраняли свою актуальность на протяжении 1920-х гг. В этом нам позволяет убедиться один из наиболее полных и достоверных из

имеющихся в нашем распоряжении источников — статистическая ведомость личного состава сотрудников ОГПУ, составленная отделением личного состава Административно-организационного отдела ОГПУ в мае 1924 г. Среди прочих ведомость приводит данные о национальном составе центрального аппарата ОГПУ:

Таблица 10.

**Национальный состав центрального аппарата ОГПУ
на 1.05.1924 г.⁴²**

Национальность	Количество	% в аппарате ОГПУ
Русские	1670	69,53
Латыши	208	8,66
Евреи	204	8,49
Поляки	90	3,75
Белорусы	80	3,33
Украинцы	66	2,75
Венгры*	20	0,83
Татары	12	0,50
Эстонцы	12	0,50
Немцы	11	0,46
Армяне	8	0,33
Литовцы	7	0,29
Чуваши	5	0,21
Мадьяры*	3	0,13
Финны	2	0,08
Шведы	2	0,08
Англичане	1	0,04
Итальянцы	1	0,04
В с е г о:	2402	100,00

* Так в документе.

На фоне постоянного роста численности аппарата ОГПУ в нем приблизительно сохранялась доля различных этнических меньшинств, установившаяся в этом учреждении в начале 1920-х гг. При этом в первой половине 1920-х гг. доля национальных меньшинств среди ответственных работников ГПУ была достаточно велика, хотя и значительно ниже, чем в аппарате ВЧК. Об этом мы можем судить на основании анализа данных персонального состава руководящего и среднего звена аппарата ГПУ в 1922 г.:

Т а б л и ц а 11.

Национальный состав ответственных работников ГПУ в 1922 г.⁴³

Национальность	Количество	% среди ответственных сотрудников
Русские	188	54,3
Латыши	69	19,8
Евреи	41	11,5
Поляки	34	9,8
Украинцы	5	1,4
Немцы	4	1,1
Литовцы	2	0,6
Венгры, румыны, эстонцы, швейцарцы, французы	по 1	по 0,3
В с е г о:	348	100,0

Вторая половина 1920-х гг. отмечена заметным снижением общей доли национальных меньшинств в аппарате ОГПУ. В 1925 г. коммунисты ячейки ОГПУ следующим образом распределялись по национальностям:

Т а б л и ц а 12.

Национальный состав ячейки РКП(б) ОГПУ в январе 1925 г.⁴⁴

Национальность	Количество	%	Из них отв. работников	% отв. работников
Русские	651	66,5	364	65,4
Латыши	164	16,7	75	13,5
Евреи	74	7,6	51	9,1
Поляки	60	6,1	47	8,4
Другие	31	3,1	19	3,6
В с е г о:	980	100,0	556	100,0

Снижалась не только общая доля национальных меньшинств, но и доля отдельных национальностей в аппарате ОГПУ. Наиболее заметно уменьшение доли латышей начиная с середины 1920-х гг. На отдельных должностях, в том числе и руководящих, латышские кадры еще сохраняли свое влияние. Вот, например, как были представлены национальные меньшинства среди начальников 102 окружных отделов ОГПУ на территории РСФСР, Украины (включая Молдавскую АССР) и Белоруссии в 1927 г.:

Т а б л и ц а 13.

Национальные меньшинства среди руководителей окружных отделов ОГПУ на 10.02.1927 г.⁴⁵

Национальность	Количество	% к общему числу начальников окружных отделов
Евреи	15	14,7
Латыши	11	10,8
Поляки	6	5,9
Немцы	2	2,0
Грузины	1	1,0
Французы	1	1,0

Высокий процент евреев в этом списке может объясняться тем, что свыше трети окружных отделов, о руководстве которых приведены данные, находилось в местах традиционного проживания евреев. 10 из 15 отделов, возглавлявшихся евреями, располагались на территории Украины. Уменьшение доли латышей по этим данным еще не так заметно.

Однако в том же 1927 г. из 34 ведущих сотрудников ОГПУ латыши по своей численности оказались лишь на четвертом месте среди награжденных орденами Красного Знамени в связи с 10-летием органов ЧК. В список награжденных включили руководителей центрального аппарата и ряда местных органов ОГПУ. Вот как распределялись награжденные по национальностям: русские — 15 чел. (44,1%), евреи — 8 (23,5%), поляки — 5 (14,7%), латыши — 3 (8,8%), представители мусульманских народов — 2 (5,9%), грузины — 1 (3%)⁴⁶.

Анализ социального облика, биографий евреев, работавших в ЧК, добавляет еще один штрих к картине участия евреев в аппарате советских карательных органов. Такой анализ можно сделать на основании данных переписи работников ВЧК 1918 г. и протоколов чисток партийной ячейки ОГПУ 1925 и 1929/30 гг.⁴⁷ Среди сотрудников карательного аппарата мы встречаем уроженцев мест традиционного проживания евреев — Украины, Белоруссии, Бессарабии, Польши, Галиции. Их родители занимались теми видами деятельности, которые были наиболее характерны для еврейского населения (ремесленники, мелкие торговцы, рабочие низкой квалификации, приказчики, купцы, служащие, страховые агенты). Единственная группа еврейского населения, не представленная сколько-нибудь заметно в аппарате ЧК—ГПУ, — выходцы из семей раввинов. Многие будущие чекисты обучались в хедерах. Большинство имели хотя бы неполное среднее образование; немало и таких, кто получил университетское образование в России или Западной Европе. У тех, кто успел поработать до революции, спектр занятий весьма широк — от сплавщиков леса до учеников аптекаря, гимназических репетиторов и бухгалтеров. Многие евреи приходили в центральный аппарат из местных органов ЧК—ГПУ, местных советов, Красной Армии, советских вузов.

Отдельную группу составляли еврей-реэмигранты, работавшие в аппарате ГПУ. Покинувшие Россию до революции и вернувшиеся обратно после октября 1917 г., многие из этих

чекистов — люди авантюрного склада. Ярким примером такого типа людей может служить некий Б. М. Розенберг, уехавший в Австралию вместе с отцом (ставшим в этой стране золотоискателем), 12 лет проработавший на консервном заводе и в помощниках у садовника, нелегально вернувшийся в СССР через Китай в 1924 г. и принятый в скором времени на работу в ОГПУ. Подобных людей в аппарате было немного, но они выделялись среди других знанием многих иностранных языков и неординарными биографиями.

Благодаря особенностям проживания и специфике культурных традиций сотрудники-евреи могли владеть сразу несколькими языками. (Так, например, уроженец Варшавы или Галиции мог владеть польским, русским, немецким и идишем.) Эти знания особенно привлекали руководство Иностранного и Информационного отделов ГПУ.

Интересно, что значительная часть чекистов-евреев, кому возраст позволил быть политически активными еще до революции, вплоть до начала 1920-х гг. являлись членами небольшевистских партий. В 1929—1930 гг. эти люди составили около 30% евреев — членов ВКП(б), служивших в аппарате ОГПУ. Более половины из них, 16%, в разные годы были членами еврейских партий: Бунда, Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион», левой сионистской партии «Цеирей Цион». Из других небольшевистских партий евреи — сотрудники ГПУ ранее состояли в партиях эсеров, украинских левых эсеров-боротьбистов, анархистов-коммунистов, Польской социалистической партии (ППС-левица).

Несмотря на высокий процент бывших членов национальных партий, чекисты-евреи, судя по имеющимся данным, не были особенно тесно связаны со своей национальной средой, не являлись членами Еврейских секций РКП(б), не стремились сотрудничать в еврейских учреждениях. Отметим, что степень знания родного языка евреями — сотрудниками ГПУ, определяющая их уровень аккультурации, вполне сравнима с этим показателем среди евреев в предреволюционной России. В 1924 г. из 204 евреев, служивших в аппарате ОГПУ, языком идиш владели 190 человек, то есть 93%⁴⁸.

Достаточно сложно определить, как рассматривали себя с национальной точки зрения сами чекисты-евреи. Один из имеющихся источников позволяет лишь отчасти осветить этот вопрос.

В апреле 1919 г. заведующий Инструкторским отделом ВЧК Г. С. Мороз составил и передал в ЦК РКП(б) доклад «О положении еврейских масс в Западном крае». Незадолго до этого Мороз стал первым евреем, назначенным членом Коллегии ВЧК⁴⁹. По делам службы Морозу пришлось за короткий срок посетить ряд городов и местечек Западной области (западные районы РСФСР и Восточная Белоруссия). Столкнувшись с повсеместными проявлениями антисемитизма, Мороз убеждает ЦК партии в необходимости принять меры для борьбы с этим явлением. Член Коллегии ВЧК обращает внимание на тяжелое экономическое положение евреев, предлагает шаги по его улучшению (помощь еврейским организациям в поселении евреев на землю); призывает к проведению соответствующей агитации и пропаганды; рекомендует провести необходимые кадровые перестановки, официально убрав евреев в городах бывшей черты оседлости, наиболее зараженных антисемитизмом, с ответственных «комиссарских» постов; советует влить евреев-коммунистов в ряды Красной Армии в качестве рядовых и т. д. Для нас наибольший интерес представляет заключительная часть документа, в которой Г. С. Мороз стремится объяснить причины, побудившие его написать и отправить в ЦК доклад, не имеющий непосредственного отношения к его служебным обязанностям:

«Думаю, что настоящий доклад не вызовет обвинений меня в чем-либо. Нахожу нужным отметить, что сам я — еврей, работавший и работающий все время среди еврейского пролетариата, с коим я связан тесными узами. Как бы мне не хотелось писать обо всем изложенном, но преданность Революции подсказывает мне это сделать»⁵⁰.

Привлекает внимание тот факт, что член руководства одного из самых влиятельных учреждений страны должен оправдывать свое вынужденное обращение к еврейской теме; разъяснять свой интерес в этой области, дабы не быть неверно понятым в ЦК РКП(б).

Проблема присутствия евреев на «комиссарских» постах, в том числе и в ЧК, волновала не только члена Коллегии ВЧК Мороза. Существует свидетельство, что в Киевской ЧК в 1918 г. образовалась оппозиция евреям, «в результате чего последовала команда не назначать более евреев на видные должности, а в

агитационных целях приказывалось расстрелять кого-либо из евреев, что и было сделано»⁵¹.

Известна позиция по вопросу о представительстве евреев в ЧК и в различных советских органах Л. Троцкого, полагавшего, что присутствие заметного числа инородцев среди советских работников дает повод для широкой шовинистической агитации против советской власти⁵².

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 18 апреля 1919 г. в присутствии Ленина, Крестинского и Сталина Троцкий поднял вопрос о представительстве национальных меньшинств в советских учреждениях и ЧК:

«Огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи [...] процент их на самом фронте сравнительно невелик и [...] по этому поводу среди красноармейцев ведется и находит некоторый отклик сильнейшая шовинистическая агитация [...] Необходимо перераспределение партийных сил в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом»⁵³.

По этому вопросу участники заседания Политбюро постановили: «Предложить т. Троцкому и Смилге составить соответствующий доклад и сообщить этот доклад как директиву ЦК комиссиям, распределяющим силы между центральными и местными организациями и фронтом»⁵⁴.

Данные о том, что такая директива ЦК была выпущена, отсутствуют.

Вероятно, Троцкий несколько сгущал краски, говоря об огромном проценте работников-евреев (в том числе и в ЧК). Представляется верным вывод американского историка Дж. Недавы, автора монографии «Троцкий и евреи», о том, что подобная «озабоченность» Троцкого этим вопросом может быть объяснена главным образом «еврейским комплексом» самого Троцкого⁵⁵.

Очевидно, отдельные попытки регулировать национальный состав центральных и местных учреждений и органов госбезопасности не доводились до конца и не смогли, судя по имеющимся источникам, серьезно повлиять на этническую структуру советских учреждений, в том числе и на представительство евреев в аппарате органов ЧК.

У нас нет достаточных сведений, чтобы ответить на вопрос, как относилось к чекистам, представлявшим национальные мень-

шинства, руководство ВЧК—ОГПУ, в частности многолетний председатель карательных органов Ф. Э. Дзержинский. Из анкет переписи служащих ВЧК 1918 г. известно, что некоторым сотрудникам-полякам, которых Дзержинский, очевидно, знал по более ранней деятельности, председатель ВЧК сам давал рекомендации на службу. Ряд интересных наблюдений и выводов может быть сделан в связи с рассмотрением вопроса об отношении Дзержинского к работавшим в аппарате ЧК—ГПУ евреям.

Вероятно, Дзержинский ценил своих ближайших сотрудников-евреев. Из четырех помощников Дзержинского на посту председателя ОГПУ трое были евреями — второй заместитель председателя Г. Г. Ягода, секретарь председателя В. Л. Герсон и особоуполномоченный при председателе М. М. Луцкий. Дзержинский должен был обладать собственным мнением о евреях — свои юность и молодость он провел в Вильно и Ковно с их многочисленным еврейским населением, а в его идейном развитии определенную роль сыграла полемика с Бундом, которую вел молодой социал-демократ Дзержинский. В молодые годы Дзержинский был близко знаком с многими деятелями Бунда — одной из самых влиятельных социалистических организаций в Литве и Польше. В автобиографии Дзержинского можно встретить ряд свидетельств того, как бундовцы и даже еврейские контрабандисты неоднократно помогали молодому Дзержинскому бежать за границу — организовывали переправы, доставали документы, устраивали на квартиры и т. п.⁵⁶

В архиве Дзержинского сохранилось несколько документов, проливающих свет на его отношение к евреям и косвенным образом на отношение главы ВЧК—ГПУ к представителям этого меньшинства, работавшим у него в аппарате.

В марте 1924 г. Дзержинский пишет записку своим заместителям по ОГПУ В. Менжинскому и Г. Ягоде, непосредственно касавшуюся вопроса о преследовании сионистов. Поводом к написанию этой записки, как отмечает сам Дзержинский, послужило его знакомство с сионистскими материалами (вероятно, нелегальными изданиями действовавших в СССР групп сионистов, присланными одним из подразделений ОГПУ для сведения председателю Управления). Дзержинский заявляет, что не считает разумным преследование сионистов — оно делает их только опаснее для властей, давая повод для шума и криков, которые долетают «до банкиров и «евреев» всех стран и навредят нам

немало»⁵⁷. Руководитель ОГПУ полагает, что деятельность сионистов для советской власти не опасна, поскольку находит отклик только среди «еврейской мелкой и крупной спекулирующей буржуазии и интеллигенции» (отметим, что речь идет об СССР 1924 г.). «Программа сионистов нам не опасна, — прямо пишет Дзержинский, — наоборот, считаю [ее] полезной»⁵⁸. А дальше председатель ОГПУ делает несколько неожиданное (для одного из первых людей в государстве) заявление:

«Я когда-то был ассимилятором, но это «детская болезнь». Мы должны ассимилировать только самый незначительный процент [евреев], хватит. Остальные должны быть сионистами. И мы им не должны в этом мешать, под условием не вмешиваться в политику нашу. Ругать евсекцию разрешить, то же и евсекции».

Дзержинский иронично заключает:

«Пойти также сионистам навстречу и стараться давать не им должности, а считающим СССР, а не Палестину своей родиной»⁵⁹.

В этой записке Дзержинский демонстрирует, что ему не чужд распространенный набор стереотипов относительно евреев, их роли в обществе и их «истинной сущности». Дзержинского явно раздражают еврейские массы вообще и еврейские коммунисты в частности («ругать евсекцию разрешить»). Он просто не доверяет евреям, подозревая большинство их в нелояльности советскому строю. У нас нет оснований считать, что подобная позиция председателя ВЧК—ОГПУ когда-либо проявлялась в практических действиях по формированию аппарата вверенного ему органа. В то же время нельзя сказать, что Дзержинский совершенно забывал о еврействе своих даже ближайших сотрудников. Записка, о которой шла речь выше, адресована двум заместителям Дзержинского в ОГПУ — В. Менжинскому и Г. Ягоде. В последние годы своей жизни (Дзержинский умер в 1926 г.) «железный нарком», будучи загруженным на постах наркома путей сообщения, а затем председателя ВСНХ СССР, фактически перепоручил руководство ОГПУ своему первому заместителю Менжинскому. Дзержинский часто посылал Менжинскому записки по разным вопросам деятельности органов безопасности. Цитированная выше записка первоначально также была адресована «т. Менжинскому». Слова «и т. Ягоде» появились на записке, судя по почерку, уже после того, как Дзержинский закончил писать этот документ.

В компетенцию второго заместителя председателя ОГПУ не входили вопросы определения или изменения политической линии карательного органа. Дзержинский, вероятно, посчитал, что Ягоде как еврею будет небезынтересно и полезно ознакомиться с мнением своего руководителя о сионизме и евреях.

* * *

Попытки анализа социального состава представителей еврейского меньшинства, находившихся на службе в ЧК—ГПУ, позволяют сделать некоторые выводы. Чекисты-евреи широко представляли основные социальные группы еврейского населения России. В то же время латыши в ЧК по своему социальному облику не были столь репрезентативны. Это объясняется особенностями состава латышского населения, оказавшегося на территории России в годы мировой войны и революции.

Этими же особенностями формирования латышской диаспоры в России можно объяснить внутриэтническую сплоченность кадров латышей, находившихся на службе в ЧК—ГПУ. Важную роль в работе и быту чекистов-латышей играл латышский язык, в аппарате ВЧК активно функционировала латышская секция РКП(б). Напротив, чекисты-евреи, являясь выходцами из традиционной национальной среды, попадая на службу в советские учреждения, в том числе и в ЧК, постепенно утрачивали многие черты национального сознания и быта. В послереволюционные годы «национальное», «традиционное» в еврейской среде чаще рассматривалось как пережиток старого времени, а отказ от таких категорий означал новые возможности в интернационализованном советском обществе. Двойственность положения евреев в Советской России сказывалась в том, что обращение к еврейским проблемам часто могло рассматриваться как проявление национализма, поэтому чекисты-евреи не стремились к национальной самоидентификации.

Неопределенное и двойственное отношение к евреям ярко проявилось во взгляде тогдашнего руководителя советских карательных органов Ф. Дзержинского на проблему еврейства и на сионизм. Советское руководство было явно разочаровано недостаточными, на их взгляд, темпами ассимиляции еврейских масс. Сам Дзержинский по прошествии нескольких лет после революции не был склонен доверять большинству евреев, не проводя различимой грани между ними и сионистами. Мнение председа-

теля ВЧК—ОГПУ способно проиллюстрировать то отношение к евреям, которое сложилось в обществе и партии и на фоне которого работали чекисты-евреи.

* * *

В 1930-е гг. советские карательные органы, их цели и задачи, формы и методы работы претерпели заметные изменения. Изменения коснулись структуры аппарата органов ОГПУ—НКВД (с 1934 г.), повлияли и на характер этнического состава этого аппарата. Первая половина 30-х гг. характеризуется увеличением роли евреев в аппарате государственной безопасности. Это явление было тем более заметным, что проходило на фоне снижения роли и численности в аппарате латышских кадров, многие из которых пришли на службу советской власти с первой революционной волной.

Во второй половине 30-х гг. изменения в составе кадров НКВД были связаны с волной репрессий, обрушившихся на НКВД после крупных политических процессов 1936—1937 гг. Так, были арестованы и уничтожены почти все начальники управлений НКВД, их заместители, следователи — лица, принимавшие непосредственное участие в подготовке и проведении первых московских процессов 1936 г., люди, которые знали или могли знать тайны этих процессов, хорошо разбирались в механике набравшей невиданные обороты репрессивной машины. По делам арестованных сотрудников НКВД обычно не велось никакого следствия. Стандартными были обвинения в троцкизме и шпионаже, за которыми следовал расстрел без суда. Первые крупные репрессии внутри аппарата НКВД существенно повлияли на национальный состав руководства карательных органов. Характерно, что в ходе этих репрессий национальное происхождение сыграло в судьбе многих чекистов роковую роль. А. Орлов (Л. Фельдбин), являвшийся в 30-е гг. резидентом советской разведки в ряде стран Западной Европы и укrywшийся в 1938 г. в США, свидетельствует:

«Тем сотрудникам, кто был или считался польского происхождения, объявляли, что они польские шпионы, латышам — что они шпионы Латвии, русским — что они шпионы Германии, Англии, Франции»⁶⁰.

Судя по имеющимся данным, одним из немногих национальных меньшинств, принадлежность к которому в конце 30-х гг. не являлась для сотрудника НКВД «составом преступления», были

евреи. Очевидно, во второй половине 30-х гг. в органах госбезопасности еще не действовали те установки по национальной и кадровой политике, которые были характерны для всего советского общества в конце 40-х — начале 50-х гг. Этот факт способен объяснить сложившуюся накануне наиболее массовых репрессий картину национального состава руководящих органов НКВД. Представление об этой картине может дать список награжденных к 20-летию ВЧК—ОГПУ—НКВД 407 ответственных сотрудников НКВД, опубликованный в центральной печати⁶¹. Среди награжденных — 56 евреев (13,8%), 7 латышей (1,7%), 5 армян (1,2%).

Новая волна репрессий 1938—1939 гг. практически смела старые кадры ГПУ—НКВД и значительно изменила соотношение национальных меньшинств в аппарате органов государственной безопасности. На протяжении 1940-х гг. роль евреев в карательных органах оставалась весьма заметной и была сведена на нет в послевоенные годы, в ходе кампании по борьбе с космополитизмом.

* * *

Итак, на начальном этапе деятельности карательных органов, в эпоху красного террора, национальные меньшинства составляли около 50% центрального аппарата ВЧК. При этом доля национальных меньшинств на ответственных должностях в аппарате достигала 70%. Причина столь заметного представительства меньшинств в ВЧК кроется в кадровых трудностях, с которыми столкнулись карательные органы в начале своей деятельности. Национальные кадры занимали должности, не пользовавшиеся особенной популярностью в обществе и партии большевиков. Возможно, евреи и представители других национальных меньшинств были в меньшей степени подвержены общему негативному настрою по отношению к ЧК.

Постепенно к середине 20-х гг. общая доля представителей национальных меньшинств в аппарате снизилась. В целом по ОГПУ этот показатель упал до 30—35%, а в руководстве и среди ответственных работников — до 40—45%. Отмечалось уменьшение доли латышей и увеличение доли евреев в аппарате карательных органов. Снижение роли латышей в ОГПУ к концу 20-х гг. объясняется в первую очередь отсутствием притока свежих латышских кадров при постоянном росте аппарата⁶². Напротив, 20-е гг. были временем значительного притока еврейских кадров в органы ОГПУ. Этот период характеризуется активным включением

нием евреев в социалистическое строительство. Наблюдался массовый приток евреев в крупные города. Евреи стремились реализовать свои возможности, не востребованные в дореволюционный период. С учетом углублявшейся специализации органов госбезопасности евреи часто отвечали требованиям, предъявлявшимся к кадрам ОГПУ в новых условиях. При этом интересно отметить, что годы увеличения роли евреев в аппарате ОГПУ были временем борьбы с оппозицией — борьбы, имевшей определенный антисемитский подтекст⁶³.

Активное участие евреев, как и других национальных меньшинств, в деятельности карательного органа молодого советского государства не прошло незамеченным в общественном сознании. Данное явление привело к складыванию устойчивых стереотипов в сознании общества, причем эти стереотипы надолго пережили само явление. Сильное влияние на общественное сознание оказывало пребывание ряда евреев на видных постах в органах ЧК—ГПУ.

Руководители партии и самих карательных органов обращали внимание на несбалансированное представительство национальных меньшинств (особенно в местных органах) и использование этого факта для ведения шовинистической пропаганды, но не предпринимали достаточно настойчивых попыток, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. Изменение в представительстве евреев, латышей и других национальных меньшинств в органах государственной безопасности не являлось результатом целенаправленной кадровой политики, а происходило вследствие имевших место социальных изменений в советском обществе.

Евреи и другие национальные меньшинства, представленные в аппарате ЧК—ГПУ, могут быть по-разному охарактеризованы с точки зрения их социального облика и степени связей внутри своей национальной общности. Так, чекисты-латыши представляли собой достаточно сплоченную в национальном, сравнительно однородную в социальном отношении группу. В то же время сотрудники ВЧК — евреи в меньшей степени стремились к открытой национальной самоидентификации и представляли собой пеструю, весьма репрезентативную для своей национальности социальную группу.

Участие евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ не может быть истолковано как национальный феномен. С одной стороны, это явление стало результатом социальных, политических и культурных процессов, происходивших в среде российского еврейства в пред-

и послереволюционные годы. С другой стороны, свою роль сыграли особенности формирования аппарата карательных органов (кадровые сложности, невозможность привлечения старых специалистов, система личных рекомендаций). При этом в 20-е гг. доля евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ, как правило, была сравнима с их долей в партии большевиков.

¹ Этот фактор приобретает наибольшую актуальность, когда речь идет о евреях, сотрудничавших с властью в первые послереволюционные годы. Наиболее часто в этой связи вспоминают высказывания В. Ленина о евреях, которые спасли революцию, «саботировав саботаж чиновников». Эта точка зрения отражена в сб.: *Ленин В. И.* О еврейском вопросе в России. [Запорожье], 1924. С. 17.

² *Мельгунов С. П.* Красный террор в России: 1918—1923. 5-е изд. М., 1990. С. 177.

³ См.: *Schapiro L.* The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // *The Slavonic & East European Review*. 1961. XL; *Gitelman Z.* Jewish Nationality and Soviet Politics. Princeton, 1972; *Nedava J.* Trotsky and the Jews. Philadelphia, 1972.

⁴ *Gitelman Z.* Jewish Nationality and Soviet Politics. P. 117.

⁵ ГАРФ, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. 10. Анкеты не содержат прямых указаний на национальность сотрудников. Выводы о национальности анкетированных делались на основании Ф.И.О. сотрудников в совокупности с анализом фактов их биографий, изложенных в ответах на вышеуказанные вопросы, в приводимых данных о семейном положении, составе семьи опрашиваемого (место жительства членов семьи). В отдельных случаях в качестве контрольных использовались данные анализа степени грамотности, особенностей орфографии и почерка сотрудников. В большинстве из проанализированных источников, содержащих данные о персональном составе аппарата ВЧК—ОГПУ (анкеты переписей, списки и ведомости работников, протоколы заседаний комиссий по проведению чистки партийных ячеек, сведения о личном составе и т. п.), отсутствуют данные об этническом происхождении сотрудников ВЧК—ОГПУ. Выявляя национальный состав аппарата, мы прежде всего руководствовались критериями, давно применяемыми в отечественной исторической демографии. Учитывались фамилия, имя, отчество, место рождения, социальная принадлежность. Очевидно, полной точности в таких условиях добиться не удастся. В силу объективных особенностей по вышеуказанным признакам легче идентифицируются представители таких национальных меньшинств, как евреи, латыши, венгры. Степень достоверности сделанных выводов зависит от полноты различных данных, приведенных в отдельных источниках. Так, например, наиболее точные выводы можно сделать на основе анализа биографий чекистов, содержащихся в протоколах заседаний проверочных комиссий, проводивших чистку ячейки ВКП(б) в ОГПУ (1925, 1929/30 гг.). Во всех случаях полученные данные сопоставлялись друг с другом, а также с данными иных, в том числе и опубликованных, источников.

⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, 4, 7, 34, 65, 66с, 68, 74, 84.

⁷ Там же, ф. 613, оп. 2.

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 279.

⁹ Терне А. В царстве Ленина. Очерки современной жизни в РСФСР. 2-е изд. Berlin, 1922. С. 57.

¹⁰ Красный меч. Орган Политотдела Особого корпуса войск Всеукраинской ЧК. 18 авг. 1919. Цит. по: ВЧК—ГПУ: Сб. документов. Welson, VT, 1989. С. 65.

¹¹ Известия. 1922. 17 дек.

¹² Правда для служебного пользования: Из документов личного архива Ф. Дзержинского, 1918—1921 // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 1. М., 1992. С. 45.

¹³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 194, л. 9; Из истории ВЧК. 1917—1921 гг.: Сб. документов. М., 1958. С. 216, 409.

¹⁴ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России: 1917—1922 // Отечественная история. 1993. № 6. С. 51.

¹⁵ Аронсон Гр. На заре красного террора. Berlin, 1929. С. 155.

¹⁶ Мельгунов С. П. Красный террор в России... С. 177.

¹⁷ Измайлович А. А. Семь недель в ВЧК // Кремль за решеткой: Подпольная Россия. Berlin, 1922. С. 120.

¹⁸ Мельгунова-Степанова П. Е. Где не слышно смеха... Типы, нравы и быт ЧК: Орывки из воспоминаний 1917—1922. Paris, 1928. С. 10, 12, 24, 40, 71, 93, 124.

¹⁹ Аронсон Гр. На заре красного террора. С. 68.

²⁰ Шестов Л. Что такое большевизм. Berlin, 1920. С. 16.

²¹ Мы в данном случае не имеем в виду мнения антисемитски настроенных противников и сторонников большевизма, для которых любой факт участия евреев в революционном движении, коммунистической партии, ЧК и пр. или служил еще одним поводом убедиться в оправданности своего неприятия евреев, или вызывал желание избавиться от «еврейского влияния» в революции.

²² Bryant L. Mitgors of Moscow. N.Y., 1923. P. 52. Отметим, что упоминание евреев в этом отрывке выглядит не вполне логичным (автор не говорит ни слова о евреях ни до, ни после этой фразы). Вероятно, появление такой фразы было связано с распространенным и в России, и за границей впечатлением о большом количестве евреев в ЧК. Брайант, убедившись в преувеличенности подобного представления, постаралась его развеять.

²³ Есенин С. А. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1978. Т. 3. С. 113—114.

²⁴ Мельгунов С. П. Красный террор в России... С. 177.

²⁵ Bryant L. Mitgors of Moscow. P. 52.

²⁶ РЦХИДНИ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 62, л. 175.

²⁷ Лацис М. Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 12.

²⁸ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России... С. 52.

²⁹ В октябре 1918 г. ЦК РКП(б) направил всем губкомам партии письмо, в котором сообщалось, что после объявления красного террора «под влиянием [...] страха и воплей пострадавшей буржуазии в целом ряде Советских учреждений [...] и даже, что очень печально, среди отдельных членов нашей партии начался поход против ЧК» (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 194, л. 20). Можно понять, что этот «поход» носил действительно массовый характер, если на Всероссийском съезде председателей губернских ЧК летом 1919 г. одним из важнейших

пунктов обсуждения был вопрос, «как отразился поход против Чрезвычайных комиссий со стороны местных Советских организаций» (там же, оп. 66, ед. хр. 65, л. 138). Судя по имеющимся данным, преобразование ВЧК в ГПУ в феврале 1922 г. не смогло серьезно повлиять на изменение отношения в партии и обществе к этому органу. Накануне открытия X Всероссийского съезда Советов заместитель председателя ГПУ И. Уншлихт просил Секретаря ЦК И. Сталина включить в повестку дня съезда доклад о деятельности и задачах органов ГПУ, поскольку «широкие круги партийных и советских работников недостаточно ориентируются в новых методах работы ГПУ, отсутствует тесная связь между другими советскими органами и ГПУ, отсутствует сознание необходимости всяческой поддержки органов ГПУ» (там же, оп. 84, ед. хр. 397, л. 146).

³⁰ Там же, ед. хр. 114. Данные приводятся в Сводке сведений с мест по исполнению циркулярного письма ЦК РКП от 2.03.1920 г., обязывающего коммунистов в армии быть осведомителями Особотделов. Общее настроение по России — «коммунисты не желают быть осведомителями» (л. 23).

³¹ Здесь и далее все данные по аппарату ВЧК на 25.09.1918 г. рассчитаны по материалам переписи служащих ВЧК (ГАРФ, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. 10). Представители 6 других национальных меньшинств составили в сумме около 4% сотрудников.

³² Представители других национальных меньшинств составили в сумме около 2% ответственных сотрудников ВЧК.

³³ По Брестскому договору 3.03.1918 г. большая часть территории Латвии была фактически поглощена Германией.

³⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, ед. хр. 144, л. 38. Представители 14 других национальностей составляли в сумме 6,7% от общего числа работников местных секретных отделов.

³⁵ Там же.

³⁶ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 271—272. Сведения опубликованы в статье А. Л. Литвина «Красный и белый террор в России...» (с. 61, прим. 64).

³⁷ *Варава М. К.* К вопросу о численности латышей в России в 1918—1926 годах // Коммунист Советской Латвии. 1990. № 11-12. С. 140.

³⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 92, л. 1, 16. Данные переписи населения 1920 г. в границах СССР 1922 г. (без учета Дальнего Востока и Якутии). При известной ущербности результатов первой советской переписи населения, обращение к ее итогам в данном случае связано с тем, что именно этими результатами оперировали организаторы партийной переписи 1922 г.

³⁹ Там же, оп. 84, ед. хр. 397, лл. 16, 96.— Штатное количество сотрудников ВЧК по состоянию на 14.02.1922 г.; штат ГПУ по состоянию на 10.05.1922 г.

⁴⁰ Там же, оп. 34, ед. хр. 342, лл. 14—17.— Сведения по руководству ОГПУ (16 отделов, Коллегия и секретариат Коллегии) из 96 человек.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, оп. 68, ед. хр. 632, л. 159.

⁴³ Там же, лл. 230—238.

⁴⁴ Там же, ф. 613, оп. 2, ед. хр. 15.— Подсчет проведен по материалам Протоколов заседаний проверочной комиссии ЦКК РКП(б) по проверке членов и кандидатов РКП(б) ячейки ОГПУ от 5—31.01.1925 г.

- ⁴⁵ Там же, оп. 68, ед. хр. 632, лл. 2—9.
- ⁴⁶ Известия. 1927. 18 дек.
- ⁴⁷ ГАРФ, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. 10; РЦХИДНИ, ф. 613, оп. 2, ед. хр. 15, 24, 25. Анализ данных протоколов партчистки 1929—1930 гг. (там же, ед. хр. 24, 25).
- ⁴⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 68, ед. хр. 632, л. 159.
- ⁴⁹ Из истории ВЧК: 1917—1921 гг. С. 266—267.
- ⁵⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 66, ед. хр. 65, лл. 27—27об.
- ⁵¹ Свидетельство опубликовано в книге М. Агурского «Идеология национал-большевизма» (Paris, 1980. С. 238) со ссылкой на издававшийся в Праге эмигрантский журнал «На чужой стороне» (1925. Т. IX).
- ⁵² *Роговин В. Л. Д. Троцкий об антисемитизме // Вестник Еврейского университета в Москве, 1993. № 2. С. 92—93.*
- ⁵³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 2, л. 1.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Nedava J. Trotsky and the Jews. P. 122.*
- ⁵⁶ *Дзержинский Ф. Э. Автобиография // Чекисты. Л., 1977. С. 27.*
- ⁵⁷ РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, ед. хр. 326, л. 2.
- ⁵⁸ Там же. Это замечание Дзержинского вступает в противоречие с представлениями о практическом вреде сионизма для советской власти, изложенными в секретном циркуляре ВЧК «Всем местным ЧК», изданном 1.06.1920 г.: «...Сионизм, охватывающий почти всю еврейскую интеллигенцию, если бы ему суждено было осуществиться, немедленно лишил бы нас огромнейших кадров, необходимых для воссоздания нашего народного хозяйства [...] которыми при нашей бедности приходится до поры до времени дорожить» (ВЧК—ГПУ: Сб. документов. С. 126—127). Возможно, впрочем, Дзержинский считал, что то время, когда этими кадрами можно не дорожить, в 1924 г. уже наступило.
- ⁵⁹ РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, ед. хр. 326, л. 2.
- ⁶⁰ *Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 214.*
- ⁶¹ Известия. 1937. 20 дек.
- ⁶² Количество латышей в СССР в эти годы неуклонно снижалось. В 1920 г. в России проживало около 290 тыс. латышей. С 1920 по 1926 г. на родину, в Латвию, эвакуировалось около 138 тыс. латышей. По данным Всесоюзной переписи населения, в 1926 г. в стране проживало 151 410 латышей (*Варава М. К. К вопросу о численности латышей... С. 141—142*).
- ⁶³ См.: *Роговин В. Л. Д. Троцкий об антисемитизме. С. 90—102.*

В. Измозик (С.-Петербург)

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ, ОГПУ И СИОНИЗМ В СЕРЕДИНЕ 20-х ГОДОВ

Провозглашая лозунги интернационального объединения трудящихся, большевики в «еврейском вопросе» с одинаковой решительностью отвергали антисемитизм и сионизм. «Позор проклятому царизму, мучившему и преследовавшему евреев», — говорил В. И. Ленин в специальной речи «О погромной травле евреев», записанной на граммофонную пластинку в 1919 г.¹. Заявляя, что «еврейский вопрос» может быть решен только после социалистической революции, вождь Коммунистической партии еще в 1903 г. писал, что вместе с тем «сионистская идея — совершенно ложная и реакционная по своей сущности», а решение «еврейского вопроса» лежит на пути ассимиляции евреев, ибо «идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата»². Поэтому все сионистские политические организации расценивались как «мелкобуржуазные» и враждебные делу подлинного освобождения пролетариата.

Хотя ряд сионистских организаций, прежде всего левосоциалистических, существовали в СССР в 20-е гг. легально, все они находились под постоянным и пристальным наблюдением ОГПУ. Председатель ГПУ Украины В. А. Балдицкий в своем докладе о проделанной работе за период с 1/X—1923 г. по 1/X—1924 г. указывал, что ведется наблюдение за следующими еврейскими организациями сионистского толка: Алгемейн-сионисты, Цейрецион, Сионистский союз молодежи «Гистадрут», Сионистско-социалистическая партия ЦС, Сионистский союз социалистической молодежи «Юген-Фербанд», спортивная организация «Маккаби», занимающаяся вопросами культуры «Гашомер-Гацоир», студенческая организация «Дройер» и «Гехолуц» (названия приведены по тексту документа³). Постоянно практиковались аресты работников сионистских организаций. В марте 1923 г. руководство ОГПУ (зам. председателя Г. Г. Ягода⁴ и начальник Секретного отдела Т. Д. Дерibas⁵) докладывало в ЦК РКП(б), что «в ночь с 13-го на 14-ое сего месяца Секретный отдел ОГПУ

произвел обыски у активных членов сионистских организаций: Алгемейнсион, ССПЦ (сионистско-социалистическая партия Цейре-Цион), СТПЦ (сионистско-трудовая партия Цейре-Цион), «Геховер» (студенческая сионистская организация), давшая весьма значительные результаты... По операции арестовано 49 человек...»⁶. Всего же, по данным начальника Секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерибаса, за 1924 г. имелось «12 агентурных групповых разработок» сионистских организаций, «по коим проходят 372 чел.», «одиночных агентурных дел за 1924 г. — 986. На учете... на 1.01.24 г. — 750 чел. Взято вновь на учет, по данным 1924 г., — 1520 чел. Групповых дел — 55»⁷.

Некоторые легально существовавшие сионистские организации, пытаясь протестовать против преследований, обращались в ЦК РКП(б). Неоднократно это делали руководители наиболее просоветской из них — Еврейской коммунистической рабочей партии Поалей Цион. В письме от 1 июля 1925 г. они обвиняли властные структуры в том, что «последнее время взят курс систематических преследований и удушения нашей деятельности... Материалы нашего центрального ежемесячного органа — «Еврейская пролетарская мысль» — задерживаются Главлитом по несколько месяцев... Редактирование наших материалов Главлитом носит характер либо полного запрещения, либо совершенно произвольного оперирования... искажающего мысль автора и его формулировку», «нашей Московской организации был также запрещен митинг 1 мая с. г. без всякого мотива», и делали вывод, что «такая система травли по отношению к другой *легальной* советской партии, которой не дается возможность не только дискутировать, но даже просто опровергать возводимую на нее ложь и клевету», вряд ли может считаться допустимой⁸.

Комментируя по просьбе секретаря ЦК А. А. Андреева эту жалобу, Г. Г. Ягода и тогдашний зам. начальника Секретного отдела ОГПУ Я. С. Агранов⁹, в частности, писали: «Партия «Поалей Цион»... является мелкобуржуазной сионистской партией, маскирующей свою националистическую сущность марксистской фразеологией... Главной задачей ЕКРП ПЦ является активный палестинизм, стремление переброски евр[ейских] рабочих в Палестину для создания там национального центра... Считаем, что жалобы ЦК ЕКРП неосновательны. Советские органы относятся к ним гораздо более корректно и терпеливо, чем этого бы следовало... политика запрещения антикоммунистических произведений в изданиях ЕКРП ПЦ и других стеснений в

области массовой работы в националистическом духе проводилась согласно директивы совещания при Орготделе ЦК РКП в прошлом году, в том смысле, что ЕКРП ПЦ ликвидировать не следует, но не нужно давать ей возможности широкого распространения»¹⁰.

Подобная позиция руководства ОГПУ не была особым секретом для членов сионистских организаций. Но, без сомнения, они очень бы удивились, узнав, что председатель ОГПУ Ф. Э. Держинский в данном вопросе имеет собственное мнение, весьма отличное от позиции ЦК РКП и своих подчиненных. Еще 15 марта 1924 г. Ф. Э. Держинский направил своим заместителям В. Р. Менжинскому¹¹ и Г. Г. Ягоде рукописную записку следующего содержания: «Просмотрел сионистские материалы. Признаться точно, не пойму, зачем их преследовать по линии их сионистской принадлежности. Большая часть нападков на нас — опирается на преследование их нами. Они преследуемые в тысячу раз опаснее для нас, чем не преследуемые и развивающие свою сионистскую деятельность среди еврейской мелкой и крупной, спекулирующей буржуазии и интеллигенции. Их партийная работа для нас вовсе не опасна — рабочие (доподлинные) за ними не пойдут, а их крики, связанные с арестами их, долетают до банкиров и «евреев» всех стран и навредят нам не мало. *Программа сионистов нам не опасна, наоборот, считаю полезной. Я когда-то был ассимилятором. Но это детская болезнь. Мы должны ассимилировать только самый незначительный процент, хватит* (курсив наш. — В. И.). Остальные должны быть сионистами. И мы им не должны мешать под условием не вмешиваться в политику нашу. Ругать евсекцию (имеются в виду еврейские секции РКП(б), созданные для работы среди еврейских трудящихся. — В. И.) разрешить, тоже и евсекции. За то нещадно бить и наказывать спекулянтов (накипь) и всех нарушающих наши законы. Пойти также сионистам навстречу и стараться давать не им должности — а считающим СССР, а не Палестину своей родиной»¹². Хотя, как видно из текста, позиция Держинского объяснялась прежде всего трезвым политическим расчетом, она вступала в противоречие не только с практикой, но и с теорией Коммунистической партии, со взглядами В. И. Ленина на эту проблему.

То, что это не было случайным эпизодом для председателя ОГПУ, а выражало его продуманную позицию в этом вопросе, подтверждается еще одной его запиской. Через год, 24 марта 1925 г., он вновь пишет своей рукой: «т. Менжинскому. Правиль-

но ли, что мы преследуем сионистов? Я думаю, что это политическая ошибка. Еврейские меньшевики, т. е. работающие среди еврейства, нам не опасны. Наоборот — это же создание рекламы меньшевизму. Надо пересмотреть нашу тактику. Она неправильна»¹³.

Видимо, в связи с этой запиской Дзержинскому была направлена 29 мая 1925 г. с грифом «Совершенно секретно» справка за подписью Т. Д. Дерибаса и начальника IV отделения Секретного отдела ОГПУ Генкина о «работе» с сионистами. В ней говорилось:

«1. По всему СССР сидят арестованными 34 сиониста, в том числе Москва — 1, Минск — 32, Ростов — 1.

2. Во внутрь СССР выслано всего 132 человека. Из них на два года — 8 человек, на три года — 124 человека. Высланы преимущественно в Киркрай (Киргизский край. Название Казахстана до апреля 1925 г.— *В. И.*), Сибирь и Урал.

3. В концлагерь заключено всего 15 человек сроком на ТРИ (так в тексте — *В. И.*) года каждый.

4. За границу выслано и разрешен выезд взамен ссылки всего 152 чел.

Что касается вопроса о разрешении замены ссылки выездом в Палестину, то по этому вопросу придерживаемся следующей тактики: наиболее активный элемент, члены ЦК, губкомов, у которых найдены серьезные материалы в виде антисоветских листовок, воззваний, типографий, в Палестину не выпускаем. Менее активный элемент в Палестину выпускается. Тактика эта основана на опыте борьбы с сионистами. Когда до конца 1924 г. мы преимущественно высылали в Палестину — это явилось серьезным стимулом для усиления нелегальной работы сионистов, так как каждый был уверен, что за свою антисоветскую деятельность он получит возможность проехать на общественный счет (сионистских и сочувствующих им организаций) в Палестину, а не расплачиваться за совершенное им преступление.

Ссылку и концлагерь мы применяем преимущественно к активу ЦС (сионистско-социалистической партии), по существу меньшевистской партии»¹⁴.

Интересно, что Ф. Э. Дзержинский опять спорил со своими сотрудниками. Под текстом справки имеется его машинописная резолюция, датированная 31 мая 1925 г.: «Все-таки, я думаю, столь широкие преследования сионистов (особенно в приграничных областях) не приносят нам пользы ни в Польше, ни в Америке. Мне кажется, необходимо повлиять на сионистов,

чтобы они отказались от своей к[онтрреволюционной] р[аботы] по отношению к Советской власти. Ведь мы принципиально могли бы быть друзьями сионистов. Надо этот вопрос изучить и поставить в Политбюро. Сионисты имеют большое влияние и в Польше и в Америке. Зачем их иметь себе врагами»¹⁵.

К сожалению, нам пока не удалось найти документов, свидетельствующих, что этот вопрос действительно был поднят Дзержинским в Политбюро. Вместе с тем, на наш взгляд, все эти материалы интересны.

Во-первых, они показывают наличие определенных разногласий в партийно-государственном руководстве СССР по отношению к сионистским организациям, особенно социалистического направления, и в некоторой степени объясняют, почему некоторые из них (ЕКРП ПЦ, беспартийная «Гехолуц») просуществовали до 1928 г.

Во-вторых, эта переписка, казалось бы, всемогущего председателя ОГПУ со своими сотрудниками и его неспособность в данном случае заставить подчиненных действовать так, как считает их руководитель, демонстрируют сущность созданного большевиками режима. Одной из главных его черт было то, что высшей и единственной истиной являлись решения партийного руководства. И только это руководство могло одну истину заменить другой, даже прямо противоположной. Но все остальные были обязаны соблюдать «правила игры», иначе система их безжалостно выкидывала, независимо от занимаемого поста. Поэтому председатель ОГПУ мог неоднократно рекомендовать своим сотрудникам другую линию поведения, но они продолжали действовать, ориентируясь прежде всего на партийные решения по подавлению любого инакомыслия. И наконец, эти записки Ф. Э. Дзержинского, как мне представляется, подтверждают характеристику, данную ему Н. В. Валентиновым (Вольским)¹⁶. Характеризуя споры в партийном руководстве в 20-е гг., последний писал: «Дзержинский, шеф ВЧК—ГПУ, неоспоримо «правый», даже самый правый коммунист... проживи он еще десяток лет и, подобно Бухарину и Рыкову... кончил бы жизнь с пулей в затылке в подвалах Лубянки. Для меня это не подлежит никакому сомнению»¹⁷.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 243.

² Там же. Т. 8. С. 72, 74, 75.

³ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 76, оп. 3, д. 306, л. 56.

⁴ Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938) — член РСДРП с 1907 г., после Октября 1917 г.— в Высшей Военной инспекции РККА, с 1919 г.— член коллегии Наркома внешней торговли, с 1920 г.— член Президиума ВЧК, с 1924 г.— зам. председателя ОГПУ, с 10 июля 1934 г.— нарком внутренних дел СССР, 26 ноября 1935 г. присвоено звание «Генеральный комиссар государственной безопасности». На XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. избран кандидатом в члены ЦК, на XVII съезде в 1934 г.— членом ЦК ВКП(б). 27 сентября 1936 г. переведен на пост наркома почт и телеграфа, 3 апреля 1937 г. снят с поста наркома и арестован. 13 марта 1938 г. приговорен к расстрелу по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока», расстрелян 15 марта 1938 г.

⁵ Дерibas Терентий Дмитриевич (1883—1938) — член РСДРП с 1903 г. Ответственный работник ВЧК—ОГПУ—НКВД. С 1921 г.— помощник начальника, начальник Секретного отдела ВЧК—ОГПУ. С 10 июля 1934 г.— начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю. Указом от 26 ноября 1935 г. присвоено звание «комиссар государственной безопасности I ранга». Арестован 31 июля 1937 г., расстрелян 27 июля 1938 г., реабилитирован в 1958 г.

⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 643, лл. 4, 5.

⁷ Там же, ф. 76, оп. 3, д. 306, л. 168.

⁸ Там же, ф. 17, оп. 84, д. 1015, лл. 1—10б.

⁹ Агранов Яков Соломонович (Саулович; 1893—1938) — член РСДРП с 1915 г., с мая 1919 г.— особоуполномоченный при Президиуме ВЧК, в 20-е гг. на ответственных должностях в ВЧК—ОГПУ, с 20 февраля 1933 г.— зам. председателя ОГПУ, с 10 июля 1934 г.— первый зам. наркома внутренних дел, 26 ноября 1935 г. присвоено звание «комиссар государственной безопасности I ранга». Арестован в 1937 г., расстрелян в августе 1938 г.

¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 1015, лл. 5, 6, 8.

¹¹ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934) — дворянин, окончил юридический факультет Петербургского университета (1898 г.). Член РСДРП с 1902 г., с 1907 г.— в эмиграции. В октябре 1917 г.— член Петроградского Военно-революционного комитета, зам. наркома финансов. В апреле—ноябре 1918 г.— генеральный консул РСФСР в Берлине, затем член коллегии Наркомата иностранных дел. С 1919 г.— в ВЧК, с 1923 г.— зам. председателя ОГПУ, с 21 июля 1926 г.— председатель ОГПУ. На XV и XVI съездах ВКП(б) избирался членом ЦК.

¹² РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 326, л. 2.

¹³ Там же, л. 4.

¹⁴ Там же, л. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вольский Николай Владиславович (1879—1964) — сын уездного предводителя дворянства. член РСДРП с 1898 г., меньшевик с конца 1904 г., журналист. В 1921—1928 гг. в ВСНХ. С 1929 г.— в эмиграции, в Париже.

¹⁷ *Валентинов Н. (Н. Вольский)*. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 166.

КУЛЬТУРА

Е. Биневич (С.-Петербург)

ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР В ОДЕССЕ

Очерк второй.* начало 1880-х годов

Недолго оставалась Одесса без еврейского театра. Уже 6 марта 1880 г. в «Одесском вестнике» появился анонс: «На второй неделе поста начнутся в Мариинском театре спектакли, приглашенной в Одессу из Бухареста еврейской драматической труппы»¹.

Спектакли труппы Зигмунда (Зелига) Могулеско начались 27 марта. «В четверг, 27 марта, в Мариинском театре было первое представление приглашенной г-м [Ф.] Омеро** (владелец театра.— Е. Б.) еврейской труппы,— сообщал «Новороссийский телеграф». — Представлена была комедия «Одержимый бесом». Несмотря на растянутость пьесы и на невыдержанность отдельных типов, она имела успех, благодаря тщательной постановке и хорошему исполнению. Между исполнителями есть некоторые обладающие недурными голосами, а хоры, как мужские, так и женские, поют довольно хорошо. Театр был полон, и, судя по первому представлению, можно предвещать новой еврейской труппе, состоящей под управлением комика Могулеску, успех»².

Еще более благоприятное мнение о представлении высказал анонимный рецензент «Правды».

В его заметке находим и несколько новых актерских имен: «Еврейская труппа имела большой успех. Поставленная в первый раз пьеса «Одержимый бесом» обладает многими достоинствами и главное отлично знакомит с бытом евреев; основная идея

---

* Первый очерк см.: Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 7. С. 87—106.

** Все имена, фамилии и названия спектаклей даются так, как они напечатаны в цитируемых изданиях.

пьесы — борьбы фанатизма с прогрессом (знакомая формулировка.— *Е. Б.*) — проведена автором, г. Тейнером, очень разумно. Вообще пьеса смотрится легко и с удовольствием. Из исполнителей особенно выдавались режиссер труппы г. Могулеско и д[еви]цы Аксперуд и Сабина. Музыка отлично аранжирована, обстановка довольно удовлетворительная. Большинство исполнителей обладают хорошими голосами и поют довольно сносно»³. 1 мая труппа сыграет этот спектакль в пользу сиротского заведения при еврейской талмуд-торе, «валовой сбор» с которого «достигнет более 800 р., так что в пользу общества останется около 415 руб.»⁴. Эти цифры говорят, что и к началу мая зал был достаточно полон.

Фамилия Тейнер — скорее всего ошибка. Кажется, впервые такой сюжет под названием «Одержимый бесом, или Дер Дибук» облек в драматическую форму Иосиф Латайнер. Возможно, наборщик пропустил первый слог в его фамилии.

Относительно второго спектакля — комедии «Энта Пипернутер» И. Латайлера же, сыгранного 31 марта, пресса была единодушна. «Еврейский театр, по-видимому, существует собственно для наживы содержателей его,— писала «Правда».— В этом каждый мог убедиться из пьесы «Энта Пипернутер». Пьеса растянута... и кроме ерунды ничего полезного для зрителя,— в особенности еврея, не представляет... По нашему мнению, еврейский театр в Одессе был бы действительно полезным, если бы вместо балаганных пьес в нем бы давались такие пьесы, которые могли бы иметь влияние на исправление тех или других нравственных недостатков...»⁵ «Даже превосходная игра г-на Могулеску и несколько удачно пропетых хором хасидов куплетов не могли спасти пьесу от крушения,— добавлял «Телеграф».— По всей вероятности, она будет снята с репертуара, и мы бы посоветовали г-ну режиссеру поосторожнее относиться к выбору пьес»⁶. Жирную точку над «і» поставил одесский корреспондент петербургского еврейского еженедельника «Рассвет». «На сцене одесского Мариинского театра,— сообщал он,— после весьма сносной пьесы Латайлера «Дер Дибук» еврейская труппа под управлением Могулеско поставила 31-го марта комедию того же автора под названием «Энта Пипернутер». Признаемся, такой бессмыслицы, такого абсурда мы никак не ожидали, и положительно удивлены снисходительности и терпению публики, про-

сидевшей несколько часов при представлении какой-то невообразимой балаганной чепухи»⁷.

А комик Могулеско и взялся-то за эту пьесу, вероятно, потому, что в ней ему было что играть. Последнее для любого актера немаловажно. Но «Енту» труппа действительно сыграла еще только раз — 5 апреля.

О следующем спектакле «Телеграф» писал уже в полном отчаянии: «Чем дальше, тем хуже. Третья пьеса, сыгранная в Мариинском театре еврейскою труппою 7 апреля, потерпела крушение. «Аншель Шистер», оперетка в 2-х действиях, оказалась переделкою на еврейский лад прелестной немецкой оперетки Суппе «Flotte Bursche» (проделки студентов). Оперетка эта, игранная немецкою труппою, имела большой успех; переделанная же на еврейский жаргон, она оказалась каким-то карикатурным фарсом...»⁸ Другие газеты комментировать этот спектакль попросту отказались.

Но тут вновь выпускаются пьесы Латайнера, и наступает некоторый перелом. Точнее говоря, не перелом,— просто пресса возвращает спектакли на некий средний уровень, находя в них хоть какие-то достоинства. «Польский богомолец», или, вернее говоря, еврейский меламед из Польши ...страдает недостатками прежних пьес,— замечает «Телеграф».— Однако некоторые сцены, взятые из жизни хасидов, были сыграны довольно удачно. Публика в особенности интересовалась сценою, происходящею в еврейском хедере; роль ребе (содержателя хедера) была мастерски исполнена г. Тейхом. Куплеты «Дер Дагес» (повсюду нищета), пропетые режиссером г. Могулеско, заслужили одобрение публики, которая, однако ж, наученная несколькими неудачными представлениями, собралась на этот раз в весьма небольшом числе»⁹.

Комедия Латайнера «Два Шмуль-Шмелька, или Фанатизм» никакого отзвука в прессе не получила. Зато об «историко-национальной» пьесе «Любовь Иерусалима» отозвалась весьма похвально «Правда». «Поставленная на сцене Мариинского театра Г. Могулеску новая еврейская пьеса «Любовь Иерусалима», по-видимому, понравилась еврейской публике, которая весьма усердно посещает театр во время представления этой пьесы. Действительно, пьеса (точнее, спектакль.— Е. Б.) с декоративной стороны и по части исполнения не оставляет желать ничего лучшего. Главными и лучшими исполнителями являются г-жи

Аксельрод, Финкельштейн и гг. Могулеску и Шейнгольд. Все эти артисты сделались любимцами публики»¹⁰. Даже так!

«Любовь Иерусалима» исполнялась 21, 22, 24, 26 апреля, 3 и 10 мая. 7 мая труппа должна была отыграть последний спектакль в Одессе, который и стал бенефисом З. Могулеско,— «Одержимый бесом». Но «по просьбе публики» 10 мая исполнили «Любовь Иерусалима», а на следующий день, в бенефис кассира Мариинского театра П. Рыбальченко, сыграли сборную программу, в которую вошли первый акт «Одержимого бесом», второй акт «Любови Иерусалима» и первый акт «Двух Шмуль-Шмельков». В заключение был исполнен «большой разнохарактерный дивертисмент», в котором участвовали артисты не только труппы Могулеско: «гг. Могулеско и Бернардо, Зингер, г-жа Шейнгольд и д-ца Сабина».

После этого труппа отправилась на гастроли — в Полтаву, Кишинев, Николаев.

В громадной статье, занявшей чуть ли не треть газетной полосы, некто Л. Нез-ор попытался подвести итоги выступлений еврейского театра в Одессе в сезон 1879/80 гг. Правда, в основном он пишет не собственно о театре, а о репертуаре. И конечно же, традиционно ругательски. «В последние два года в Одессе попеременно гостила еврейская труппа г. Гольдфадена. Успев сильно надоесть еврейской публике, труппа принуждена была удалиться из Одессы и теперь кочует по городам Новороссии, преимущественно ярмарочным. Была и другая причина, заставившая известного г. Гольдфадена оставить наш город,— именно прибытие новой еврейской труппы г. Могулеско, приглашенной антрепренером Мариинского театра г. Омер, по-видимому, позавидовавшему успеху г. Гольдфадена. (Чему же тут завидовать, если его труппа «сильно надоела» зрителям? — *Е. Б.*) Одесские евреи, вообще падкие на новинки, действительно посещали спектакли более или менее удовлетворительно составленной труппы, если сравнить с доморощенными актерами г. Гольдфадена (можно подумать, что актеры Могулеско не того же происхождения, что и гольдфаденские.— *Е. Б.*), но бедность репертуара испортила дело. Пять (шесть.— *Е. Б.*) едва выдерживающих критику пьес, дававшихся в Мариинском театре в течение трех месяцев (полутора.— *Е. Б.*), ужасно надоели публике (действительно, до того надоели, что по требованию той же публики Могулеско вынужден был дать несколько допол-

нительных спектаклей.— *Е. Б.*), и г. Омеро, следуя примеру г. Гольдфадена, осчастливил евреев других городов представлениями г. Могулеско. Труппа была отправлена в Полтаву на ярмарку. Итак, обе существующие в России еврейские труппы в настоящее время покинули Одессу. Но вместо них судьба посылает евреям новую труппу под управлением г. Лернера».

Долго и нудно автор пишет о пьесах репертуара трупп Гольдфадена и Могулеско, передергивая и подтасовывая, выворачивая наизнанку и ставя на голову. И, наконец, заключает: «Если стряпня гг. Гольдфадена и Могулеско пользуется таким громадным успехом у евреев (попробуй пойми из пафоса сего опуса — пользовались ли труппы действительно «громадным успехом у евреев», или одна из них — «сильно», а другая — «ужасно» надоели им; по автору выходит, что в их недостатках и кроются их успехи.— *Е. Б.*), то что было бы, если бы явился действительно талантливый писатель, который дал бы евреям верно очерченные бытовые типы? (И всего-то? — *Е. Б.*) Будем ждать и надеяться. А теперь сообщим то, что нам удалось узнать о пьесах г. Лернера. Г. Лернер в течение шести месяцев написал 15 пьес (похоже, одно это уже вызывает у автора сомнения в их качестве.— *Е. Б.*), содержание которых взято из истории евреев; впрочем, некоторые пьесы также взяты из современной жизни; но г. Лернер, если верить слухам, решится поставить их на сцену лишь тогда, когда увидит, что исторические пьесы его нравятся публике. Лучшая пьеса г. Лернера, как мне передали,— «Дочь Иерусалима»¹¹.

Но, во-первых, «Любовь Иерусалима» вовсе не пьеса Лернера. Во-вторых, труппа Могулеско действительно оказалась в репертуарном тупике, ставя всего лишь несколько пьес Латайнера. Поэтому причины их гастролей были совершенно иными, нежели гастролы труппы Гольдфадена. Ибо Гольдфаден пропагандировал еврейский театр, знакомил с ним Россию, в том числе и ее обе столицы — Москву и Петербург. А Могулеско вынужден был обкатывать имеющийся у него репертуар на иных аудиториях, как это делали и делают все цирки, например. В-третьих, хотя неизвестно, многочисленна ли была труппа, приезжавшая с О. Лернером, но, возвратившись из гастролей, Могулеско и все его актеры влились в нее. Однако обещанных пятнадцати новых пьес у Лернера не оказалось. Мало того что

был повторен почти весь репертуар труппы Могулеско, в том числе и «Анцель Шустер»,— очень скоро Лернер включил в репертуар все того же «пресловутого» А. Гольдфадена.

И об этом тут же последовало сообщение в «Одесском вестнике» (слово в слово перепечатанное в «Рассвете»): «С 15 будущего июля откроются в Мариинском театре спектакли новой еврейской драматической труппы, подвизавшейся в последнее время в Лондоне. Антрепренером театра является г. Лернер, который также изготовил несколько новых пьес, уже разрешенных к постановке. Кроме того, г. Лернер будет пользоваться репертуаром пьес Гольдфадена и Латайнера»¹². От всего этого (и того, что его «надежды и ожидания» не воплотились в действительность) Л. Нез-ор, похоже, настолько расстроился, что ни одного его выступления о еврейском театре мне обнаружить больше не удалось.

Да и вообще о труппе Лернера поначалу почему-то почти не писали. Не удалось установить, каким спектаклем открылся театр в Одессе. И только благодаря информации, промелькнувшей в другом еженедельнике — «Русский еврей», узнается хотя бы дата их первого спектакля: «В среду, 23-го июля, в саду благородного собрания при значительном стечении публики, начались представления еврейской труппы под управлением г. Лернера. Первый вечер прошел удачно. Желательно было бы, чтобы евреи посещали почаще представления еврейской труппы, ибо пьесы, даваемые ею, имеют весьма большое значение, так как они могут поднять нравственный уровень еврейских масс»¹³. Почему не 15 июля, как было обещано, и в Саду благородного собрания? Вероятно, Мариинский театр к этому времени еще не был готов.

И вот, наконец, сообщение о премьере 11 августа комедии «Серкеле, или Фальшивая тризна» уже в Мариинском театре. Раньше игрались уже известные нам «Любовь Иерусалима» (6 августа), «Еврейский пан» (7-го), «Колдунья» (9-го). «В прошлый понедельник поставлено было в Мариинском театре еврейской труппой в первый раз переделанное г. Лернером для еврейской сцены произведение д-ра Этингера «Серкеле». Подкладка пьесы серьезная, шаржа нет,— писал «Одесский вестник».— Публика отнеслась сочувственно к новой комедии, которая много выиграла от игры талантливого артиста г. Тайха, а также Зильбермана, Гольдштейнов и др.»¹⁴.

Несколько иного мнения придерживался критик «Ведомостей Градоначальства». Его рецензия интересна и некоторым анализом актерского исполнительства, что является большой редкостью для критики тех лет — да, пожалуй, и для ближайшей четверти века. «В пьесе есть отдельные недурные сцены, отдельные действующие лица очень типичны,— писал С. М.,— но в общем она бессвязна или же связана мелодраматическими комбинациями в жанре французских драматургмахеров. Те же счастливые стечения обстоятельств, то же наказание порока и торжество добродетели и та же неестественность, те же эффекты — только в более грубой форме. Из исполнителей заслуживает внимания прежде всего г-жа Гольдштейн, игравшая роль сироты, проживающей на хлебах из милости у богатой тетки, Серкеле. Актриса эта с каждым разом совершенствуется и видимо старается отделаться от рутинных приемов, что так уродовало всегда ее игру и мешало ее природным способностям развернуться... После г-жи Гольдштейн следует отметить игру г-жи Аксельрод. Роль маленькой дочки, избалованной и изуродованной воспитанием, она исполнила весьма недурно; особенно удалась сцены с женихом, где она силится говорить высокопарно на немецком языке, но все-таки съезжает на жаргон... Из мужчин пальму первенства нужно отдать г. Меерсону, тоже дебютанту в роли мешуриса «лакея»-простака. Недурны также гг. Гольдштейн в женской роли Серкеле, Зильберман в роли афериста и Финкель в роли лакея. Зато г. Бланк в роли свата был положительно превосходен»¹⁵. Вероятно, благодаря актерским удачам спектакль игрался часто и пользовался популярностью у зрителей и критиков. К нему постоянно возвращались.

Первый период работы труппы в Одессе завершился 26 августа. За это время из новых спектаклей 20-го была сыграна комедия «Женщина, деньги и имя» безымянного автора. А закрывались спектакли еще одной премьерой — комедией Лернера «Клад», которая удостоилась лишь нескольких строчек в «Одесском вестнике»: «Театр был буквально усеян сверху донизу; пьеса была исполнена весьма удачно. По окончании спектакля вызваны были гг. Лернер и Могулеско»¹⁶.

Некоторые итоги этих полутора месяцев подводил одесский корреспондент петербургского «Суфлера»: «На сцене одесского Мариинского театра в настоящее время дает свои представления труппа еврейских артистов, находящихся под дирекцией О. М.

Лерпера и режиссерством Зигмунда Малулеско. (Искажение фамилий.— Е. Б.) Сборы неплохие. Репертуар довольно обширный, главные из них: «Любовь Иерусалима», «Одержимый бесом», «Капризная дочка», «Польский богомолец» и «Серкеле». Г-жа Гольдштейн (первые драматические роли) и Магулеско (комик, протак и куплетист), Тайх (характерные роли), Шейнгольд (драматический любовник), Зильберман (резонер) и Бородкин (на вторые комические роли) — вот главные представители труппы г. Лерпера»¹⁷.

Зимний сезон начали 14 сентября в Мариинском же театре «Шмендриком» А. Гольдфадена. 16-го показали премьеру — «Еврейский пан» Н. Шайкевича. На следующий день дали спектакль в пользу Общества распространения просвещения между евреями. Играли комедию А. Гольдфадена «Ни бе, ни ме, ни кукареку» и его же водевиль «Спички». 21-го вновь благотворительный спектакль, на этот раз — в пользу бедных учеников коммерческого училища. И снова — Гольдфаден — «Шмендрик». «На этой неделе,— негодовал Р.,— весь репертуар составлен из гольдфановских пьес... Оставьте, г. Лернер, хоть на время Гольдфадена в покое»¹⁸.

После этого труппа уехала на пять спектаклей в Кишинев. Возвращались в Зал ремесленников и промышленников. 1 октября открылись «Кладом», 2 октября сыграли «Еврейского пана». Теперь «Пан» удостоился рецензии в «Одесском вестнике». «Новая пьеса «Еврейский пан» прошла довольно успешно,— писал его критик.— В сценическом отношении и по языку пьеса очень недурна. Выведенные в ней лица если не представляют собою особенно ярких типов, то во всяком случае имеют претензию считаться ими... Исполнение было более чем удовлетворительное; актеры были все на своих местах. Гг. Могулеско и Тейх, особенно последний, играли хорошо, нисколько не пересаливая; в словах и движениях их была видна обдуманность и понимание роли. Г. Тейх выступил снова в роли свата, подобные роли — конек талантливого артиста»¹⁹.

Когда через месяц труппа вновь переберется в Мариинский театр и начнет свои выступления там опять-таки «Еврейским паном», Л. Р. снова напишет рецензию на спектакль, на этот раз — гораздо расширенную и подробную, но в некоторых положениях повторяющую предыдущую: «Из ряда других еврейских доморощенных драматургов — комедия Шайкевича резко выде-

ляется по своим несомненным достоинствам — сценичность, довольно хорошая обрисовка ролей, теплое, неподдельное чувство в трагических местах и ко всему этому отсутствие шаржа, вульгарности, на которые так падки прежние еврейские авторы...— пишет автор и называет новые актерские имена: — Г-н Шейнгольд в роли Эрвальда обнаружил талант и трагические сцены передал тепло и прочувственно. Сцена разлуки вызвала продолжительные аплодисменты. Г-жа Гольдштейн провела роль Дины сносно; но цельного, определенного образа не создала по причине нервности игры. Были хороши, как всегда, гг. Могулеско и Тейх. Первый роль сыщика провел действительно талантливо; куплеты по требованию публики были повторены им. Сват — Тейх неподражаем. Это — типичная личность. Русских, не понимающих жаргона, своим комизмом и еврейскими неутрированными ухватками он смешил до упаду. Г-н Тейх — талант-самородок. Г-н Зильберман недурен в роли Маркуса. Свою песню, в которой он обращается к еврейскому народу, выказывая его пороки и прежнюю добродетель его, советуя воротиться на путь чести,— песню, дышащую глубокою скорбью, г-н Зильберман пропел хорошо. Жаль только, что он прибегает к усиленной жестикуляции, что портит впечатление и делает его не совсем естественным...»²⁰

Три сезона — 1880/81, 1881/82 и 1882/83 гг.— труппа О. Лернера была чуть ли не полновластной хозяйкой еврейской сцены в Одессе.

В первый сезон — октябрь — играли в только что перестроенном Зале ремесленников и промышленников, с 3 ноября перешли в Мариинский театр, где играли до 2 мая 1881 г. Премьер было не так уж много. И как ни странно, в основном пьесы А. Гольдфадена — «Тодрес дуй» (2 октября), «Бранделекозак» (6-го), «Колдунья» (11-го), «Немая невеста» (18-го), «Фанатик» (27-го), «Бабушка и внучка» (4 декабря), «Капризная дочь» (23-го), «Подрядчик, или Память Плевны» (8 января 1881 г.). Авторство пьес совершенно выводит из себя известного нам Л. Р. «Еврейский театр не может, по-видимому, отрешиться от угощения публики разнородной стряпней и всякой дребеденью г. Гольдфадена,— возмущался он по поводу постановки «Шмендрика»; «опять Гольдфаден, опять его белиберда»,— негодовал он по поводу «Немой невесты»²¹. Однако хоть пьесы и «дребедень», а спектакли почему-то все-таки хороши, актеры — просто

прекрасны. И за характеристики этих первых еврейских актеров теперешние исследователи театра должны быть благодарны критике.

«...Пьеса («Шмендрик».— *Е. Б.*) исполнена была довольно успешно; г. Могулеско (Шмендрик) был хорош и смешил публику; г. Могулеско талантливый опереточный комик, вполне знакомый со сценой. Особенно хорош г. Могулеско в ролях старух, как, напр[имер], Баба-Хуве в «Одержимом бесом»; тут он просто неподражаем. Г. Могулеско пользуется также известностью талантливого куплетиста. Г. Тайх — лучший, по моему мнению, артист в еврейской труппе: за что он ни возьмется — все хорошо исполнит, все осмыслит и всему придаст типичность. Роли свата исполняются им неподражаемо... Г. Шепигольд (Шейнгольд.— *Е. Б.*) первый драматический любовник, артист молодой, трудолюбивый, с любовью относящийся к делу. Г-жа Гольдштейн — первая драматическая *ingenue*, артистка молодая, с хорошими задатками»²². О «Немой невесте»: «Пьеса изобилует обильными гольдфаденовской буффонадой и еврейскими остротами. Масса довольна, интеллигентная часть публики перестает ходить в театр; жаль. Из исполнителей выделяется г. Зильберштейн (Зильберман.— *Е. Б.*). У него мягкий симпатичный тенор. В ролях резонеров, по-моему, он лучше. В «Серкеле» г. Лернера роль Данцигера в исполнении Зильберштейна является хорошо отделанной, а в некоторых местах даже художественно исполненной. Г. Могулеско смешил публику искусным исполнением комических куплетов»²³.

Лернер «надеялся поднять еврейский театр на такую высоту, как европейский»,— признавал через тридцать лет А. Фишзон²⁴. Лернер действительно пытался создать «серьезный» репертуар, поднимать в спектаклях актуальные проблемы, но не мог обойтись и без веселых и остроумных пьес А. Гольдфадена, тем более что они давали его актерам такой благодатный материал. А замордованные жизнью евреи желали хоть малого отдохновения от невзгод, мечтали о радости и счастье. Все это они находили в представлениях, поставленных по опереттам Гольдфадена. Так было тогда, так будет всегда, во все времена. Не понимавшие этого антрепренеры попросту прогорали. Критики постоянно станут обрушивать свой гнев на «бессодержательную» комедию, а режиссеры тем не менее будут продолжать веселить публику, считая свое дело нужным и правым. То же будет и в советское

время — почитайте статьи умнейшего и остроумнейшего главного режиссера ленинградского Театра комедии Н. П. Акимова. Но «европейский уровень» и тогда не отрицал веселого зрелища. Примером тому хотя бы «Комеди Франсэз».

Но о славе комедиографа, вероятно, мечтал и Н. Шайкевич. Премьеру новой его пьесы «Сон» показали 1 декабря 1880 г. «Талантливый автор», по мнению все того же Л. Р., «пользующийся столь заслуженным успехом», давно известный «читающей еврейской публике как талантливый беллетрист»²⁵, на этот раз очень огорчил критика, ибо «автор вместо того, чтобы идти однажды избранным путем, уклонился в сторону и взял за образец произведения пресловутого Гольдфадена. А, право, жаль. Г. Шайкевич своим первым произведением («Еврейский пан») произвел хорошее впечатление на еврейскую публику. «Сон» составлен из разнохарактерной материи: тут есть и подражание известной «Колдунье», «Шмендрику» и иной гольдфаденовской белиберде... Исполнение пьесы на этот раз также было самое заурядное... Я уже советовал г. Зильберману не браться за любовные роли, которые ему не под силу; роли резонеров вполне ему удаются... Вообще постановку этой пьесы следует отнести к неудачным»²⁶. Вполне солидарен с ним и рецензент «Одесского листка», начавшего выходить буквально накануне премьеры. Правда, источники для подражания он называет иные. «В пьесе много участвующих лиц, которые городят непроходимую чушь, пересыпанную куплетцами весьма скабрязного свойства: под оффенбаховщину на еврейский лад, много шаржированных сцен, сшитых белыми нитками и совершенно не идущих к делу»²⁷. Театр на этот раз прислушался к критикам, и «Сон» был сыгран лишь еще один раз.

Третья пьеса Шайкевича, «Ошибка», премьеры которой состоялась 20 декабря, критикой была поставлена еще ниже, хотя у зрителей спектакль имел некоторый успех. Но это, считает один из рецензентов, «следует приписать не внутренним ее (пьесы.— Е. Б.) качествам, а искусству гг. Лернера и режиссера, умевших хорошо ее обставить, и весьма удовлетворительному исполнению...»²⁸.

Интересен — всего одним словом (я его выделяю курсивом) — анонс очередного благотворительного спектакля: «В понедельник, 29 декабря, в Мариинском театре еврейскою труппою дан будет спектакль в пользу недостаточных учеников одесской

второй гимназии. Поставлена будет пользующаяся у нас успехом комедия Латайнера «Одержимый Бесом» и в заключение разнохарактерный дивертисмент, в котором примут участие некоторые выдающиеся артисты труппы»²⁹. Жаль только, что газета не называет тех, кого она имеет в виду.

Событием сезона стала постановка трагедии К. Гуцкова «Уриэль Акоста» в переводе (и некоторой адаптации) О. Лернера. Мне кажется, что событие это имело более широкое значение для еврейского театра, нежели просто быть «гвоздем» сезона одной труппы. Впервые на еврейской сцене появилась классическая пьеса мирового репертуара. Впервые еврейский театр «покусился» на высокую трагедию. И что — самое главное — справился с поставленной перед собою задачей.

Правда, «адаптация» О. Лернера несколько занижала пафос трагедии, сводясь к тому, чтобы хоть немного приблизить пьесу к некоей уже установившейся традиции еврейских постановок, — в текст были введены музыкальные куски, арии, танцы и т. д.

Этот спектакль потряс, кажется, и тогдашних одесских зрителей, и критиков. Накануне премьеры «Одесский листок» давал анонс: «17 ноября, в первый раз «Уриэль Акоста», соч. Гуцкого, пер. О. Лернера. Костюмы верно-исторические. Вследствие значительных затрат на обстановку цены возвышены». А рецензент «Вестника» писал: «Признаемся, что на представление еврейской труппой «Уриэль Акоста»... мы явились с предубеждением. По нашему разумению казалось, что выбор еврейской труппой серьезных и классических произведений есть абсурд... Роль Акосты... за границей берут на себя первоклассные артисты... Действительность обманула наши предположения. Г. Шейнгольд мастерски исполнил роль Акосты. Теплота и чувство сквозили во всех его движениях, а речь его была вполне выразительна и согласна с принятой на себя ролью. За исключением некоторых малых погрешностей, роль была выдержана г. Шейнгольдом с тактом и умением до конца... Хорош был также г. Эдельман в роли доктора де-Сильва. Г-жа Гольдштейн в роли Юдифи была посредственна: напускная высокопарность речи ей совсем не идет. Совершенно не в своей роли был г. Шайх; он превосходен в комических ролях, но отнюдь не в драматических. На остальных действующих лицах, ввиду малого значения их ролей, не стоит останавливаться...»³⁰ Еще доброжелательнее, но «обычнее» рецензия «Ведомостей Градоначальства»: «...трагедия «Уриэль

Акоста», переделанная для еврейской сцены г. Лернером, имела громадный и вполне заслуженный успех. Разношерстная публика, наполнившая театр, по достоинству оценила весьма удачную переделку бессмертного произведения Гуцкова, и каждая сцена, каждый монолог были покрыты громкими рукоплесканиями... Главные роли этого капитального произведения — Уриель и Юдифь, при всей их несомненной трудности, были исполнены г. Шейнгольдом и г-жою Гольдштейн с свойственной этим симпатичным актерам талантом и добросовестностью. Г. Шейнгольд своею разумною игрой на этот раз вполне упрочил за собою славу далеко недоюжинного таланта... Единственное замечание, которое можно сделать г. Лернеру,— это пение, которое так неловко включено в прекрасное произведение Гуцкова»³¹.

Но самая удивительная рецензия на этот спектакль появилась почти через год. Новоявленный рецензент вероятно, только прибывший в Одессу, решил, что попал на премьеру. «...Положим, кому как не евреям хорошо играть эту пьесу, фабула которой выхвачена прямо из истории борьбы разума с темным фанатизмом и буквоедством... [Однако] мы боялись, чтоб талантливая пьеса Гуцкова не превратилась... в веселый фарс с пением и танцами. Да и роль Акосты такова, что играть ее может только артист с недоюжинным талантом. Чтоб оттенить весь трагизм положения Акосты, нужно если не переживать его страданий, то хоть возвыситься до *понимания* их! Оказалось, что мы напрасно опасались. Шейнгольд — Акоста оказался не только хорошим артистом, но даже превзошел всех лучших исполнителей этой роли: он положительно оказался лучше Сазонова, который славится в Петербурге ролью Акосты... Вся роль была им художественно проведена; ни один тонкий штрих не пропал у него, он был, одним словом, таким Акостой, каким должен быть артист-еврей... Если припомнить, что молодой еврейский театр возник *из ничего* всего 3—4 года назад, что никакой школы еврейские артисты не прошли, что *подражать в игре* еврейские артисты не имеют кому, то создание такой роли, как Акоста, не может не радовать всех, кто понимает пользу, какую может принести еврейский театр, если он будет хорошо поставлен... Г-жа Гольдштейн была весьма недурна; только *умирает* она плохо. Другие артисты, за малыми исключениями, были на своих местах»³². Так родился первый трагик еврейского театра.

Критик не прав лишь в одном. Еврейский театр, конечно же, возник не «из ничего». У него не было собственной традиции, но было театральное искусство всей Европы, начиная с античных времен. Ведь и еврейская драматургия возникла не одновременно с театром, а несколько раньше. Уже писали Аврум Готлобер, считавшийся учителем Гольдфадена, И. Латайнер, М. Лилиенблюм, И. Линецкий. И «подражать в игре» было кому, ибо еврейские актеры были знакомы и с европейской, и русской школами. А национальные особенности не могли внести кардинального изменения в «работе актера над ролью».

«Уриэль Акоста» выдвинул А. Шейнгольда в первый ряд еврейских актеров. И если в бенефис 1882 г. его обозначили лишь как «талантливого артиста», то в следующем году «Ведомости Градоначальства» наградят его званием «заслуженного артиста»³³.

Гольдфаден тоже показал одесситам «Уриэля Акосту» в своем переводе. Но было это уже 26 июня 1882 г. О спектакле никаких сведений нет, и сказать о нем что-либо невозможно. Рецензенты не полюбопытствовали сравнить двух «Уриэлей». Известно только, что Акосту исполнял бас Карп, а Юдифь — дочь Гольдфадена Евгения. Говорить о первенстве в постановке Гольдфадена или Лернера я тоже не готов. Возможно, идея перевода пьесы Гуцкова возникла у них одновременно; быть может, раньше об этом подумал Лернер. Весьма вероятно, что до Одессы гольдфаденская труппа сыграла премьеру где-то на гастролях. Но ни в Москве, ни в Петербурге «Акоста» еще не шел.

Сезон 1881/82 гг. труппа О. Лернера начала 4 августа премьерой «картин народного быта в 4 отделениях» Марии Лернер «Венец и могила». Из других немногочисленных премьер назову «Напраслину» (27 августа) и «Тайную женитьбу» (17 декабря) Базилевского, «Сирот» Н. Шайкевича (1 сентября), «Двоеженца» М. Лилиенблюма (30 декабря) и «Раши» И. Кацеленбогена (21 января 1882 г.). Труппа лишилась Х. Тайха, но зато заполучила М. Меерсона; появилась в труппе и чета Финкель. Только в конце октября вернулись З. Могулеско и А. Шейнгольд, из-за отсутствия которых Лернер даже вынужден был на время прервать представления.

Сезон не отличался чем-либо выдающимся. Публика очередные спектакли посещала не столь активно, как в прошлом.

Писали о них еще меньше. Рецензента «Одесского вестника» возмутил плагиат Базилевского, «слово в слово» переписавшего «Напраслину» из книжки «Доктор и дочь, или Еврей в Испании», сочинения Калмана Собиля; Базилевский, «выдавая ее за свое сочинение, не написал даже, что сюжет заимствован им...»; «это тот самый Базилинский, который содержал на Ришельевской улице... магазин заграничной обуви»,— добавляет рецензент³⁴. А вот рецензента «Ведомостей Градоначальства» и публику не смутило это обстоятельство: «Новая пьеса «Напраслина»,— если судить по бесконечным вызовам, начавшимся уже после 1-го действия, и вообще по настроению публики, пьеса очень понравилась. Она на самом деле заключает в себе много данных, чтоб нравиться невзыскательному зрителю, сцены очень эффектны и, главным образом, отвечают настроению минуты еврейской публики... Тем не менее, новая пьеса г. Базилевского составляет шаг вперед; в ней хотя много неестественных событий, но действующие лица хоть живые... Сыграна была пьеса очень хорошо. Г. Меерсон в роли доктора (Альмосадо.— *Е. Б.*) был превосходен; недурна была также г-жа Гольдштейн в роли дочери его; остальные исполнители не портили своих ролей»³⁵.

Совсем иное восприятие критика «Ведомостей Градоначальства» драматургии Н. Шайкевича и другой его пьесы — «Сироты». «У г. Шайкевича,— писал тот самый Б., что так хвалебно вскоре напишет о Шейнгольде в роли Уриэля Акосты,— бесспорно есть талант и знания еврейской жизни... его эффекты изящны и сильно действуют на зрителя. Если к этому прибавить, что в его пьесах постоянно богатая фабула, то очевидно, что у г. Шайкевича все данные для драматического писателя... Что касается исполнения, то пальма первенства принадлежит бесспорно г. Меерсону. Этот артист сумел из маленькой роли глупого слуги сделать такой высокохудожественный тип; его комизм вышел таким естественным, таким реальным, что положительно можно сказать, что одна только игра г. Меерсона оживляла спектакль и поддерживала интерес публики. Талант г. Меерсона недюжинный: его игра отличается глубокой правдивостью, главное — он не бьет на эффект. Притом же он играет одинаково успешно как сильно драматические, так и комические роли.. Г-жа и г. Финкель были весьма недурны. За малыми исключениями, они вообще выдержали свои роли. В особенности хороша была г-жа Финкель

в эффектной сцене в лесу. Остальные исполнители были из рук вон плохи...»³⁶

«Двоеженец» М. Лиленблюма удостоился трех анонсов и ни одной рецензии. «Еврейский театр готовит публике весьма приятный сюрприз,— писали «Ведомости Градоначальства».— В скором времени будет поставлена новая пьеса знаменитого еврейского писателя г. Лиленблюма «Двоеженец». Уже одно громкое имя этого корифея ново-еврейской литературы, стяжавшего себе всеобщую известность своими капитальными трудами по различным отраслям еврейской науки и жизни...— возбуждает к этой новой пьесе сильный интерес. Но [и] сама пьеса, как мы успели в этом убедиться, вполне достойна имени своего автора»³⁷. «Сюжет взят из одесской жизни»,— сообщал «Одесский листок»³⁸. «Одесский вестник» добавлял: «Как нам сообщают, пьеса хорошо срепетирована и главные роли в ней распределены весьма удачно между гг. Могулеско, Шейнгольдом и г-жой Гольдштейн»³⁹. Оправдали ли себя выданные пьесе и спектаклю авансы, неизвестно. Об этом пресса умолчала.

Зато успех «Раши» И. Кацеленбогена констатировали две газеты. «Новая пьеса «Раши» имела громадный успех и прошла с замечательным ансамблем,— писал рецензент «Одесского вестника».— Г-н Шейнгольд и г-жа Гольдштейн исполнили свои роли добросовестно. Г. Могулеско сделал с своей ролью (фактора) все, что мог, роль же эта совсем не благодарная. Г. Вайнблат исполнил роль старика Якоба превосходно; он создал тип. Еврейская публика должна быть благодарна гг. Лернеру и Могулеско; первому за весьма приличную обстановку на такой маленькой сцене, второму — за очень удачный подбор музыки и правильно аранжированные танцы, что способствовало успеху пьесы»⁴⁰. Подогреваемый успехом постановки, Лернер снял на несколько спектаклей Русский театр, где, как замечали «Ведомости Градоначальства», «больше удобств для публики и еще больше для блестящей постановки «Раши» в декоративном отношении»⁴¹. «Раши» играли много и с удовольствием. 9 марта этим спектаклем открывали летний сезон в Большом театре Фаркатти; играли его и в следующем сезоне.

И это всё. «Новороссийский телеграф», и вообще-то мало печатавший театральные материалы, о еврейском театре не напечатал ни полстроки; в его «афише» анонсированы все театры, все бенефисы (я уж не говорю о театре Фаркатти или

Городском саде, но — дача Бель-вю, салон де Варьете, цирк Саламанского, а в Зале ремесленников удостоилось внимания «Большое автомобильное представление»). Только евреев нет.

Зато «Новороссийский телеграф» еще в самом начале сезона напечатал «Письмо в редакцию» и довольно-таки антисемитски его прокомментировал. «М. Г., позвольте в вашей газете высказать несколько слов... о предстоящем и уже открывшемся 15-го августа зимнем театральном сезоне,— писал один из зрителей.— Открыл двери своего эдема и г. Лернер, давая спектакли с еврейской труппой на еврейском языке... Большой театр заняла опера, Мариинский — еврейская труппа, а для русских (драматических.— Е. Б.) актеров, говорят, места не нашлось... Нет места в Одессе, где бы служащий народ, воспитанники, бедняки отдыхали бы по праздникам,— нет русской труппы. Зато есть еврейская — и за то спасибо... Нельзя ли скомбинировать дело так, чтобы русская труппа хотя бы чередовалась представлениями в Мариинском театре с евреями?» К этому месту в газете сделано примечание: «Очень многие не станут посещать театр, если представления русской труппы будут чередоваться с еврейскими: а атмосфера и вид зала после евреев таковы, что их ничем не выкуришь. Ред.»⁴². После такого комментария становится ясно, почему в прошлом сезоне прогорели русская и немецкая оперетты, игравшие с еврейской труппой в очередь. Только вот отчего же Т. Сальвини не прогорал?

Не знаю, совпадение это или продолжение истории с письмом, но 15 декабря было опубликовано распоряжение одесского полицмейстера, в котором говорилось, что, «согласно распоряжению г. Одесского градоначальника, основанному на заключении особой комиссии, всякие представления в Мариинском театре, как крайне опасном в строительном, равно и в пожарном отношении, с сего числа совершенно прекращаются»⁴³. А на следующий день чуть ли не извинительное пояснение к этому распоряжению: «Эта весьма гуманная мера, клонящаяся к охранению посетителей театра на случай несчастья, поставила однако, в безвыходное положение многочисленных артистов и служащих театра, которые имеют в нем единственный источник пропитания. К счастью, энергия почтенного директора Мариинского театра, г. Лернера, не истощилась и, как гласят вывешенные сегодня по городу афиши, представления еврейской труппы

переносятся в зал «ремесленников и промышленников»⁴⁴. Действительно; уже 17 декабря труппа продолжила спектакли в новом помещении премьерой пьесы Базилевского «Тайная женитьба», которая, как и предыдущая его пьеса, успеха не снижала.

К августу 1882 г. театр был отремонтирован. «Театр отдан в аренду вместе со всеми помещениями,— сообщали «Ведомости Градоначальства»,— имеющимися в театральном здании, на весьма выгодных для арендатора условиях, с тем, однако, что в театре должны быть даваемы драматические и опереточные представления; для представлений еврейской труппы театр может быть отдан только в крайнем случае в течение летнего сезона»⁴⁵.

Но желающих, по-видимому, не оказалось, и с 23 октября в Мариинском театре начало новый сезон «Общество еврейских артистов п/у О. Лернера». Обретение нового статуса произошло следующим образом: «С легкой руки артистов русской оперы, положившей начало артели служителей сцены,— писал «Одесский листок»,— еврейская труппа реорганизована теперь и будет продолжать свое существование на артельных началах»⁴⁶.

В конце мая в Одессу вернулась труппа А. Гольдфадена и начала спектакли в Зале ремесленников и промышленников. Об этом времени очень мало сведений. Газеты анонсы театра печатали неохотно. По ним лишь частично восстанавливается репертуар: так, 29 мая и 5 июня труппа играла «Суламифь» (в ролях «гг. Карп, Цукерман, Якубович, г-жи Шварц, Гольдфаден, Эйдельман, Фукс»), 10 июня — «Фанатика» (17-го в «Фанатике» бенефис Цукермана), 12, 14 и 19-го — «Альмосадо» (в ролях «гг. Карп, Сабсай, г-жи Шварц, Цукерман, Гольдфаден») и 26-го — «Уриэля Акосту», о котором я уже упоминал.

Единственной небольшой рецензии удостоился только «Альмосадо». «Барон Чиви» замечал, что спектакль привлек массу публики, «среди которой были и христиане... Г. Карп в роли Альмосаддо, был на своем месте: его тихая, старческая, по временам раздражительная речь, мимика и движения его привлекают внимание зрителей. Сидя в заточении, старик озирает прошлое и настоящее бедственной жизни своего народа на тему «Ступай». Горя немало не раз выпадало на долю скитальцев в пути и пр. Хороша была и д-ца Гольдфаден в роли Мирьям, дочери Альмосаддо, особенно сильное впечатление она произ-

вела при внезапной встрече с разлученным отцом. Вообще оперетка эта будет иметь в Одессе такой же успех, как в Петербурге, где она выдержала свыше 30 представлений»⁴⁷.

Очень мало информации и о труппе Лернера. «В субботу (23 октября.— Е. Б.) открылись в Мариинском театре спектакли еврейской труппы,— писал «Одесский листок».— Публики собралось очень много (в отличие от Русского театра, где выступала русская драматическая труппа и где, по сообщению «Листка» же, зал все время «полупустой и ложи до сих пор не абонированы».— Е. Б.). Труппа составлена из лучших сил; хромает лишь хор. Не мешало бы дирекции несколько обновить свой репертуар»⁴⁸. «В Мариинском театре дает два раза в неделю спектакли еврейская труппа,— пополняют эти сведения «Ведомости Градоначальства».— Состав труппы почти тот же; все знакомые лица: тот же веселый, вечно полный самого глубокого комизма Могулеско, заставляющий одной гримасой хохотать тысячную толпу; тот же трагик Шейнгольд, тот же репертуар пьес, из коих немногие заслуживают серьезной критики...»⁴⁹

И действительно, первые спектакли — почти сплошь гольдфаденские: «Шмендрик» и «Спички» (23 октября), «Колдунья» (25-го), «Фанатик» (6 и 17 ноября), «Суламифь» (13, 14, 27 ноября, 13 декабря), «Ни бе, ни ме, ни кукареку» (25 декабря) и т. д. Играют и другие, но тоже знакомые зрителям спектакли — «Уриэль Акоста» (1 ноября), «Жидовка» (4, 6 и 22-го), «Раши» (10-го), «Еврейский пан» (30 ноября, 4, 16 и 23 декабря). Но — «спектакли еврейской труппы в Мариинском театре привлекают многочисленную публику. В субботу давали «Суламифь» Гольдфадена. Сбор был полный»⁵⁰.

Другого рецензента привлекла постановка «Капризной дочери». «Пьеса прошла с замечательным ансамблем,— писал он.— Г. Могулеско в роли Франца был чрезвычайно хорош, за исключением последнего акта, где, изображая пьяного кутилу, он порядком-таки шаржировал. Лучше всех был г. Зильберман, который безукоризненно провел роль жениха (Соломона) от начала до конца...»⁵¹

Наконец пошли и премьеры: 1 декабря — комедия Н. Шайкевича «Ростовщик», 9-го — драма «Дебора», переделанная О. Лернером с немецкого, еще через двадцать дней — «Волк в овечьей шкуре, или Каторжник» Н. Шайкевича, 13 января 1883 г. — бытовая драма Марии Лернер «Агина».

Некоторый интерес вызвала постановка «Деборы», первое представление которой, как писал Р-ский, «привлекло в Мариинский театр многочисленную публику, которая приветствовала г. Лернера за его удачный перевод и аранжировку «Деборы» для еврейского театра. Пьеса прошла с ансамблем и произвела впечатление на публику. Фурор произвела печально-торжественная песнь кочующего Израиля «на реках вавилонских». Г. Лернер удачно воспользовался сюжетом и придал ему живой интерес современности. Из исполнителей пальма первенства бесспорно принадлежит г-же Гольдштейн — Деборе, остальные были удовлетворительны»⁵².

Другой рецензент «Вестника» в «Сиротах» Н. Шайкевича выделил З. Могулеско, «который с большим комизмом исполнил роль Хацкеля, слуги богатого купца Бейнгольда. Прекрасно поставленные хоры в этой пьесе отличаются стройностью и гармоничностью исполнения...»⁵³.

Наибольший интерес прессы вызвала постановка «Агины». «Сюжет этой пьесы,— сообщали «Ведомости Градоначальства»,— имеет глубокий интерес для сторонников внутренней духовной реформы в жизни евреев. Героиней драмы является несчастная агина, т. е. женщина, оставленная мужем без разводного акта и обреченная в силу действующих талмудических постановлений на вечное одиночество и горе...»⁵⁴ Интерес к пьесе проявили не только «сторонники внутренней духовной реформы в жизни евреев», но и столичная газета «Зритель». «В еврейской литературе появилась новая драма под названием «Агина»,— писал ее обозреватель,— посвященная вопросу духовной жизни евреев. Агиной считается у евреев женщина, муж которой пропал без вести, не оставив ей права на развод, и которая не имеет права выходить замуж. Такие несчастные женщины встречаются сплошь да рядом в местах еврейской оседлости»⁵⁵. Сама же постановка вызвала всего лишь одну рецензию, которая утверждала очередной успех актрисы С. Гольдштейн. «Поставленная на сцене Мариинского театра драма «Агина» имела блестящий успех,— писал О. Бруд.— Мораль пьесы в высшей степени назидательна для еврейской семейной жизни. Г-жа Гольдштейн, исполнявшая роль агины, проявила замечательный талант в изображении страданий и смерти измученной жизнью жены, сделавшейся жертвой фальшивого раз-

вода. Вообще идея пьесы очень современна. Публика вознаградила автора пьесы, г-жу Лернер, аплодисментами»⁵⁶.

Вероятно, во второй половине 1882 г. труппы А. Гольдфадена и О. Лернера объединились в одно «дело», но продолжали существовать автономно, ибо актеры продолжали играть в «своих» спектаклях. Правда, иногда то один, то другой появлялись и в «дружественных» постановках. Но к Новому году актеры вновь разделились. «Антрепренер еврейской труппы г. Гольдфаден,— сообщал «Одесский листок»,— совершенно отделился от компаньона своего г. Лернера и перенес еврейские представления в зал общества ремесленников и промышленников, где в субботу, 1 января, и дано было первое представление с участием гг. Шейнгольда и Цукермана. Как относится вообще еврейское общество к г. Гольдфадену, видно было из того, что зал был переполнен публикой, несмотря на то, что игранная в тот вечер пьеса «Сплетница Двоя» не из новых»⁵⁷. И несмотря на то, добавил бы я, что труппа О. Лернера в этот день играла новый спектакль — драму Н. Шайкевича «Волк в овечьей шкуре, или Каторжник».

Итак, А. Шейнгольд теперь в труппе Гольдфадена. Мало того, с его бенефиса в «Двоя» и открылся театр в Зале ремесленников. Кроме него в труппе — Цукерман, М. Меерсон, Шраго, Элиза Эйнгорн, Маргарита Шварц, Натансон, Евгения Гольдфаден — отменные актеры той поры. И это сразу подметил рецензент «Одесского вестника»: «Поставленная 6 января... пьеса «Альмосадо или евреи в Палермо» прошла с полным успехом благодаря прекрасному распределению ролей и согласной игре всех артистов. Больших и заслуженных оваций удостоились: автор г. Гольдфаден и артисты г-жа Гольдфаден, Натансон и гг. Шейнголь, Меерсон, Гольдштейн и Цукерман. Немало также способствовал и сюжет пьесы, живо задевающий вопрос дня. (Автор имеет в виду волнами ходившие тогда по стране погромы.— Е. Б.) Полный сбор — лучшее доказательство хорошего выбора и удовлетворительной постановки пьесы»⁵⁸.

Теперь труппа не играет комедий Гольдфадена, кроме «Фанатика», да и того показывает лишь однажды — 26 января. Но самое удивительное то, что труппа Гольдфадена ставит пьесы других авторов. Ни в Петербурге, ни в Москве «чужих» пьес они не играли. В их репертуаре — «Иуда Маккавей», как сказано в анонсе, «историческая еврейская драма в 5 действ., составлен-

ная Иосифом Курисисом, музыка и танцы составлены А. Гольдфаденом» (преьера 12 января), драма И. Кацеленбогена «Менахем бен Израиль» (19-го), драма «Сироты» (14 февраля) и комедия «Демон» (17-го) Н. Шайкевича.

«Иуда Маккавей» привлек «многочисленную публику», но не понравился рецензенту «Вестника», хотя в нем были заняты «гг. Шейнгольд, Меерсон, Гольдштейн и д-ца Гольдфаден». «Драма эта ставится в Одессе впервые, — писал он, — и это было заметно по непростительному незнанию исполнителями своих ролей. Ни обстановка, ни костюмы, ни декорации ни на одну йоту не соответствовали характеру воспроизводимой эпохи второго храма у евреев. По концепции и исполнению пьеса крайне невыдержанна и отдает водевильностью и натяжкой...»⁵⁹

«Менахема бен Израиля» ставит и труппа О. Лернера, как сказано в рекламе — «в переделке г. Лернера». Премьера — 20 января, то есть на следующий день после премьеры гольдфаденской труппы. А 22-го эту пьесу показывают оба театра одновременно. У Гольдфадена играют актриса Натансон, актеры Шейнгольд и Меерсон, у Лернера — актриса Финкель, актеры Могулеско и Зильберман. Вот бы критике сравнить обе пьесы, оба спектакля, актеров в ролях, театры, описать, как разделилась публика. Но нет. О спектакле Гольдфадена ни строки, о спектакле Лернера — небольшая заметка: «Поставленная в четверг в Мариинском театре еврейской труппой переделанная г. Лернером для сцены драма «Менахим Бен-Израиль» имела большой успех. Вызывали автора»⁶⁰.

31 января труппа О. Лернера сыграла в Одессе последний спектакль и уехала в ставший для них уже родным Кишинев. Гольдфаден перебрался в Мариинский театр. 2 февраля в бенефис М. Меерсона вновь показали «Альмосадо»; 5-го играют — «Суламифь» (в заглавной роли — Э. Эйнгорн, Авессалом — А. Шейнгольд); «Суламифью» и завершат они выступления в Одессе 23 февраля. Больше о них в одесской прессе ни полслова. И исчезают, теряются актеры на просторах российского Юго-Запада.

Зато тут же объявляется труппа О. Лернера, 26 февраля открывшись уже известным «Волком в овечьей шкуре». Первая же премьера (16 марта) комедии Н. Шайкевича «Сам себя надул», в которой все сразу узнали «Ревизора» Н. В. Гоголя, потерпела неудачу. Настолько, что даже неотразимый любимец публики

Могулеско не понравился на этот раз ни зрителям, ни критике. «...В еврейской переделке пьеса потерпела громадное фиаско,— писал рецензент «Одесского листка».— Переделыватель этой замечательной комедии, г. Шайкевич, поставил своей задачей придавать еврейский оттенок всем действующим лицам и, нарядив городничего со всей кликой в ермолки и длиннополые кафтаны, снабдил еще пьесу целой вереницей безобразных музыкальных нумеров и создал таким образом несносную арлекиаду на потеху райку. Исполнители были донельзя плохи, за исключением одного г. Вейнבלата, который довольно порядочно сыграл роль Осипа, очевидно копируя известного г. Николаева. Изображавший же Хлестакова г. Могулеско совсем не понял своей роли: он шаржировал, канканировал, паясничал, а все-таки игра его вышла бесцветная, и он не удостоился хлопка даже от своей публики»⁶¹. Автор этой рецензии был настолько возмущен, что послал свой текст в петербургский «Суфлер», где он увидел свет уже 24 марта. Вполне солидарен был и рецензент «Вестника». Обе заметки о спектакле настолько схожи, что, не появившись они в один день, кого-то из двоих авторов можно было бы заподозрить в плагиате. «Помимо неудачной переделки самой комедии, ничего общего с еврейской жизнью не имеющей,— писал «Вестник»,— успеху пьесы помешали безобразные музыкальные нумера, ни к селу ни к городу прилепленные. Исполнение тоже было вялое. Г. Могулеско играл не Хлестакова, а какого-то паяца; он уж очень коверкался и не понравился даже райку, и к тому же он отпускал цинические остроты, которые заставили некоторых уходить из театра во время представления. Хорош был только один г. Вайнблат, удачно игравший роль Осипа и многими чертами напоминавший известного в этой роли г. Николаева»⁶².

Дальнейшая история еврейского театра в Одессе темна и трудно поддается реконструкции, так как о нем почти перестали писать. Да и анонсы появлялись от случая к случаю. 20 марта труппа О. Лернера играла «Суламифь» А. Гольдфадена (в заглавной роли Финкель), 23-го — «Сирот» Н. Шайкевича, 28 марта и 3 апреля — «Бранделе-козак» Гольдфадена же, 2 апреля — «Раши» И. Кацеленбогена... После чего и эта труппа исчезает из Одессы.

Но уже 20 апреля она снова объявилась в городе и показала давно не играемого «Еврейского пана» Н. Шайкевича. Однако

такое ощущение, что О. Лернер от дел отстранился. Обнаружились и перемены в труппе. Ушла чета Финкель; появилась Элиза Эйнгорн, к которой перешли все роли Финкель. Рецензенты называли и новые актерские имена, еще неизвестные нам. «С 20 апреля у нас начались представления труппою еврейских артистов под режиссерством известного г. Могулеско,— писал рецензент «Одесского вестника» М. Л. Р-ч.— На этот раз поставили комедию Шайкевича «Еврейский пан». Публики, за ненастной погодой, было не особенно. Хороша была г-жа Гольдштейн (Дина), мастерски изображавшая несчастную дочь фанатических жидков прошлого жалкого мирозозерцания. Могулеско (Лейзер, хромой портной) казался скорее актером, нежели портным. Всего больше понравился публике Вайнблат (Шепсель, сват). Он был положительно на своем месте. Что же касается г. Зильбермана, изображавшего еврейского пана,— это талантливый актер и обещает много хорошего. Противен донельзя был Эдельман (реб-Михуэль). Дивертисмент г. Могулеско оказался выше всего. Его декламация хороша; публика щедро наградила его аплодисментами...»⁶³

А вот через три дня, на «Суламифи», театр был полон. «Роль Суламифь исполняла г-жа Эйнгорн при довольно симпатичном, но мало обработанном голосе. Недурен был также молодой воин Ависалом (Зильберман)... Не удалась 10-я картина... где представляется встреча «молодых». Недостаточное выражение чувств произвело на публику крайне неприятное впечатление. Вифлеемский гражданин Монах (Эдельман) на этот раз отличался более, нежели в «Еврейском пане». Ему, видно, по душе роли исключительно дряхлых стариков. Сносен был также дикарь Цингитанг (Розенфельд), своими выходками он потешал публику. Г-н Шварц (Гибони) для сцены вовсе не годится. Абигаиль (г-жа Эдельштейн) свою роль не совсем поняла и заучила. По временам она ожидала суфлера и произносила слова не особенно внятно»⁶⁴.

5 мая сыграли премьеру исторической музыкальной мелодрамы А. Гольдфадена «Бар-Кохба, или Последний час Сиона», «в которой приняли участие лучшие силы еврейской труппы», как утверждал «Одесский листок», и в «новых костюмах и декорациях», что подчеркивалось «Одесским вестником»⁶⁵. Более подробную рецензию посвятил спектаклю рецензент «Вестника», оставивший вместо подписи лишь инициал «Л»: «О фабуле этой

новой пьесы говорить затрудняемся: тут и любовные перипетии, соединенные с коварными замыслами и делами, тут и государственные распри, и осада крепостей, и помазание главного героя на царство, и все так сплетено, запутано и перепутано, что сам черт сломает ногу. Но зато в пьесе есть осмысленные роли, хотя и не выдержанные по обилию длиннот, их усложняющих. К таким ролям можно отнести роль самого Бар-Кохбы, роль старого мудреца Элиазара, его дочери Дины... роль Папуса, самаритянского торговца, и еще, пожалуй, римского наместника Руфуса. Некоторые сцены в пьесе отделаны и соображены очень тонко и умело и содержат в себе много истинного драматизма... Роль Дины проведена г-жой Гольдштейн недурно. Поет она не без чувств. Под конец она заметно устала, но кто ж не устанет от такой жесткой роли, которая требует почти постоянного присутствия и движения на сцене? Роль Бар-Кохбы удалась г. Зильберману. Элиазар — г. Эдельман играл хорошо и умело. Папуса г. Могулеско изобразил с комизмом. Но роль римского наместника г. Баум беспощадно исковеркал и провалил»⁶⁶.

28 мая еще одна премьера — комедия И. Кацеленбогена «Приемыш». А 31-го — «Бар-Кохбой» они завершили сезон. Однако 6 августа эта труппа вновь возникает в Мариинском театре. Играют «Одержимого бесом» И. Латайнера. 13-го показывают «Фанатика» А. Гольдфадена и водевиль «Проба женщины, или Под зеркалом». Но 17-го оказываются в Зале ремесленников, где играют премьеру драмы Б. Блувштейна «Замаскированный доктор, или Исповедь перед смертью».

22 августа, «по случаю памятного дня основания г. Одессы, дан будет большой вокально-музыкальный концерт, — сообщали «Ведомости Градоначальства», — и живые картины при благосклонном участии артистов: гг. Могулеско, Вайнבלата, Баума, Симановича и малороссийского артиста г. Л. Т. Лучицкого, г-ж артисток С. Гольдштейн и Эйнгорн, малороссийского хора в составе 40 персон под управлением Габриэля Финкельштейна»⁶⁷. 10 сентября «перед отъездом еврейской труппы дан будет Большой прощальный вокально-литературный концерт, при двух отделениях, с участием оркестра и артистов всей труппы»⁶⁸.

Этот прощальный концерт труппы с одесской публикой можно считать прощальным представлением еврейского театра вообще. 25 сентября «Одесский вестник» опубликовал следующее сообщение: «В Риге прекращены представления подвизав-

шейся там, как и у нас, еврейской драматической труппы «Rigasch Zeitung»; сообщая это известие, добавляют, что «по распоряжению товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Оржевского воспрещается вообще давать впредь театральные представления на еврейском наречии. Оказалось, что представление некоторых пьес на этом наречии, хотя прежде и разрешенных, ныне представляется весьма неудобным»⁶⁹. Еврейский театр прихлопнули.

«На следующий же день после запрета все триста человек, из которых состояли шесть трупп (кочующих по России.— *Е. Б.*), остались без всяких источников к жизни,— рассказывал А. Фишзон через много лет.— С большим трудом дотащились все труппы в Одессу, а из Одессы разбрелись по всем концам света; кто в Галицию, кто в Румынию. Я, Спиваковский и Гроднер уехали в Германию. Там мы очень бедствовали. Гроднер не мог перенести этого и умер в горе и в нищете. После него умерли известный Ительман и знаменитый Тайх. Оставшиеся же в живых еле держались на ногах и были при смерти... Вообще еврейский народ живет чудом, и с еврейскими актерами тоже случилось чудо...»⁷⁰ Да, выжил еврейский народ, выжил и еврейский театр. Но возвращался он к жизни, как возвращается к ней тяжелобольной инсультом человек.

¹ [Театр и музыка] // Одесский вестник. 1880. 6 марта. С. 1.

² Еврейский театр // Новороссийский телеграф. Одесса, 1880. 29 марта. С. 3.

³ [Искусство и литература] // Правда. Одесса, 1880. 29 марта. С. 2.

⁴ Ведомости Одесского Градоначальства. 1880. 3 мая. С. 2.

⁵ [Искусство и литература] // Правда. 1880. 2 апр. С. 1.

⁶ Еврейский театр // Новороссийский телеграф. 1880. 3 апр. С. 2.

⁷ [Внутреннее обозрение] // Рассвет. СПб., 1880. № 16. Ст. 610.

⁸ Еврейский театр // Новороссийский телеграф. 1880. 9 апр. С. 2.

⁹ Еврейский театр // Там же. 12 апр. С. 3.

¹⁰ Мариинский театр / Правда. 1880. 26 апр. С. 2.

¹¹ *Нез-ор Л.* Еврейский театр и его представители // Одесский вестник. 1880. 15 июля. С. 2.

¹² [Театр и музыка] // Одесский вестник. 1880. 25 июня. С. 2; [Внутреннее обозрение] // Рассвет. 1880. № 28. Ст. 1086.

¹³ [Разные известия] // Русский еврей. СПб., 1880. № 32. Ст. 1261.

¹⁴ *К.* Мариинский театр // Одесский вестник. 1880. 13 авг. С. 2.

- ¹⁵ С. М. [Часть неофициальная] // Ведомости Одесского Градоначальства. 1880. 15 авг. С. 1—2.
- ¹⁶ Мариинский театр // Одесский вестник. 1880. 28 авг. С. 1.
- ¹⁷ Р-ч С. Одесса // Суфлер. СПб., 1880. 21 авг. С. 3.
- ¹⁸ Р. Мариинский театр // Одесский вестник. 1880. 16 сент. С. 2.
- ¹⁹ Л. Р. Театр ремесленников и промышленников // Там же. 5 окт. С. 2.
- ²⁰ Л. Р. Открытие спектаклей еврейской труппы г. Лернера в Мариинском театре // Там же. 5 нояб. С. 1.
- ²¹ Л. Р. Театр ремесленников и промышленников // Там же. 19 окт. С. 2; Л. Р. Еврейский театр // Там же. 25 окт. С. 2.
- ²² Л. Р. Еврейский театр // Там же. 19 окт. С. 2.
- ²³ Там же. 25 окт. С. 2.
- ²⁴ Фишзон А. Записки еврейского антрепренера // Биб-ка Театра и Искусства. СПб., 1913. № 12. С. 22.
- ²⁵ Л. Р. Еврейский театр // Одесский вестник. 1880. 16 окт. С. 2.
- ²⁶ Л. Р. [Театр и музыка] // Там же. 6 дек. С. 3.
- ²⁷ [Искусство и литература] // Одесский листок. 1880. 5 дек. С. 2.
- ²⁸ П. Л. Еврейский театр // Одесский вестник. 1880. 25 дек. С. 2.
- ²⁹ [Часть неофициальная] // Ведомости Одесского Градоначальства. 1880. 24 дек. С. 2.
- ³⁰ М. Т. «Уриель Акоста» в исполнении еврейской труппы на сцене Мариинского театра // Одесский вестник. 1880. 21 нояб. С. 3.
- ³¹ [Часть неофициальная] // Ведомости Одесского Градоначальства. 1880. 19 нояб. С. 2.
- ³² Б. Уриель-Акоста на сцене Мариинского театра // Там же. 1883. 30 окт. С. 2.
- ³³ См.: Там же. 1883. 1 янв. С. 2. Премьера «Уриэля Акосты» в Александринском театре с Н. Ф. Сазоновым в заглавной роли состоялась 4 января 1880 г.
- ³⁴ Ложа № 21. Еврейский театр // Одесский вестник. 1881. 4 сент. С. 2.
- ³⁵ Б. [Одесса, 29 августа] // Ведомости Одесского Градоначальства. 1881. 29 авг. С. 3.
- ³⁶ Б. [Телеграммы] // Там же. 3 сент. С. 1—2.
- ³⁷ Б. [Часть неофициальная] // Там же, 23 дек. С. 2.
- ³⁸ [Искусство и литература] // Одесский листок. 1881. 30 дек. С. 3.
- ³⁹ А. К. Еврейский театр // Одесский вестник. 1881. 30 дек. С. 2.
- ⁴⁰ К-р А. Еврейский театр // Там же. 1882. 29 янв. С. 2.
- ⁴¹ [Часть неофициальная] // Ведомости Одесского Градоначальства. 1882. 28 янв. С. 2.
- ⁴² М-ъ. Письмо в редакцию // Новороссийский телеграф. 1881. 20 авг. С. 3.
- ⁴³ Ведомости Одесского Градоначальства. 1881. 15 дек. С. 1.
- ⁴⁴ Там же. 16 дек. С. 2.
- ⁴⁵ Там же. 1882. 5 авг. С. 2.
- ⁴⁶ [Искусство и литература] // Одесский листок. 1882. 4 марта. С. 2.

- ⁴⁷ *Барон Чиви*. Еврейский театр // Одесский вестник. 1882. 23 июня. С. 2.
- ⁴⁸ [Искусство и литература] // Одесский листок. 1882. 26 окт. С. 2.
- ⁴⁹ Мариинский театр // Ведомости Одесского Градоначальства. 1882. 5 нояб.
- С. 2.
- ⁵⁰ [Часть неофициальная] // Т а м ж е. 16 нояб. С. 2.
- ⁵¹ Мариинский театр // Одесский вестник. 1882. 29 окт. С. 2.
- ⁵² *Р-ский*. Еврейский театр // Т а м ж е. 11 дек. С. 2.
- ⁵³ Мариинский театр // Т а м ж е. 30 дек. С. 2.
- ⁵⁴ Ведомости Одесского Градоначальства. 1883. 11 янв. С. 2.
- ⁵⁵ [Вчера и сегодня] // Зритель. СПб., 1883. 21 янв. С. 3.
- ⁵⁶ *О. Б.* Еврейский театр // Одесский вестник. 1883. 19 янв. С. 3.
- ⁵⁷ [Искусство и литература] // Одесский листок. 1883. 5 янв. С. 3.
- ⁵⁸ Еврейский театр // Одесский вестник. 1883. 9 янв. С. 3.
- ⁵⁹ Еврейский театр // Т а м ж е. 15 янв. С. 2.
- ⁶⁰ [Искусство и литература] // Одесский листок. 1883. 22 янв. С. 3.
- ⁶¹ *Р.* [Искусство и литература] // Т а м ж е. 18 марта. С. 3.
- ⁶² *Б.* «Ревизор» на еврейской сцене // Одесский вестник. 1883. 18 марта.
- С. 2.
- ⁶³ *Р-ч М. Л.* Мариинский театр // Т а м ж е. 24 апр. С. 2.
- ⁶⁴ Т а м ж е. 26 апр. С. 2.
- ⁶⁵ См.: Одесский листок. 1883. 5 мая. С. 3; Одесский вестник. 1883. 5 мая.
- С. 2.
- ⁶⁶ *Л.* Еврейский театр // Одесский вестник. 1883. 10 мая. С. 2.
- ⁶⁷ Ведомости Одесского Градоначальства. 1883. 21 авг. С. 2.
- ⁶⁸ Т а м ж е. 10 сент. С. 3.
- ⁶⁹ Прекращение еврейских представлений // Одесский вестник. 1883. 25 сент.
- С. 2.
- ⁷⁰ *Фицзон А.* Записки еврейского антрепренера. С. 18—19.

А. Блюм (С.-Петербург)

ЦЕНЗУРНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НА ИВРИТЕ В СССР В 1920-е ГОДЫ

История репрессивной политики, направленной против еврейской литературы и печати (как на иврите, так и на идише), еще не написана. И не только по причине «табуированности» в СССР самой еврейской тематики на протяжении десятков лет. Перед каждым историком, пытающимся проникнуть в архивы советской цензуры, встают огромные, с трудом преодолимые препятствия. Крах коммунистической системы, как ни странно, до сих пор не привел к ликвидации пресловутого «режима секретности» в российских архивах, и особенно это касается именно документов бывшего Главлита, ведавшего с 1922 г. политическим и идеологическим надзором за печатью¹. Тем не менее автору этих строк удалось познакомиться с документами Ленинградского отделения Главлита за 1920-е гг., которые и легли в основу этой статьи².

В мемуарной литературе не раз упоминается о преследованиях властями книг на иврите и писателей, писавших на нем, но по вполне понятным причинам соответствующие документы не были знакомы исследователям. Лишь однажды заключение «политического редактора» (так назывались в 1920-х цензоры) стало известно историкам. Речь идет о киевском сборнике «Гааш» («Наступление»), включившем три поэмы Мили (Шмуэля) Новака и вышедшем в 1923 г. Тогда местный цензор, осведомленный о том, что «издание литературы на иврите является принципиальным вопросом», обратился за разъяснениями и уточнениями в Москву. Приведу лишь заключительные строки его послания, предвосхитившие общее отношение властей к литературе на иврите и самому этому языку. Отметив революционность «Сказания об Октябре» и других поэм Новака (хотя и не лишенных «веяний модернистской поэзии»), «политредактор» добавляет: «Для кого предназначаются эти стихи? Ясно, что в другой обстановке, в Палестине, этот сборник был бы одним из мате-

риалов агитации КПП (компартии.— А. Б.), ибо там значительная часть рабочих говорит по-древнееврейски. В обстановке же нашей действительности этот сборник будет предметом филологически-литературного смакования клерикально-буржуазной части еврейского общества. Ясно, что это издание нежелательно»³. Несмотря на такой сокрушительный отзыв, книга все же вышла в 1923 г.: в этом сказалась некоторая неопределенность, двусмысленность отношения режима к литературе на иврите в самом начале нэпа. Израильский историк Иегошуа Гильбоа замечает по этому поводу: «Формально не было в Советском Союзе никакого постановления, объявляющего этот язык вне закона. Однако в действительности он был на нелегальном положении»,— приводя и недоуменные слова одного из писателей: «Запретить иврит? Этот указ поражал отсутствием логики, казался противоречащим Октябрю!»⁴ Недоумение литератора вполне понятно: ведь все писатели, жившие тогда в России и писавшие на иврите, были безусловными приверженцами революции, а некоторые из них и членами коммунистической партии. В самом их творчестве нет никаких «криминальных», с точки зрения коммунистических идеологов, мыслей и положений. «Указа», запрещающего иврит, и вправду никогда не было; более того, во всех советских Конституциях, начиная с 1918 г., предусматривались санкции за «любое ограничение, прямое или косвенное», прав народов, населяющих Россию, в том числе и права пользования родным языком.

Но, как и в других случаях, куда бóльшее значение имели негласные постановления и распоряжения, а также циркуляры, рассылавшиеся на места Главлитом. Заглянем за кулисы этого «министерства правды», и посмотрим, каково же было истинное отношение режима к литературе на иврите.

В марте 1927 г. «Группа гебрейских писателей» — так называло себя объединение ленинградских литераторов, писавших на иврите,— обратилась в Ленгублит (отделение Главлита в Ленинграде) с просьбой разрешить им литературный вечер древнееврейского языка: «**Заявление.** Прошу разрешить устройство литературного вечера древнееврейского языка, имеющего быть 3 апреля в помещении по Стремянной ул., д. 18, в 8 часов вечера. 14.III.1927 г. *И. Матов*». На заявлении — «разрешительный» штамп Ленгублита: к тому времени не только про-

изведения печати, но и любые «массовые выступления» — лекции, доклады, выставки, вечера, вплоть до танцевальных,— получили право на существование лишь с дозволения цензуры. Однако 13 мая того же года в цензуру поступило следующее предписание:

«РСФСР. Народный комиссариат юстиции.

Прокурор Ленинградской области.

Ко мне поступило заявление уполномоченного Ленинградской группы гебрейских писателей, которое указывает, что ими от вас 26.III.1927 г. получено разрешение на устройство литературного вечера на гебрейском языке, а 10.IV перед началом вечера явилась милиция, заперла дверь и не пустила публику в зал, так как якобы Гублитом разрешение на устройство вечера было аннулировано на основании телеграммы из Москвы.

В порядке ст. 70 Положения о судеустройстве предлагаю дать объяснение по этому поводу.

Старший Помпрокурора Жуков» (ф. 31, оп. 3, д. 30, лл. 105, 107).

Ответ начальника ленинградской цензуры снабжен грифом «Совершенно секретно» и предельно лаконичен: «Сообщаем, что разрешение на устройство гебрейского вечера было выдано Ленгублитом и Гублитом же впоследствии аннулировано по **директиве Секретариата Губкома ВКП(б)**» (Там же, л. 106). Ленинградский «законник» был, видимо, вполне удовлетворен таким ответом (продолжения переписки по этому поводу в архивном деле нет), прекрасно понимая, что нет закона выше «партийной директивы». Об этом, кстати, свидетельствует множество других цензурных документов: последнее слово всегда принадлежало идеологическим структурам партии, да и сама инициатива санкций в отношении литературы и печати исходила именно от них.

Однако группа «ленинградских гебрейских писателей» не успокоилась, решив обжаловать самоуправство цензоров, как они полагали, в Президиуме ВЦИК, возглавляемого тогда «все-союзным старостой» М. И. Калининым. 15 июля 1927 г. Ленгублит получает «срочное и секретное» предписание своего московского начальства — руководства Главлита:

«Президиум ВЦИК препроводил нам выписку из заявления группы гебрейских писателей. Там указывается, что Ленгублит якобы занимает недостойную позицию в вопросе о преследовании древнееврейского языка. Главлит предлагает Ленгублиту в самом срочном порядке дать исчерпывающие объяснения как по существу всего вопроса, так и по поводу конкретного случая, указанного в заявлении».

Зам. начальника Главлита (Мордвинкин) (ф. 31, оп. 3, д. 27, л. 585).

К предписанию приложена *«Выписка из заявления группы гебрейских писателей, адресованного Президиуму ВЦИК»*. Приведем ее:

«1. Ленинградским Гублитом было запрещено издание сборника «Ткуфосейну»... без объяснения мотивов. Главлит утвердил это запрещение, несмотря на то, что против содержания никто не возражал, и отговаривался (устно) какими-то «политическими мотивами». А Заведующий Отделом Народов Западной Культуры Совнацмена (Совета национальных меньшинств.— А. Б.) Палатник откровенно заявил, что все пишущие на древнееврейском языке — контрреволюционеры, независимо от содержания произведений.

2. Евсекция Губоно (Еврейская секция губернского отдела народного образования.— А. Б.) отказала в разрешении устройства литературного вечера, но мы нашли защитника в лице тов. Стецкого⁵ (агитотдел Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б)), и после утверждения цензурой программы было получено официальное разрешение Гублита 26.II.1926 г. (разрешение прилагается). Но перед началом вечера 10 апреля 1927 г. явилась милиция, заперла двери и не впустила публику в зал. В Гублите отговаривались получением какой-то телеграммы из Москвы.

3. Нам удалось сговориться с правлением Дома печати об устройстве в помещении Дома вечера по утвержденной в цензуре программе. Была заметка в газете (вырезка прилагается). Но за час до начала нам было заявлено об отмене вечера, ибо представитель Отдела печати Губкома ВКП(б) тов. Дергачева нашла, что для древнееврейского языка, аналогично церковнославянскому, нет места в Доме печати.

4. На основании Вашего письма (возможно, это письмо

самого Калинина, но оно, к сожалению, не обнаружено.— А. Б.) мною сегодня было снова подано заявление в Гублит о разрешении вечера, и снова был получен отказ (заявление с резолюцией прилагается). Между прочим, Ваши слова из письма — «Говорить и писать на древнееврейском языке в советских законах препятствий не имеется» — местные власти растолковывают как о письме и разговоре частным образом, но не о печатании и публичных выступлениях, поэтому просим более точных разъяснений, а театр «Габима»⁶ для них является единственным исключением, без которого не обходится ни одно правило.

Ленинградская группа гебррейских писателей (Подпись — И. Матов).

Ленинград, ул. Белинского, 13. С подлинным верно. Дело-производство Секретариата Президиума ВЦИКа» (ф. 31, оп. 3, д. 27, л. 586).

На сей раз ответ ленинградских цензоров более пространен (все-таки — начальству) и красноречив сам по себе: «**Секретно.** В Главлит. 15.VII.27. Ленинградский Гублит сообщает: в Ленинграде гебррейских писателей, как организации, не существует, а работает отдельная группа. Группа эта зарекомендовала себя крайне отрицательно. Отношение Евсекции ЛГОНО и Отдела печати (Губкома ВКП(б).— А. Б.) к ней недоброжелательное [!]. Ленинградский Союз писателей отказался принять эту группу в число своих членов. Отношение Гублита к печатанию произведений гебррейских писателей определяется качеством подаваемого материала, примером этого качества может служить посланная Вам на заключение рукопись «Питериада», автор Шварц⁷.

В остальном отношении Гублита к этой группе определяется указаниями, исходящими от директивных органов. Одновременно сообщаем, что, по имеющимся в Гублите сведениям, руководители этой группы, в частности податель заявления **И. Матов, находятся под арестом.**

Зав. Ленгублитом (Энгель)» (Там же, л. 594).

В особых комментариях эти документы, кажется, не нуждаются. Обратим внимание лишь на два факта. Во-первых, на показательное и отнюдь не случайное уподобление представи-

телем партийных органов иврита церковнославянскому языку: и тот и другой в их глазах были «проводниками религиозного мракобесия» (они употреблялись в богослужениях: первый — в православных храмах, второй — в синагогах), что в условиях разнузданной атеистической пропаганды в 1920-х делало их «табуированными» за пределами молитвенных зданий. Во-вторых, на тот универсальный довод (указания «директивных» — читай: партийных — «органов»), который каждый раз приводят цензоры. Да и обосновывать, как мы видим, запрет на проведение литературного вечера на иврите посчитали излишним, поскольку другие «органы» уже «разобрались» с членами этой группы. Обыски и аресты начались среди сионистов (хотя члены ленинградской литературной группы не имели к ним отношения) уже с 1918 г. Репрессии коснулись и группы молодых поэтов и прозаиков, осмеливавшихся в то время не дать окончательно угаснуть «тлеющим углям» иврита. Одним из них после недолгого ареста удалось вскоре уехать в Палестину, в частности руководителю группы И. Матову, писавшему под псевдонимами «И. Саарони» и «Йосифон». Участь других ивритоязычных литераторов была трагической: они сгинули в лагерях ГУЛАГа, как, например, наиболее даровитый поэт Хаим Ленский (1905—1943?).

Показательно, что зачастую инициаторами гонений на иврит выступали члены так называемых «Евсекций» (они упомянуты и в процитированных документах) — то есть еврейских секций ВКП(б), созданных в 1918 г. и функционировавших до 1930 г. Среди них преобладали ортодоксальные коммунисты, делавшие ставку на идиш, ибо только он, по их мнению, отражал чаяния «бедного еврейского люда», рабочих и крестьян, в противоположность ивриту, который считался «языком раввинов и клерикалов», а также ревнителей идей сионизма. Именно поэтому все произведения, написанные на иврите, независимо от их содержания (порою — ультраревolutionного), встречали крайне негативную реакцию со стороны «указующих и направляющих» инстанций, цензуры в особенности.

Иврит подвергался остракизму и запрету не только в чисто литературных произведениях, но и в изданиях религиозного содержания. Например, в 1925 г. Главлит запрашивает ленинградскую цензуру: «В связи с запрещением вами «Молитвенника»

на еврейском языке в издании Гинзбурга, просим уведомить нас: принято ли во внимание то обстоятельство, что религиозные общины не имеют прав юридического лица и посему выставляют какого-либо персонального издателя, что, по-видимому, имело место в данном случае». Ответ был вполне успокаивающим: «Это нами предусматривалось. Гражданину Гинзбургу было отказано именно потому, что он просил разрешения лично от себя, мотивируя свое право на издание только тем, что у него имеется книжный магазин, что, конечно, не было достаточным основанием, чтобы разрешить вещь *явно вредную*» (ф. 31, оп. 3, д. 21, лл. 92—93). Подчеркнутые слова раскрывают подоплеку дела, которое заключается вовсе не в том, кто именно имеет право издавать молитвенники — религиозная община или какое-то конкретное лицо, — а в негативном отношении властей к изданию молитвенников именно на иврите. Вполне понятно, что «Молитвенник на праздник Пасхи. Хагода», представленный Гинзбургом, попал в «Сводку рукописей, запрещенных Главлитом», которая рассылалась по всем цензурным инстанциям (ф. 31, оп. 3, д. 21, л. 796). Вместе с ним в той же «Сводке...» указаны и другие книги на иврите: «Еврейский календарь на 1926/27 год», также подготовленный Гинзбургом, и «Воззвание к 8 ноября» партии Поалей Цион.

В архиве Ленгублита хранится также масса предписаний Политконтроля ГПУ, «сверхцензуры»⁸. Все они снабжены грифом «Совершенно секретно» и очень часто запрещают тиражирование различных пригласительных билетов на празднества в ленинградские синагоги, вечера духовной музыки и т. п. Так, 13 ноября 1926 г. Ленгублит получил такое предписание: «Политконтроль ОГПУ сообщает, что разрешение на печатание пригласительного письма синагоги Хасидской — *выдавать не следует*». Приложен и сам билет на иврите с переводом на русский: «Покорнейше просим пожаловать на торжество по случаю окончания книги Талмуда в Синагогу Хасидскую, Лермонтовский пр., 2, имеющее быть в среду 24 ноября в 7 часов вечера. Староста талмудистов» (на полях резолюция — «отказать»). Та же участь постигла «Программу духовного концерта в Синагоге Петроградской стороны» (резолюция — «не выдавать»), «Почетный билет для входа на торжественное богослужение в синагогу «Эшель-Аврохом» при внесении Торы» 25 декабря 1926 г. Запрещено

было Политконтролем ГПУ выдать разрешение на печатание приглашения на торжественное богослужение в синагоге Кегал Исрозль (Лиговка, 55) с приложением программы и трогательным примечанием: «Вход свободный. Убедительнейшая просьба — не опаздывать» (ф. 31, оп. 3, д. 20. «Переписка Ленгублита с Политконтролем ГПУ», лл. 606, 610, 617, 620 и след.).

Конечно же, власти в то время преследовали и другие конфессии, всячески стесняя их, но в отношении иудаизма существенную, а порою и единственную роль играл «отягчающий» фактор — попытка издания даже скромных приглашений на «крамольном» иврите.

Отношение режима и его цензурного аппарата к попыткам ввоза книг на иврите из-за границы в 20-е годы было аналогичным. По сводным статистическим материалам иностранного отдела Главлита, с которыми автору удалось познакомиться, вырисовывается такая картина. Процент пропущенных древнееврейских книг ничтожно мал, а порою равен нулю. Если, по данным за 1923—1924 гг., из общего числа книг на идише, рассмотренных цензурой (45), были пропущены 18 книг и еще две — «для индивидуального пользования» (была и такая графа), то из 6 книг на иврите дозволена к провозу была только одна. Еще более красноречива статистика 1925 г.: из 5 книг на иврите не было пропущено в страну ни одной. Результаты анализа этих данных позволяют сделать такой вывод: если из книг на идише разрешалась к ввозу в СССР приблизительно треть, то на иврите — едва ли десятая часть. И не только из-за «крамольного» их содержания: иврит неизменно ассоциировался с «пропагандой сионизма», тогда как идиш считался на первых порах «языком еврейской улицы», способным вовлечь в «социалистическое строительство обездоленные еврейские массы».

Конечно, имело определенное значение и само содержание ввозимых из-за границы книг на иврите. В этом смысле особый интерес представляют обнаруженные в архиве «Секретные бюллетени Главлита» за март—апрель 1923 г. Снабженные грифом «Совершенно секретно», напечатанные на машинке, на тончайшей папиросной бумаге, они предназначались крайне ограниченному числу вождей, стоявших на самом вершине «партийного Олимпа»⁹. В разделах бюллетеней, озаглавленных «Отзывы о новых зарубежных книгах», встречаются изредка и книги на

иврите, снабженные пометкой на полях: «запретить к ввозу в РСФСР». Например: «**Рабинович**. Тайлдокс хахудим беэрец Израэль (Летопись евреев в Палестине). Яффа, 1921», с таким обоснованием запрета: «Данный краткий очерк по истории евреев в Палестине, начиная с древнейших времен, автор находит, что 20-вековое упорство евреев в их стремлении восстановить иудейское царство может теперь под покровительством Великобритании осуществиться»¹⁰. Или: «**Неймарк**. Тейлдойс га-философии беизроэль (История еврейской философии). Изд. Штибель. Варшава, 1921»,— «Автор в довольно обширном труде доказывает, что только «учение Израиля» способно устоять против всяких кощунственных и богохульных учений и что задачей еврейской философии является борьба против материализма»¹¹ (ф. 31, оп. 2, д. 13, лл. 64—65). Другие книги на иврите запрещались вовсе без всякой мотивировки: очевидно, их язык «говорил сам за себя».

В результате целенаправленного «геноцида» в отношении книг на иврите писателям в 20-е годы удалось осуществить (помимо упомянутого выше киевского) издание всего лишь двух сборников на этом языке: это «Цильцелей шома», подготовленный харьковской группой в 1923 г., и «Брейшит» («Вначале»), формально изданный с пометкой «Москва—Ленинград», но напечатанный в берлинской типографии в 1926 г. Разгон и арест членов ленинградского объединения «гебрейских писателей» падает на 1927-й; надвигался «год великого перелома», 1929-й. В последующий период уже не могло быть и речи об издании книг на иврите, да и само изучение языка приравнивалось чуть ли не к политическому преступлению. В этих условиях литература на иврите в СССР была обречена на угасание.

---

¹ См. подробнее: *Блюм А. В.* За кулисами «Министерства правды». СПб., 1994. С. 7—10, 310—311.

² Они хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в С.-Петербурге, ф. 31 («Ленгублит»). В дальнейшем ссылки на номера фонда, описей, дел. листов дела приводятся в тексте статьи.

³ Цит. по: *Гильбоа И.* Литература на иврите в Советском Союзе // Евреи в Советской России. Иерусалим, 1975. С. 252—253.

⁴ Г а м же . С. 250.

⁵ Стецкий Александр Иванович (1896—1938) — видный партийный деятель

(позднее, с 1930 г., зав. Агитпропотделом ЦК). Но даже он не мог защитить в 1927 г. ленинградских литераторов.

⁶ «Габима» — московский театр, ставивший пьесы на иврите. В 1926 г. в полном составе выехал из СССР.

⁷ К сожалению, сведений об этой рукописи и отношении к ней Главлита (судя по всему — негативном) обнаружить пока не удалось.

⁸ *Блюм А. В.* Указ. соч. С. 105—112.

⁹ Т а м ж е . С. 198.

¹⁰ Автор — Рабинович Александр Зискинд (1854—?), историк и писатель, живший с 1905 г. в Яффе.

¹¹ Очевидно, Неймарк Давид (1866—?), автор фундаментальной «Истории еврейской философии», вышедшей на немецком языке в 1907—1910 гг.

**ОЧЕРКИ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ**

В. Гессен (С.-Петербург)

И. Н. ВИННИКОВ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА: ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА

В 1993 г. исполнилось 20 лет со дня смерти Ицика Нотовича (Исаака Натановича) Винникова — крупного отечественного семитолога, этнографа, известного своими работами по языку и этнографии арабов Средней Азии, библеистике, семитской эпиграфике, арамеистике и талмудической традиции. Подробная история его жизни и научной деятельности еще не написана, имеются лишь краткие биографии¹. В Краткой Еврейской Энциклопедии отмечается, что собственно еврейской темой он смог заняться лишь на исходе жизни, разрабатывая словарь-конкорданцию арамейского языка Иерусалимского Талмуда и палестинских мидрашей².

Во всех биографиях И. Н. Винникова период его жизни до 1930 г. характеризуется крайне скупо. Ничего не говорится о том, что в те годы он был тесно связан с иудаикой, в том числе с изучением этнографии евреев, с преподаванием идиша. Настоящая статья призвана отчасти восполнить этот пробел. При этом основное внимание уделяется ранее не вводившимся в научный оборот архивным документам, относящимся к данной стороне деятельности ученого.

Материалы, собранные для этой статьи, были использованы автором при подготовке доклада на заседании кафедры ассириологии и гебраистики в Санкт-Петербургском университете 19 января 1993 г., посвященном памяти И. Н. Винникова³.

И. Н. Винников родился 9 декабря 1897 г. в местечке Хотимск Витебской губернии. Его отец Натан Иезекилович (1870—1940) был меламедом, как единственный раз написал И. Н. Винников в своей анкете, заполненной в 1933 г., — еврейским учителем⁴. Во всех других в строке «основное занятие отца» он записывал «народный учитель», что значительно более соответствовало духу времени⁵.

Отец его был человеком, получившим традиционное еврейское образование и считавшим, что и его сын должен в детстве пройти эту ступень обучения. Был приглашен раввин — отец впоследствии известного профессора Московского университета, семитолога Бенциона Меировича Гранде. Под его руководством И. Н. Винников основательно изучил Талмуд и раввинистическую литературу.

Он окончил среднюю школу, после чего успешно занимался преподаванием языка идиш в школах Хотимска и Витебска, занимался литературой, лекционной и журналистской деятельностью на этом языке. Видимо, все это послужило основанием для Коллегии Наркомпроса командировать И. Н. Винникова в Петроградский университет, куда он был принят в 1922 г. на этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук. Закончил университет И. Н. Винников в 1925 г., когда отделение уже называлось «отделением языкознания и литературы»⁶.

В автобиографии И. Н. Винников писал: «В течение моего пребывания в университете я специализировался, главным образом, по общей этнографии и семитическим языкам. Причем этнографические дисциплины я изучал под руководством проф. Л. Я. Штернберга, а семитические языки и культуру под руководством академиков И. Ю. Крачковского и П. К. Коковцова. Я изучал арабский, древнееврейский, сирийский и ассири-вавилонский языки: Кроме того, занимался семитической эпиграфикой, греческим и латинским языками. Из новых языков изучал немецкий и английский»⁷. Позднее И. Н. Винников расширил круг своих учителей: «общее языкознание изучал под руководством акад. А. В. Щербы»⁸.

Период после получения высшего образования И. Н. Винников характеризовал следующим образом: «По окончании университета я был оставлен младшим ассистентом по кафедре общей этнографии на этнографическом отделении географического факультета Ленгосуниверситета. С октября 1925 г. до октября 1927 г. вел занятия со студентами по курсу «Происхождение и развитие первобытных социальных институтов». В октябре 1927 г. был избран старшим ассистентом и мне поручили семинарий по «Происхождению семьи и рода» и по «Исламу». В декабре 1929 г. был приглашен на работу в Музей антропологии

и этнографии АН СССР, вначале научным сотрудником 11 разряда»⁹.

И еще один штрих к биографии И. Н. Винникова, неизвестный ранее: его преподавательская работа в Институте еврейской истории и литературы в 1924—1925 гг., на что указано в упомянутой выше анкете 1933 г.¹⁰.

Это высшее учебное заведение стало преемником Курсов востоковедения и Петроградского еврейского народного университета, преобразованного в 1923 г. в Высшие курсы еврейских знаний, а затем в Институт еврейской истории и литературы¹¹, закрытый в середине 1925 г.¹². И. Н. Винников преподавал там «Этнографию евреев в XIX веке».

К этому периоду относится обнаруженная нами неизданная его работа «Диббук» с сопроводительным письмом к Л. Я. Штернбергу, посланным из Витебска 27 августа 1923 г.: «Глубокоуважаемый Лев Яковлевич! Посылаю Вам работу «Диббук». Прошу снисходительного отношения, так как очень трудно было достать необходимые материалы, и к тому же обременен работой по службе, которую я вынужден принять. Все указанные в работе источники мною тщательно прочитаны. Буду счастлив, если найдете работу удовлетворительной»¹³.

Осенью 1925 г. при Ленинградском государственном университете (ЛГУ) открылся Рабочий факультет (Рабфак) с еврейским отделением. Слушатели на него набирались по разверстке Наркомпроса из западных районов РСФСР, из Белоруссии, с Украины. Они принимались исключительно из числа рабочей молодежи по рекомендации организаций ВЛКСМ, с соблюдением изданной для этого инструкции. В ней было указано, какой стаж работы необходим для каждого возраста, чтобы считаться рабочим, сколько земли, коров и лошадей могли максимально иметь родители поступавших. От них требовались знания в пределах 4-х действий арифметики, «общественно-политическая ориентировка, умение читать и писать на еврейском и русском языках»¹⁴. Из документов следует, что самим организаторам было неясно: то ли Рабфак будет подготовительным для дальнейших занятий слушателей на обычных факультетах, то ли будет четырехлетним и осуществлять самостоятельный выпуск специалистов.

Еврейское отделение начало функционировать с неполным

набором преподавателей и студентов. Поэтому весной 1926 г. было решено считать проведенные в первый учебный год занятия подготовительными и только с осени 1926 г. засчитывать занятия в счет выполнения программы 1-го курса. Преподавателями были: М. М. Гитлиц, З. А. Киссельгоф, Розенблат, Фиговский, И. Н. Винников. Последний вел занятия по языку идиш. Ему вместе с Гитлицем было поручено составить программу преподавания этого предмета, которая была утверждена в Еврейском бюро Губернского ОНО. В основном И. Н. Винников вел занятия на 1-м курсе, но с началом учебного года в 1927 г. проводил их на 2-м курсе.

Сохранился отчет о работе за 1925/26 учебный год, написанный И. Н. Винниковым: «Когда осенью 1925 г. я приступил к занятиям в названной группе, то оказалось, что группа далеко не однородная по своей подготовке по языку. Из 30 человек шестеро совершенно не владели ни письменной, ни устной речью, 7 человек умели говорить и читать, но не умели писать, остальные 17 более или менее знали язык. Обнаружились различия в диалектах: украинском, польском и литовском, отчего страдала их орфография. Я поставил себе целью: 1) ликвидировать неграмотность, 2) по возможности выровнять группу, 3) повести их к литературе. В течение года пройдено: 1) по грамматике: полный курс этимологии (элементы фонетики и морфологии) и простейшие синтаксические понятия; 2) по языку: техника выразительного чтения. Использовался ряд хрестоматий и газета «Эмес». Делались доклады, читались рефераты, пересказы прочитанного, сочинения на свободную тему; 3) по литературе разрабатывались следующие темы: «Рабочий и подросток до революции в еврейской литературе», «Меламед в еврейской литературе», «Дети в произведениях Шолом-Алейхема». Не всегда удавалось работать по намеченному плану из-за отсутствия книг. С удовлетворением отмечаю, что намеченная цель достигнута, чему способствовала главным образом активность и серьезное отношение учащихся. В результате годовой работы в учащихся удалось развить интерес и любовь к языку и книге».

В опубликованных биографиях не упоминается, что в 20-е годы И. Н. Винников активно участвовал в деятельности еще существовавших в то время двух наиболее крупных научных структур: основанного в 1863 г. Общества для распространения просве-

щения между евреями в России (ОПЕ) и созданного в 1908 г. Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО).

Сведения об этом содержатся в протоколе заседания комитета ОПЕ в конце 1923 г., на котором обсуждались вопросы оказания материальной помощи лицам, непосредственно связанным с обществом: А. Л. Рубашову, бывшему сотруднику библиотеки ОПЕ, и академику Академии художеств М. Л. Маймону, не раз выступавшему в обществе с докладами. Было решено продолжить выдачу пособий нескольким учащимся высших учебных заведений, а также «оказать помощь студенту-семитологу И. Винникову: два червонца (золотых рубля) в месяц»¹⁵.

Следует отметить, что в связи с ограниченными средствами и преследованиями со стороны властей благотворительной деятельности материальная помощь оказывалась, как правило, только тем студентам, которые участвовали в работе ОПЕ: посещали собрания, помогали библиотеке, выполняли другие поручения.

Другой относящийся к тому времени документ представляет собой тезисы доклада И. Н. Винникова «Современное еврейское местечко (Хотимск и Калин)» на собрании членов ОПЕ, направленные в Еврейское бюро при Ленинградском губотделе народного образования для разрешения его проведения¹⁶. На просмотренном экземпляре тезисов имеется резолюция чиновника: «Со стороны Евбюро при ЛГОНО препятствий нет». В тезисах изложены основные результаты обработки полевых этнографических материалов, собранных летом 1925 г.: 1. Местечко и его население. 2. Имущественное положение населения. 3. Занятия населения. 4. Молодежь в местечке (численность, занятия, безработные). 5. Грамотность населения и учебное дело. 6. Поверья, обряды, обычаи и учреждения культа¹⁷.

Из указанного следует, что уже сразу после окончания университета И. Н. Винников участвовал в этнографических экспедициях в еврейские местечки, находившиеся в пределах бывшей черты оседлости, в частности в родное местечко Хотимск. Впрочем, возможно, он проводил этнографические изыскания по еврейской тематике, еще будучи студентом. Организация подобных экспедиций и их финансирование осуществлялись ЕИЭО, работавшим в тесной связи с ОПЕ. В некоторых случаях эти поездки сочетались с летним отдыхом. Так, 20 июля 1926 г. И. Н. Винников писал председателю ЕИЭО Л. Я. Штернбергу,

что отдыхает на родине, и отмечал: «Моя жена утверждает, что я не умею отдыхать, намекая на то, что я слишком много времени занимаюсь Талмудом; возможно, она и права»¹⁸. В ЕИЭО И. Н. Винников вступил не позже 1924 г., о чем свидетельствуют сохранившиеся списки его членов, которых в то время было 70 человек¹⁹.

В 1927 г. на собрании ОПЕ И. Н. Винников прочел доклад «Среди бухарских евреев»²⁰. Этому предшествовала экспедиция от ЛГУ для изучения быта арабов в Средней Азии. В том же году комитетами ОПЕ и ЕИЭО было проведено совместное собрание, посвященное памяти умершего незадолго до этого Л. Я. Штернберга. На нем сделали доклады С. Л. Цинберг («Памяти Л. Я. Штернберга»), И. Я. Клейнман («Л. Я. Штернберг и его литературно-общественная деятельность»), И. Г. Франк-Каменецкий («Л. Я. Штернберг как основатель этнографической школы в СССР»). Выступил также и И. Н. Винников с докладом «Л. Я. Штернберг-этнограф».

Во второй половине 1927 г. И. Н. Винников входил в состав руководимой А. М. Брамсоном Музейной комиссии ЕИЭО, наряду с З. А. Киссельгофом, Е. Е. Клионским, И. Я. Гинцбургом, С. Б. Юдовиным, Л. Л. Штрайхером, С. Д. Маггидом²¹. На заседании в октябре 1927 г. обсуждался вопрос о выполнении воли умершего Л. Я. Штернберга: получить из Русского музея экспонаты, относящиеся к быту евреев, переданные в 1919 г. их собирателем С. А. Ан-ским (Раппопортом) на временное хранение. Было решено уполномочить А. М. Брамсона и И. Я. Гинцбурга провести переговоры с музеем, а И. Н. Винникова просить найти в архиве Л. Я. Штернберга расписку в получении экспонатов. И. Н. Винников присутствовал на заседании Музейной комиссии в январе 1928 г., на котором помимо указанных выше лиц были М. А. Мильнер и И. И. Равребе, а также наблюдающий от Евкомнаца Мац²². Здесь, в частности, рассматривалось предложение об опубликовании в еврейской прессе списка имеющихся в музее музыкальных материалов с целью последующего издания музыкальных сборников, «нужда в которых весьма велика». В связи с этим было поручено И. Н. Винникову, З. А. Киссельгофу и Н. Ш. Шварцу организовать комиссию по научной разработке текста записей на хранящихся в музее фонографических валиках, переписать записанные мелодии на

ноты, подготовить их для печати. В 1928 г. И. Н. Винников входил в ревизионную комиссию ЕИЭО²³.

В отчете музея ЕИЭО за 1928 г. отмечено, что им «руководит комиссия в составе А. М. Брамсона, Е. Е. Клионского, этнографа И. Н. Винникова, ассистента И. И. Равребе, художника С. Б. Юдовина, Н. Ш. Шварца», а также ряд музыкальных деятелей (Л. Л. Штрайхер, С. Д. Маггид, З. А. Киссельгоф). К этому отчету приложен список членов «Кружка друзей музея», в который входили И. Н. Винников, И. И. Равребе, Р. Н. Левин, иврито-язычный поэт Х. С. Штейнсон-Ленский²⁴.

В начале 1929 г. было решено направить две экспедиции: одну на Кавказ в составе И. М. Пульнера и Л. Л. Штрайхер, а другую в Белоруссию (С. Б. Юдовин, С. Д. Маггид и И. Н. Винников). В командировочном удостоверении последнего сказано: «Дано сие сотруднику музея ЕИЭО этнографу И. Н. Винникову в том, что он командирован в Белоруссию в места еврейского населения для сбора этнографического материала и записи еврейских музыкальных мелодий. Музей обращается ко всем ведомствам, учреждениям и организациям с просьбой оказать И. Н. Винникову всяческое содействие в целях наиболее успешного выполнения возложенных на него задач»²⁵.

С. Д. Маггид в экспедицию не поехала, вероятно, из-за недостатка средств, и ее функции по записи мелодий были возложены на И. Н. Винникова, что он частично и выполнил.

Надо сказать, что вопрос о посылке в 1929 г. экспедиции ЕИЭО в Белоруссию имеет свою предысторию. Дело в том, что от Еврейского отдела Белгосмузея в конце мая 1929 г. было получено письмо, в котором содержалось приглашение принять участие в еврейской этнографической экспедиции по маршруту Бобруйск — Толочино — Черя — Мукомоль — Таранковичи²⁶. Было отмечено, что последний из указанных пунктов особенно интересен, так как там, в лесу, вдали от поселений, находится старинное еврейское кладбище. Это место овеяно легендами, и в дореволюционное время население окружающих мест приезжало туда помолиться на «осенние праздники». «Есть основание думать,— сказано в письме,— что это кладбище является остатком большого города, разрушенного во время похода русского царя Алексея Михайловича в середине XVII века». Вот для такой

экспедиции и требовались квалифицированные сотрудники из Ленинграда.

Однако для участия в экспедиции нужны были денежные средства, которых у ЕИЭО в тот момент не было, и оно отказалось от предложения этнографов из Белоруссии²⁷. Через короткое время выяснилось, что общество сумело получить минимально необходимую для этого денежную сумму, но принять участие в указанной экспедиции не удалось: то ли она уже проводилась без ленинградцев, то ли вообще не состоялась. Поэтому в середине июня 1929 г. А. М. Брамсон направил в Белгосмузей письмо, в котором благодарил за приглашение участвовать в экспедиции, сообщил о средствах, «случайно найденных в промежутках между письмами»²⁸. «Это позволит,— отмечал он,— направить в Белоруссию экспедицию, для участия в которой привлекаются: И. Н. Винников — этнограф, З. А. Киссельгоф — известный знаток еврейской музыки, С. Б. Юдовин — художник. Цели экспедиции ясны из ее состава: собирание этнографического материала, запись на фонографе народных песен, зарисовки памятников и архитектурных деталей». И далее: «Мы будем очень признательны за содействие. Результаты изучения полученного материала будут очень охотно сообщены Еврейскому отделению музея. Мы полагаем, что особый интерес представляет Мозырский район, малоизученный с этнографической точки зрения. Экспедиция рассчитана на один месяц и начнется 20—25 июня». Видимо, все эти планы были в основном реализованы, кроме посылки в Белоруссию З. А. Киссельгофа.

Во время экспедиции И. Н. Винников направил в Ленинград А. М. Брамсону ряд писем с сообщениями о результатах этнографических поисков. Так, в письме от 10 июля 1929 г. он писал: «На днях послал Вам дубликаты, которые Вы наверное уже получили. Работа наша идет интенсивно, на наш взгляд, довольно успешно. Завтра утром направляемся отсюда в местечки Юровичи и Наровля, которые мы считаем для наших целей интересными. О результатах работы в Калинковичах Вы достаточно осведомлены. Сегодня вечером напишу подробно о нашей работе в Мозыре. Если в нашем распоряжении будет свободное время, то думаем поехать в Чернобыль»²⁹. Однако никаких документальных сведений о посещении этого пункта не имеется. В письме, полученном от М. Гельцера, отмечается: «Времена в 40-х годах были трудные,

и говорить о многом было опасно. И все же в очень узком кругу Исаак Натанович рассказывал о своем участии в экспедициях ЕИЭО. Помнится его рассказ о поездке в Чернобыль, город, знаменитый своими писцами свитков Горы, филактерий и мезуз. Город славился также мастерами по выделке пергамента для написания текстов. Однако в то время, когда там был И. Н. Винников, т. е. во второй половине 20-х годов, писцовое искусство было уже ликвидировано и пергаментные мастерские работали на обтяжку пионерских барабанов».

В ответ на цитированное выше письмо И. Н. Винникова А. М. Брамсон писал: «Дорогие товарищи! Ваше сообщение из Калинковичей до меня не дошло. Накладная на почтовый груз прибыла и уже передана к снятию со станции. Открытое письмо от 10 июля получено и дает очень скорую картину Вашего путешествия. Было бы желательно получить хотя бы квинтэссенцию Ваших впечатлений». Далее А. М. Брамсон сетует на трудности с получением валиков для фонографа, обеспечивающего запись народных мелодий экспедицией в Грузии, о финансовых затруднениях. И заканчивает: «Очень рассчитываем на удовлетворение, которое должна принести Ваша поездка»³⁰.

Имеется письмо И. Н. Винникова от 20 июля из Мозыря. В нем он сообщает об отправке посылок с экспонатами (пять мест). «Работа заканчивается, едем в Калинковичи. Оттуда вышлем еще одно место. Думаем посетить местечко Азаричи (если удастся, — 30 км от железной дороги), на два дня остановимся в Орше»³¹. Заведующему Бюро краеведения в Мозыре А. М. Брамсон писал, что «сотрудники музея ЕИЭО С. Б. Юдовин и И. Н. Винников ведут переговоры с мозырскими культработниками о передаче деревянного кивота с орнаментной резьбой из ликвидированной синагоги в коллекцию нашего музея»³². В письме выражалась надежда на «скорое разрешение этого вопроса» и глубокая признательность за пополнение музея «столь интересным экспонатом». Вслед за этим А. М. Брамсон послал 2 августа 1929 г., также в Мозырь, еще одно письмо, в котором выразил благодарность судье Бадицкому за «разрешение предоставления указанного ценного экспоната музею» через его сотрудников С. Б. Юдовина и И. Н. Винникова³³.

Результаты этой экспедиции заинтересовали сотрудников Еврейского отдела Белгосмузея. В ответ на их запрос А. М. Брамсон

писал, что участники экспедиции только что вернулись, готовят отчет, с которым Еврейский отдел Белгосмузея будет незамедлительно ознакомлен³⁴.

Отношение И. Н. Винникова к С. Б. Юдовину характеризуется в письме его ученицы, ныне живущей в Израиле, Г. Глускиной: «Занимаясь еврейской этнографией, И. Н. Винников был в тесной дружбе с еврейским художником С. Юдовиным, явным последователем школы Шагала. У него в квартире висели картины С. Юдовина, причем большей частью это были картинки из витебской жизни. Однажды он рассказывал, как он ездил с С. Юдовиным по еврейским местечкам для сбора этнографического материала. Они проходили по еврейским кладбищам, спускались в склепы известных цадиков и вынимали оттуда множество записок, которые простой народ бросал туда с просьбами и жалобами». В конце письма Г. Глускина отмечала: «На еврейскую этнографию И. Н. Винникова нацелил его учитель Л. Я. Штернберг, которого он очень любил и буквально боготворил. Винников очень часто вспоминал его, и памятник ему на Преображенском кладбище из черного гранита сделан был по замыслу И. Н. Винникова (на большой прямоугольной стеле поставлен круглый земной шар с надписью: «Все человечество едино»). Л. Я. Штернберг считал, что именно И. Н. Винников должен заниматься общей семитской этнографией, в частности талмудической, потому что он как никто другой знал всю иудаистическую литературу»³⁵.

Последние сохранившиеся сведения об участии И. Н. Винникова в деятельности еврейских обществ содержатся в Информационном письме § 1 от 1 ноября 1929 г., обращенном к «членам Кружка друзей музея ЕИЭО»³⁶. К этому документу приложен список лиц, которым он должен быть отправлен, и среди них указан И. Н. Винников как руководитель Этнографической секции ЕИЭО.

Архивные материалы свидетельствуют об имевшихся в тот период планах расширения деятельности этого общества, особенно этнографических исследований. Безусловно, в их реализации существенную роль должен был сыграть И. Н. Винников. Но судьба распорядилась иначе. По воле властей в конце декабря 1929 г. ЕИЭО и ОПЕ были ликвидированы по обвинению в буржуазном национализме и связях с мировым сионизмом. Ак-

тивную роль в этом сыграли функционеры Еврейских секций и Бюро при Наркомпросе, ЦК ВКП(б) и др. Были закрыты архивы, библиотеки ЕИЭО и ОПЕ, музей. Основная часть книг и рукописей была вывезена в Киев и поступила в распоряжение Института еврейской культуры, экспонаты музея разошлись по разным адресам. Перестал существовать один из крупнейших в диаспоре еврейский научный центр.

Прекратились и исследования И. Н. Винникова по этнографии евреев в России. Отныне он мог работать как этнограф только по предписанным темам, в числе которых еврейская отсутствовала. Но даже не занимаясь этнографией евреев, И. Н. Винников всегда был под пристальным надзором властей, не раз подвергался увольнению с работы. Ему, например, не могли простить мужественное поведение в 1948 г. во время востоковедческой «дискуссии», ничего общего не имевшей с наукой, а направленной прежде всего против академика И. Ю. Крачковского. Как сообщил М. Гельцер, И. Н. Винников «смело выступил против партийного «дубинщика» Л. Климовича³⁷, посланного из Москвы с разгромными целями, в защиту этого ученого». И только слепой случай спас ему тогда жизнь.

---

¹ *Глускина Г. М., Демидова Г. М.* И. Н. Винников: (70-летие со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1967. № 6. С. 155—157; см. также: Исаак Натанович Винников // *Вопр. филологии стран Азии и Африки*. 1971. Вып. 1. С. 3—13; *Краткая еврейская энциклопедия*. Иерусалим, 1976. Стб. 673—674.

² По словам ученицы И. Н. Винникова доц. Г. М. Демидовой, ее учитель не раз говорил, что от всех тягот жизни он старается забыть, занимаясь двумя делами: читая «Пророков» в Библии и заполняя карточки для каждого изучаемого слова Иерусалимского Талмуда и мидашей. И. Н. Винников составлял картотеку на протяжении не менее 20-ти лет, стараясь каждый день заполнять как минимум одну, иногда две-три карточки, часто возвращаясь к составленным ранее и уточняя их. После его смерти карточки были переданы в архив. Ознакомление с ними показало, что они охватывают не все буквы алфавита, требуется большая работа для завершения труда. В нынешних условиях, как считает Г. М. Демидова, надежд на это нет.

³ На заседании кафедры, посвященном жизни и деятельности И. Н. Винникова, выступила доц. Г. М. Демидова. Сделали доклады акад. М. Н. Богомолов, научный сотрудник С. А. Французов и др.

⁴ Петербургский филиал Академии наук (далее ПФА АН), ф. 1045, оп. 2, ед. хр. 5, л. 16. Материалы этого архивного фонда подготовлены для использования научным сотрудником В. А. Симиной.

⁵ Там же, л. 6. Анкета, 1965.

⁶ ПФА АН, ф. 1045, оп. 2, ед. хр. 5, л. 4. Трудовая книжка, запись от 18 июня 1925 г.

⁷ Там же, лл. 14—15. Автобиография, 16 ноября 1933 г.

⁸ Там же, л. 40.

⁹ Там же, лл. 20, 36. Автобиография, 1945 г. Отмечено, что сын Израиль окончил в 1941 г. химический факультет Ленгосуниверситета и в том же году погиб на фронте.

¹⁰ Там же, л. 16. Анкета, 8 апреля 1933 г. Отметим, что многие сведения этой анкеты являются наиболее достоверными, даже, прямо скажем, откровенными по сравнению с другими. В последующие годы такой откровенности, способной бросить на него тень в глазах властей, И. Н. Винников больше не допускал.

¹¹ Гессен В. Ю. Курсы востоковедения барона Д. Г. Гинцбурга — первое еврейское высшее учебное заведение в России (Рукопись); см. также: *Gessen V. The Jewish University of Petrograd // East European Jewish Affairs. London, 1992. Vol. 22. № 1. P. 72—79.*

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА), ф. 2552. Петроградский губернский отдел народного образования. Совет по национальным меньшинствам. Оп. 1, ед. хр. 1121. Протокол заседания комиссии по реорганизации Института высших еврейских знаний. Л. 26.

¹³ Там же, ф. 1045, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 1—21.

¹⁴ Там же, ф. 2552, оп. 1, ед. хр. 2560, лл. 29, 38, 51, 85, 92, 109; ед. хр. 2819, л. 1. См. также: ед. хр. 2559, л. 5.

¹⁵ Там же, ед. хр. 1213. Протоколы заседания комитета ОПЕ в 1923—1924 гг. Л. 39. Протокол заседания § 10 от 20 октября 1923 г.

¹⁶ Там же, ед. хр. 2091. Дело по контролю за ОПЕ в 1925—1927 гг. Л. 25.

¹⁷ Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (далее АВ), ф. 85. Личный архив Д. Г. Магида. Оп. 2, ед. хр. 354. Письма от ЕИЭО. Л. 17.

¹⁸ ПФА АН, ф. 282. Л. Я. Штернберг. Оп. 2, ед. хр. 5, л. 1.

¹⁹ ЦГА, ф. 1001. Административный отдел Ленгубисполкома. Оп. 6, ед. хр. 275. ЕИЭО, 1923—1926. Л. 95.

²⁰ АВ, ф. 85, оп. 2, ед. хр. 384, л. 35.

²¹ Центральный государственный архив литературы и искусства в Санкт-Петербурге (далее ЦГАЛИ), ф. 311. Музей ЕИЭО. Оп. 1, ед. хр. 3, л. 6.

²² Там же, л. 8. Протокол заседания Музейной комиссии 8 января 1928 г.

²³ Там же, л. 9. Протокол заседания ревизионной комиссии ЕИЭО 16 декабря 1928 г.

²⁴ Там же, л. 12.

²⁵ Там же, ед. хр. 7, л. 2. Удостоверение сотрудника музея. Без даты. По косвенным признакам — конец июня 1929 г.

²⁶ Там же, л. 94. Письмо от 23 мая 1929 г.

²⁷ Там же, л. 110.

²⁸ Там же, л. 115.

²⁹ Там же, л. 134.

³⁰ Там же, л. 140. Письмо от 14 июля 1929 г.

³¹ Там же, л. 149.

³² Там же, л. 44 (без даты).

³³ Там же, ед. хр. 1, л. 51.

³⁴ Там же, л. 70.

³⁵ При написании статьи использованы полученные от Г. Глускиной и М. Гельцера фрагменты воспоминаний об И. Н. Винникове. Автор выражает благодарность М. Гельцеру за сделанные замечания.

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 311, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 7,8.

³⁷ Печально знаменитого позднее своей книгой «Ислам» (М., 1965), публикация которой в СССР вызвала официальные протесты ряда мусульманских государств.

Е. Меламед (Житомир)

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «КРАТКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Начавшая выходить в 1976 г. «Краткая еврейская энциклопедия» (далее КЕЭ) ныне один из наиболее распространенных универсальных справочников по еврейской истории и культуре. Разумеется, как и у всякого издания, тем более такого масштаба, у нее, наряду с несомненными достоинствами, есть и свои недостатки — разного рода пробелы и неточности. Выявление и исправление последних в полном объеме — дело будущего (ведь издание еще не завершено) и, безусловно, потребуют коллективных усилий. Что касается помещаемых ниже «комментариев» к некоторым близким автору сюжетам, то они лишь скромная лепта в этом направлении.

К биографии А. Б. Готлобера

Видный еврейский поэт и публицист А. Б. Готлобер (1810—1899) немало лет занимался педагогической деятельностью. Его официальной учительской карьере в КЕЭ отведено лишь несколько строк:

«В 1851 г. сдал в Житомире гос. экзамен на звание преподавателя раввинских уч-щ, работал в неск. казенных евр. школах. В 1866 получил должность в Житомире, где до преобразования уч-ща в учит. ин-т (1873) преподавал Талмуд...»¹

Дело, однако, не в краткости (вполне в данном случае объяснимой), а в точности. Начнем с того, что Готлобер сдал экзамен на звание *учителя еврейского казенного училища 2-го разряда* не в 1851 г., а 23 января 1850 г. Что подтверждается, во-первых, возникшей по этому поводу перепиской², во-вторых — аттестатом Готлобера³. Последний документ позволяет уточнить и места его дальнейшей службы: Каменец-Подольское казенное еврейское училище 2-го разряда (1851—1854) и Староконстантиновское казенное еврейское училище 2-го разряда (1854—1865)⁴.

Неверно также указана дата назначения Готлобера в Житомирское раввинское училище, восходящая, как и предыдущая, к старой «Еврейской энциклопедии»⁵, на что в свое время обратил внимание бывший выпускник этого училища, юрист М. П. Шафир⁶. В действительности, согласно документам, Готлобер был «перемещен» в Житомир учителем свода религиозных узаконений 29 июля 1865 г.⁷

Кроме того, дополняя «географический» аспект энциклопедической статьи, сообщим, что после Житомира поэт несколько лет жил в городе Дубно (ныне Ровенской области), что явствует, в частности, из курьезного, на сегодняшний взгляд, свидетельства дубненского полицейского управления (от 2 июля 1874 года), гласящего, что Готлобер явился туда «для удостоверения в нахождении его в живых»⁸.

В заключение, несколько выходя, быть может, за рамки обозначенного жанра, приведем любопытный документ, проливающий свет на те «события» служебной и творческой деятельности поэта, которые остались «за строкой» его биографии:

«Его высокородию господину директору Житомирского еврейского учительского института. Бывшего учителя Житомирского раввинского училища Абрама-Бера Хаимовича Готлобера.

Прошение

В черновой, составленной канцелярией вверенного Вашему высокородию Учительского института, упущены некоторые события из моей службы по учебному ведомству.

1-е. В 1856 году его императорскому величеству благоугодно было удостоить благосклонным принятием написанную и представленную мною по начальству элегию по случаю кончины в бозе почившего императора Николая Первого.

2-е. В 1857 году ко мне препровождена была чрез непосредственного моего начальника пожалованная мне его императорским величеством серебряная медаль за представленные мною по начальству два сочинения в стихах по случаю священнейшего коронавания благополучно ныне царствующего государя императора Александра II. Вместе с тем его императорское величество всемилостивейше повелел объявить мне за сии мои приношения монаршую благодарность.

3-е. В 1858 году г. попечитель Киевского учебного округа, рассмотрев отчет о состоянии еврейских училищ Волынской губернии, поручил объявить мне благодарность за мою усердную службу.

4-е. В 1863 году г. министр народного просвещения поручил г. попечителю Киевского учебного округа объявить мне благодарность за представленный мною ему один экземпляр переведенного и изданного мною сочинения доктора Франкеля «Из Египта»⁹.

5-е. В 1865 году г. попечитель Киевского учебного округа и г. директор училищ Волынской губернии выразили мне свою благодарность за посвященные им мною экземпляры моего сочинения «Критический взгляд на историю караимов»¹⁰.

Все вышеупомянутые случаи внесены, без всякого сомнения, в формулярный о службе моей список, препровожденный г. смотрителем Староконстантиновского казенного еврейского училища 2-го разряда к г. директору Житомирского раввинского училища.

6-е. В 1866 году его императорское величество высочайше повелеть соизволил объявить мне высочайшую благодарность за выраженные мною в стихотворении по случаю 4 апреля¹¹, представленном мною по начальству, верноподданнические чувства.

Желая, чтобы в аттестат, который я имею в настоящее время получить у Вашего высочородия, вставлены были все вышеупомянутые факты, я, представляя при сем документы о действительности вышеизложенного <...>, имею честь, Ваше высочородие, всепокорнейше просить сделать зависящее от вас распоряжение о выдаче мне аттестата с дополнением указанных мною обстоятельств и о возвращении представленных мною при сем документов.

А. Б. Готлобер

1873 года сентября 23 дня
г. Житомир»¹².

Как видно из других документов, это прошение, что называется, возымело действие и было признано подлежащим удовлетворению¹³: в аттестате Готлобера, составленном 27 ноября 1873 г.¹⁴, упущенные дотоле «события» восстановлены.

Новое о Менделе Мойхер Сфориме

Архивные разыскания позволяют дополнить не слишком насыщенную биографическими деталями статью о «дедушке еврейской литературы». Два эпизода, о которых пойдет речь, относятся к «житомирскому» периоду его биографии, продолжавшемуся с 1869 по 1881 г.¹⁵ Первый из них отразился в бумагах Житомирского раввинского училища. Так, в «Журнале входящим бумагам <...> на 1872 г.» под датой 11 февраля зарегистрировано прошение бердичевского мещанина Шулима Абрамовича («паспортные» данные Менделе Мойхер Сфорима) «о исходатайствовании разрешения держать в сем (училище.— *Е. М.*) окончательный экзамен по общим и еврейским предметам на звание раввина»¹⁶.

По заведенному порядку о прошении было доложено попечителю Киевского учебного округа, от которого вскоре поступило «предложение», датированное 17 февраля,— экзамен разрешить, «но обеспечить, чтобы [проситель] был подвергнут строгому испытанию по общим предметам и, если выдержит удовлетворительно, держать и по еврейским предметам»¹⁷.

Хотя в данном случае, похоже, имел место подвох, ведь получившего традиционное религиозное воспитание писателя легче было «завалить» именно по общим предметам, все обошлось. В ноябре 1872 г. он успешно выдержал и те и другие испытания, а протокол и определение педагогического совета училища об их результатах, как видно из того же журнала на 1873 г., без проволочек был утвержден попечителем. Там же имеется и помета о том, что аттестат № 71 был выдан Абрамовичу 4 января 1873 г.¹⁸.

Другой эпизод относится к более позднему времени и связан с попыткой писателя получить место инспектора Житомирского еврейского учительского института, который, как известно, был основан в 1873 г. на базе упраздненного тогда же раввинского училища. Об этом идет речь в отношении попечителя Киевского учебного округа на имя директора института (П. А. Антоновича) от 28 марта 1881 г. Последнему предлагалось представить свои соображения о том, «в какой мере г. Абрамович может соответствовать просимой им должности»¹⁹.

В ответном письме от 2 апреля 1881 г.²⁰ Антонович сообщал некоторые сведения об образовании просителя, в том числе об уже известных нам экзаменах 1872 г. и о его литературной деятельности (в частности, упомянута как «довольно тенденци-

озная повесть» знаменитая «Кляча»). В целом письмо носит уклончивый характер и явно свидетельствует об отрицательном отношении его автора к назначению писателя на второе по значимости место в институтской иерархии. Неудивительно, таким образом, что это место он не получил. В том же году гонимый нуждой Менделе Мойхер Сфорим перебрался из Житомира в Одессу.

Биншток, да не тот

В той же статье о Менделе Мойхер Сфориме читаем: «Рус. пер. романа («Отцы и дети». — *Е. М.*) (изд. в 1867) сделал по рукописи ММС его близкий друг — ученый еврей, преподаватель иудаизма в Житомир. евр. гимназии, еврейско-рус. писатель и видный обществ. деятель И. Л. Биншток (1836—1894)»²¹.

Можно только сожалеть, что в КЕЭ не нашлось места для отдельной статьи о Бинштоке, но еще обиднее, что даже попутное упоминание о нем грешит неточностями. Во-первых, и здесь, и в другом месте в той же статье перепутаны его инициалы: Бинштока звали Львом Моисеевичем²². Во-вторых, в Житомире никогда не было еврейской гимназии. Если имеется в виду все то же раввинское училище, то Биншток в нем только учился. Преподавал же он, как указано в его собственноручном прошении от 16 мая 1873 г. на имя директора Житомирского еврейского учительского института (он тоже претендовал на инспекторское место в нем), в Житомирской мужской гимназии (в 1864—1867 гг.) и в Житомирской женской гимназии (с 1867 г.)²³, но обе они были, разумеется, русскими. И наконец, в-третьих, осуществленный Л. М. Бинштоком перевод романа Менделе Мойхер Сфорима «Отцы и дети» (кстати, в рукописи он озаглавлен «Еврейские отцы и дети») был издан не в 1867, а в 1868 г.²⁴.

Здесь же нелишне будет заметить, что о Бинштоке не грех было бы вспомнить и в статье «Земледелие» как об авторе заметной для своего времени работы «Еврейские земледельческие колонии в 1890 г.» (СПб., 1891; опубликована под псевдонимом Л. Улейников).

¹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. Стб. 204.

² Государственный архив Житомирской области (далее ГАЗО), ф. 71, оп. 1, ед. хр. 963, лл. 9—10 об.

³ Там же. ф. 354, оп. 1, ед. хр. 16, л. 138.

⁴ Там же.

⁵ Еврейская энциклопедия. СПб., [б. г.] Т. 6. Стб. 731. Между тем в «Encyclopedia Judaica» (Jerusalem, s.a. Vol. 7. P. 827—829) обе эти даты указаны верно.

⁶ См.: *Шафир М.* Мои воспоминания // Еврейская летопись. М.; Пг., 1926. Сб. 4. С. 106.

⁷ ГАЖО, ф. 354, оп. 1, ед. хр. 16, л. 138.

⁸ Там же, л. 405.

⁹ Франкль Людвиг-Август фон Гохварт (1810—1894) — австрийский поэт и романист. Речь идет о третьем томе его путевых впечатлений «Aus Aegypten», изданном в 1860 г. Перевод А. Б. Готлобера появился в 1862 г.

¹⁰ Это исследование, названное в оригинале «Vikoreth le-Toledoth Ha-Karaim», было опубликовано с примечаниями известного караимского ученого А. С. Фирковича.

¹¹ То есть по случаю неудавшегося покушения на Александра II Д. В. Каракозова.

¹² ГАЖО, ф. 354, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 133—133 об. и 156 (листы неверно сшиты).

¹³ Там же, л. 135.

¹⁴ Там же, лл. 138—139 об.

¹⁵ Encyclopedia Judaica. Vol. 11. P. 1317.

¹⁶ ГАЖО, ф. 396, оп. 1, ед. хр. 205, л. 9 об.

¹⁷ Там же, л. 11.

¹⁸ Там же, ед. хр. 208, л. 1.

¹⁹ Там же, ф. 354, оп. 1, ед. хр. 17, л. 178.

²⁰ Там же, лл. 177, 180—181 об. (листы неверно сшиты; черновая копия).

²¹ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. Стб. 247.

²² См., например: Еврейская энциклопедия. Т. 4. Стб. 584; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1892. Т. 3. Стб. 295.

²³ ГАЖО, ф. 354, оп. 1, ед. хр. 17, лл. 156—157 об.

²⁴ См.: *Абрамович Ш. Я.* Отцы и дети (Из еврейского быта): Роман // Переделал Л. Биншток. СПб., 1868.

АРХИВ

ПУБЛИКАЦИИ

СИОНИЗМ И КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ 1903 ГОДА

Двадцатый век для евреев Российской империи начался с события, которое, может быть, во многом и определило дальнейший ход новейшей еврейской истории. В апреле 1903 г. в Кишиневе произошел погром, унесший несколько десятков жизней. Ему предшествовала многомесечная форсированная подстрекательская кампания в прессе и организационная работа среди социальных низов этого города. Все это делалось на глазах и при молчаливом согласии властей, видевших в «патриотической» активности масс желанную возможность отвести или по крайней мере отсрочить надвигающиеся социальные катаклизмы.

Публикуемые нами материалы извлечены из листовок и прокламаций, изданных и распространенных сионистскими организациями в 1903 г. и явившихся непосредственными откликами на кишиневскую драму. Одна прокламация («К сионистской молодежи») была отпечатана в Швейцарии. Другая («Чему учит нас покушение Пинхуса Дашевского?») издана в Лондоне. Обе они активно распространялись среди еврейской молодежи России. Первая направлена против классовых иллюзий еврейской социал-демократии, вторая по существу посвящена той же цели, пробуждению национальных чувств. В ней дается национальная мотивация покушению, которое совершил студент Пинхус Дашевский (1879—1934?). 4 июня 1903 г. он нанес ножовое ранение вдохновителю Кишиневского погрома, редактору газеты «Бессарабец» П. Крушевану. Это был первый случай, когда еврей решился на террористический акт не под влиянием идей русского народничества, а движимый желанием отомстить за свой народ. Дашевский был осужден на пять лет и оставался в заключении вплоть до амнистии в 1906 г., он оставался верен идеям сионизма до самого конца своей жизни, которая завершилась в сталинских лагерях.

Публикуемые материалы дают, на наш взгляд, еще одну возможность взглянуть на события кишиневской трагедии и оценить их значение для развития национального самосознания евреев.

К сионисткой молодежи.

Давос. Изд. Группы Сионистов. Июль 1903 г.

Все еврейское население России объято и ужасом и страхом. Еврейская интеллигенция, та среда, которая обыкновенно меньше всего живет интересами и судьбами своего загнанного и

забитого народа, находится, под влиянием событий последних дней, в полном отчаянии. Выбитая страшными зверствами из своего состояния индифферентизма и безразличия к еврейским интересам, эта интеллигенция в смятении спрашивает себя: *что делать?* Это «что делать», которое теперь только и слышится в еврейской жизни и литературе, является страшной моральной пощечиной для известной части еврейской интеллигенции. Если *только* дикие зверства, страшная картина безграничного народного несчастья могли заставить эту интеллигенцию задуматься над судьбами своего народа и ложного своего положения, то она заслужила эту пощечину. Но пусть она хоть теперь, хотя бы в этот момент ужасного разгрома, честно и прямо посмотрит в глаза еврейской действительности и, поняв весь ужас своего положения и судьбы народа, вернется к нему, чтобы вместе с ним бороться за лучшее будущее. Не нужно мудрствовать и искать какого-нибудь хитроумного ответа на вопрос «*что делать?*». Этот ответ давно дан еврейской историей и действительностью. Пусть интеллигенция вернется к своему народу, и народ укажет ей путь, по которому она вместе с ним пойдет к свободе и независимости.

Для нас, сионистов, погром не был такою страшной неожиданностью, как для других элементов еврейства, потому что мы еще не забыли страшных ударов прошлых лет и никогда не относились к еврейскому положению так легко и поверхностно, как представители других течений в еврействе, потому что в еврейских погромах мы никогда не старались видеть «случайного и переходящего явления» и, наученные горьким историческим опытом, с трепетом ждали повторения 80-х годов.

Что нас ужаснуло, так это страшные размеры кишиневской бойни, особенный ее характер, участие в ней почти всех элементов русского общества и те страшные указания на будущее, которые мы не могли не увидеть в кишиневских событиях.

Правда, кишиневский погром нам снова доказал, что единственный и радикальный путь навсегда и с корнем вырвать все ужасы еврейского рабства это тот, по которому мы идем; правда, кишиневские ужасы заставляют нас с еще большей энергией и силой продолжать наше освободительное движение, — но устой народной жизни настолько расшатаны, что мы до тех пор не можем с успехом работать в сионистическом направлении, пока не выясним себе, что нужно предпринять, чтобы хоть как-нибудь оправиться от ужасных ударов страшной катастрофы, и как в

будущем защищать еврейскую честь, жизнь и имущество. Ответив себе на эти *временные* вопросы еврейской действительности, мы должны с удесятенной энергией работать для осуществления сионизма, этого величайшего идеала еврейской истории и радикальнейшего средства сделать повторение «кишиневских», «балтских» и прочих ужасов еврейской действительности невозможным...

Как и всех других, кишиневский погром заставил заговорить и еврейских социалистов на непривычную для них тему о еврейском вопросе и положении еврейского народа. Но они заговорили об этом своеобразно и оригинально. Они не могли не убедиться, что вся их тактика, которую они очень энергично стараются выдать за тактику всего еврейского пролетариата и которая, по их уверениям, должна спасти весь еврейский народ, нисколько не соответствует еврейской действительности. Они не могли не сознать, что кишиневский погром до мелочей подтверждает взгляд сионизма на еврейский вопрос и еврейскую действительность... Если еврейские социалисты были бы настолько же евреями, насколько они социалисты, если бы им были дороги *еврейские* интересы еврейского пролетариата, если бы положение и трагическая судьба еврейского народа их сколько-нибудь занимали, если бы вопрос *русской революции* не был бы для них вопросом важнейшим, то, поняв весь ужас еврейского положения, всю политическую несостоятельность и шаткость своей программы, они сами первые заговорили бы о еврейском освобождении, сами первые подняли бы национальное еврейское знамя. Но в том-то и дело, что еврейские социалисты *пользуются* своим еврейским именем и «национальной» программой только для успехов пропаганды, которая ведется исключительно во имя и на пользу русской революции, в том-то и дело, что еврейские социалисты не только нисколько не заботятся о судьбе своего народа, *но готовы все его интересы принести в жертву русской революции.*

Самый животрепещущий и важный — это вопрос о том, как встретить вероятное повторение погромов? Что это повторение вероятно, почти для всех ясно. Нечего себя напрасно утешать тем, что погромы вовсе больше не повторяются, а если повторяются, то еще неизвестно когда, где и с какой силой. Пора уже отделаться от этих бессмысленных надежд и ни на чем не основанного

оптимизма. Лучше пессимистически ожидать погромов постоянно и повсюду и быть готовыми отпарировать удары, чем надеяться бог весть на что и после погромов охать и вздыхать. *Погромы могут повториться и, вероятно, повторятся.* Вопрос теперь не в том, как «научно» доказывать, что для погромов нет «почвы», а в том, как подготовиться к энергичному отпору их. В чем же выразится отпор этому страшному народному несчастью? Не в борьбе с антисемитизмом или распространении просвещения среди темной и невежественной русской массы мы видим средство предупредить повторение кишиневской бойни, а исключительно в вооруженной защите еврейской чести, жизни и имущества. Вооруженная народная самооборона — это наш лозунг, это наша надежда!

«Довольно искать защиты извне, возлагать свои упования только на прогресс, на лучших людей, на заступничество законов и правительств. Самая прочная наша надежда — это наши собственные силы».

Чему учит нас покушение Пинхуса Дашевского?

4-го июня настоящего года Пинхус Дашевский покушался на жизнь редактора «Знамени» и «Бессарабца», Паволакия Крушевана. После ужасов и позора, пережитых нами за последнее время, после тех ран, которые нанесли сердцу каждого еврея «Кишиневские дни», после той тревоги, которую переживала еврейская масса в немом ожидании дальнейших зверств, насилий и издевательств, после той апатии и растерянности, которую проявила даже лучшая часть еврейства,— это событие было встречено многими с нескрываемой радостью.

В нем чувствовалось некоторое удовлетворение, нечто новое, освежающее, как дождь в летний зной. Во многих местах этот поступок был встречен с энтузиазмом, выразившимся в адресах и приветствиях, в других слышались простые одобрения, хотя и несколько сдержанные, были и такие, которые порицали этот поступок и его виновника.

Лишь теперь, когда мы можем смотреть на это событие со стороны, когда «друзья» и «враги» уже успели высказаться и страсти улеглись,— теперь можно подойти к нему со спокойной объективностью, чтобы исследовать мотивы, понять смысл и следствия, вытекающие из этого факта для нашей дальнейшей работы.

Начнем с действующих лиц. Перед нами Пинхус Дашевский — юноша мягкого и отзывчивого характера, чуткий и восприимчивый. По своим общественным симпатиям он считал себя сионистом, хотя и не принадлежал к официальной организации, которая, как известно, считает своей единственной задачей «создание правоохраненного убежища», и, поэтому, провозгласила лояльность основным принципом своей внутренней политики; она очень далека не только от террористических актов, но и вообще от всякого протеста против гнета и насилия, вытекающих из общего строя.

С другой стороны, Крушеван является одним из тех гнуснейших представителей русского юдофобского общества, которые сделали из антисемитизма свой конек, из разнузданной пропаганды травли, преследований и насилий над евреями — ремесло; из призывов к законодательным ограничениям и общественному бойкоту еврейской массы — выгодную карьеру.

На предварительном следствии Пинхус Дашевский заявил, что он приехал с намерением убить Крушевана, чтобы отомстить за Кишиневскую резню. Очевидно, здесь нам и нужно искать объяснения этому покушению. Не за его «направление», если только применимо это слово к литературно-скандальному шествию Крушевана, над ним произнесли этот суровый приговор, а за его участие в тех кровавых событиях, которые нанесли удар всему русскому еврейству и возмутили общественную совесть.

...В лице Крушевана Дашевский хотел сразить не только антисемита, ярого врага еврейства, но и правительственного агента: это покушение имеет известный политический оттенок. И правительство это прекрасно поняло! Оно все время деятельно разыскивало сообщников. Министерство внутренних дел сделало все, чтобы раздуть политический процесс и передать его, если не военному суду, то по крайней мере суду сословных представителей, но отсутствие всяких путей не дало ему возможности помешать той комедии, которая называется русским правосудием; тогда министерство настояло хоть на том, чтобы дело слушалось при закрытых дверях во избежание общественного скандала.

Дашевский не один, за его спиной стоят густые колонны, чутко прислушивающиеся к тому, что происходит, и воспринимающие все живое, честное, смелое и решительное. Он, может быть, не убедит наших врагов, но заставит их призадуматься, заставит их с уважением относиться к самоотвержению и герой-

ской решимости своего поступка и заставит, таким образом, считаться и с еврейским народом.

Наконец, и это самое важное, здесь есть глубокий протест против общей трусости и рабства, к которому приучили евр. массу правительство, евр. буржуазия и наши оракулы-мудрецы, проповедники еврейского смирения. Не политикой рабских ходатайств, депутатий и подкупов можно защитить свою жизнь, честь и свободу, завоевать лучшую будущность, как учили еврейскую массу до сих пор ее лжепророки из сытых и довольных, сильных и мерзких, а с оружием в руках, с верой в свою силу, в правоту своего дела, в справедливость своих требований, [в] мощь евр. гения и в торжество лучших человеческих идеалов, нужно открыто и смело протестовать против гнета и насилия и бороться с врагом, откуда бы он ни являлся. Не оставлять позицию врагу, отчаявшись в возможность борьбы, как думают сионисты мелкобуржуазного лагеря; не бороться на почве исключительно общих начал, за общечеловеческую свободу, как думают еврейские социал-демократы старого ассимиляторского типа, но на почве своих национальных требований — выступать как активная сила в защиту своих национальных прав и человеческого достоинства.

В этом заключается глубокий внутренний смысл покушений и ключ к пониманию наших задач ближайшего будущего.

Предисловие и публикация В. КЕЛЬНЕРА.

«ОБЪЕКТИВНО СОЗДАВАЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА». ЕВРЕЙСКИЕ МЕСТЕЧКИ В 1920-х ГОДАХ

В личном фонде Нафталя Марковича Фридмана в ЦГИА Украины содержится уникальный в своем роде документ, озаглавленный в описи «Докладная записка А. Брагина об ухудшении экономического положения еврейского населения СССР» и датированный 1922 г.

Н. М. Фридман был адвокатом, общественным и политическим деятелем, депутатом III и IV Государственных дум. По роду своих занятий он собирал различные материалы об антисемитизме, о правовом, экономическом положении евреев в Российской империи и в Советском Союзе первых послереволюционных лет (до 1925 г.). Поэтому, вероятно, он сохранил и публикуемую ниже «Записку». Ее автор Абрам Григорьевич Брагин (1893—1937) — большевик, публицист и общественный деятель. В 1920-х был членом редколлегии газеты «Правда», в 1923 г. — заведующий Всесоюзной сельскохозяйственной выставкой (позднее известной как ВДНХ). В 1924 г. в соавторстве с М. Е. Кольцовым выпустил брошюру «Судьба еврейских масс в Советском Союзе». Член президиума ОЗЕТа, с 1927 г. — член редколлегии издававшегося ОЗЕТом журнала «Трибуна советской еврейской общественности». Известен А. Брагин и своими выступлениями против «Биробиджанского проекта» в конце 1920-х.

Как видно из «Записки», причины бедственного экономического положения советских евреев Брагин объяснял не только последствиями погромов и гражданской войны, но и подрывом основ еврейского хозяйствования (частной торговли и ремесел). Вряд ли стоит напоминать, что именно торговля и ремесла столетиями были основными занятиями большинства евреев Восточной Европы. Поэтому экономическая политика большевиков, запретивших в период военного коммунизма (1918—март 1921 г.) частную торговлю, а в период нэпа (март 1921—1929 г.) допускавших ее в ограниченных масштабах, сильно ударила по экономическому положению еврейского населения СССР. Особенно эта политика касается ситуации в еврейских местечках, где тогда было сосредоточено большинство еврейского населения: при отсутствии в местечках крупных промышленных предприятий круг профессий для местного населения был весьма ограничен и сводился именно к ремесленничеству и торговле. Трудно согласиться с А. Брагиным в его утверждении относительно «отмирания ремесла» вследствие

развития крупной промышленности. Другое дело, что режим делал все, чтобы заставить отмирать ремесло. В период военного коммунизма были национализированы не только крупные и средние предприятия, но и многие ремесленные мастерские. А в период нэпа государство облагало ремесленников и торговцев неподъемно высокими налогами, делая экономически невыгодным их труд. Более того, ремесленники и торговцы объявлялись «нетрудовыми элементами», и было соответствующим отношение к ним.

Не сомневаясь в правильности проводимой советским режимом экономической политики, А. Брагин в своей «Записке» предлагал ряд мер для улучшения экономического положения еврейского населения СССР. Он искал выход из создавшегося положения в руководстве «хозяйственной жизнью еврейской нации», для чего предполагалось назначить специальных «ответственных партийных работников».

Утопичность взглядов автора «Докладной записки» доказали последующие десятилетия советской истории. Но все же одно предсказание А. Брагина, к несчастью, сбылось — это вывод об экономической обреченности еврейских местечек. Массовая миграция еврейской молодежи в поисках работы из местечек в крупные города началась еще в 1920—1930-е и продолжалась (в лице тех, кто пережил Катастрофу) после второй мировой войны. Сегодня во многих местечках, где до революции евреи составляли абсолютное большинство населения, осталось несколько сотен или десятков евреев, а в некоторых еврейского населения нет вообще.

Как знать, если бы не радикальные социальные эксперименты советской власти, возможно, и история еврейских местечек была бы иной и имела бы свое продолжение и в наши дни.

Докладная записка

Экономическое положение еврейских масс СССР ухудшается с каждым днем.

Это ухудшение тем тяжелее, что оно вызывается ростом экономического благополучия нашего Союза. Каждый шаг вперед советской экономики — есть в то же время шаг назад экономики еврейских масс. Еще более тяжелы перспективы.

Хозяйственное будущее СССР — есть будущее только серпа и молота, а потому все слагаемые еврейской экономики неминуемо идут к уничтожению; и не только тенденция к уничтожению, но и реальные результаты его уже налицо.

Частная торговля местечек и уездных городов убита. Посредничество также. Ремесло отмирает. Ряд мелких специфических профессий, обслуживающих торговцев, посредников, ремесленников, сам собой должен будет ликвидироваться. Количество

евреев-служащих уменьшается. (Украинизация, белорусификация аппарата, приближение аппарата к деревне и т. д.)

Земледельцев у евреев почти нет. Рабочих от станка — также (единицы процентов).

Таким образом, **большая часть еврейского населения СССР обречена на экономическую гибель.**

Нас интересуют лишь сплошные массы еврейской бедноты в местечках бывшей черты оседлости, а не евреи крупных городов, у которых есть и должна быть одна экономика и одна судьба с остальным населением соответствующей группы.

В настоящее время острота положения усугубляется тем, что нет ни одного государственного органа, который специально бы занимался вопросами еврейской экономики.

Всесекция — есть лишь одна из секций Агитпропа ЦК. Отдел нацменьшинств при ЦИКах имеет перед собою группу разнородных задач и не может подойти вплотную к руководству повседневной жизнью, тем более хозяйственной жизнью целой нации, требующей специфического подхода и специального внимания.

Организовавшийся недавно Комитет содействия земельному устройству трудящихся евреев занимается лишь небольшой частью вопроса, связанного с судьбой еврейских масс СССР, — вопросом переселенческим.

А речь идет об одной из больших национальностей СССР, с населением в 3—3,5 миллиона человек. Речь идет об одной из самых сложных и чрезвычайно своеобразных проблем.

Поднятый мною в прошлом году пред высшими партийными и советскими органами вопрос о переводе части еврейского населения СССР на землю — рассмотрен и разрешен положительно.

Это начинание могло иметь историческое значение, если бы оно явилось первым и основным звеном в общей борьбе за лаборизацию еврейских масс, если бы оно вызывало к жизни активность советско-еврейской общественности, если бы оно расширило круг партийных работников, интересующихся еврейским вопросом, если бы оно, наконец, увязало нас с той частью еврейской общественности других стран, которая может и должна сменить вехи.

Пути же, по которым пошел вопрос о еврейском земледелии, в настоящее время говорят о том, что это историческое начинание может выродиться в лучшем случае в небольшую экономическую меру местного значения. Ибо, если из 3—3,5 миллиона населения

несколько десятков тысяч будет устроено на земле (это будет население, равное двум большим русским деревням), то это не только не облегчит остроты еврейского вопроса в целом, но, наоборот, может бессознательно успокоить заботы партии и советской власти о еврейской бедноте.

На местах, кроме объективно создавшейся экономической катастрофы, часто положение еврейских местечек осложняется неправильным подходом местной власти к еврейскому населению как к исключительно нетрудовому элементу. Нищета в настоящем и отсутствие каких-либо лучших перспектив в будущем не заслоняют «вины» еврейских масс во вчерашней, чрезвычайно мелкой и порой вынужденной торговле.

Весьма остро стоит также вопрос о налогах. На мое обращение по этому вопросу в НКФ (наркомат финансов) я получил ответ зам. наркомфина Левина, что он также считает вопрос о налогах в еврейских местечках весьма мало изученным, что он сознает необходимость облегчения налогового бремени среди этого, в огромном количестве безработного, населения, на что, к сожалению, в распоряжении НКФ нет цифровых данных, по которым можно было бы ставить этот вопрос на разрешение.

Это отсутствие цифровых данных, связанных с жизнью евреев в СССР, делает невозможной какую-бы то ни было работу в интересах этого населения.

О настроениях местечковых еврейских масс не приходится говорить, ибо «бытие обуславливает сознание». Но, к сожалению, это настроение не кучки национального кулачества, которым можно было бы пренебречь, а миллионов, вчера гонимых, нищих, жизненные интересы которых являются родными интересами единственной в мире власти трудящихся и бедноты.

Положением еврейских масс в СССР объясняется, главным образом, и то обстоятельство, что евреи Западной Европы и особенно Америки являются всегда столь активными союзниками самых гнусных врагов нашей Советской страны.

Необходимо:

В срочном порядке произвести обследование положения еврейских масс в СССР. Это обследование может быть произведено ЦСУ (хотя бы выборочным методом) по заранее разработанному плану, который даст возможность всесторонне выявить картину жизни евреев в СССР.

Необходимо:

Срочно обсудить вопрос об органах руководства жизнью

еврейских масс в нашем Союзе (прежде всего, конечно, руководства их экономикой).

При огромном международном значении этого вопроса (значении принципиальном), разрешении неразрешенного вопроса (политическом и экономическом), при тяжести настоящего экономического положения еврейских масс и мрачности перспектив — еврейское население должно иметь, при одном из руководящих органов страны, и свой орган. Оно должно иметь ряд ответственных партийных работников, которые посвятили бы себя исключительно вопросам еврейской экономики, разработали и проводили бы в жизнь план борьбы против неминуемой экономической гибели еврейской бедноты. Общее руководство еврейским вопросом в СССР должно быть передано одному из ответственных членов ЦК (не еврею), который был бы исключительно занят судьбами 3,5 миллиона еврейского населения СССР. План организации такого органа, ввиду его сложности, будет мною представлен в месячный срок со дня признания его необходимости.

В дни РСФСР и СССР, в дни мира на Кавказе, в дни национального размежевания Туркестана, с особой автономией для таджиков и киргизов, в дни организации комитета по охране кочевников Севера — и еврейский вопрос в СССР должен быть поставлен на повестку дня национальной политики Советской власти и соответственно разрешен.

В настоящей докладной записке мы не указываем отдельных мероприятий по спасению еврейской бедноты, ибо прежде всего необходимо установить:

1) Что говорят цифры о положении евреев в СССР (пока цифр нет).

2) Кто руководит жизнью (буднями, сложными и своеобразными) еврейских масс в СССР (пока такого руководства нет).

Недавно закончившееся почти десятилетие (1914—1922 гг.) было для евреев десятилетием **истребления**.

Грядущие годы не могут стать для них годами экономического вырождения. Октябрьская страна и наступающий расцвет жизни всех без исключения остальных народов Советского Союза — этого допустить не могут.

А. Брагин.

Вступительная заметка и публикация В. ХИТЕРЕР.

А. Найман

ЕВРЕЙСКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА УКРАИНЕ В 1930-е ГОДЫ

Большинство еврейских сельскохозяйственных поселений на Украине, многие из которых были созданы еще в начале XIX в., были разгромлены в годы гражданской войны. Крестьяне бежали в города, а кто имел возможность — за границу. Новые поселения возникали в относительно спокойном Крыму. В 1921—1922 гг. там были созданы земледельческие объединения «Кадима», «Ахдут», «Бейт-Лехем» и другие. В 1923 г. появились коммуны «Тель-Хай», «Га-Мишмар» (в районе Джанкоя), «Хак-лай» (недалеко от Евпатории) и другие. В 1924 г. таких коммун было уже 18. В них работало 1600 еврейских крестьян.

После создания Общества землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) и Комитета для этих же целей (КОМЗЕТ) число евреев-земледельцев на Юге Украины и в Крыму продолжало расти. Были образованы еврейские сельсоветы и районы. К 1930 г. только в Крыму было 5151 еврейское виноградарское и хлеборобское хозяйство. Они обрабатывали 141928 гектаров земли, имели 405 тракторов и 4 тыс. грузовых автомобилей, много скота, в том числе свыше 85 тыс. коров.

В конце 20-х гг. численность евреев-крестьян на Украине превысила 100 тыс. человек. Их начали объединять в колхозы, но значительная часть хозяйев относилась к этому весьма критически. Тем не менее под давлением Евсекций и КОМЗЕТА к 1931 г. 95% еврейских хозяйств вошли в колхозы. Показатель коллективизации у евреев был самым высоким среди крестьян национальных меньшинств Украины. У немцев он составлял 79%, болгар — 78,5%, греков — 74,2%.

О причинах столь интенсивной коллективизации еврейских хозяйств свидетельствуют документы 1928 г. В письме председателя Всеукраинского правления ОЗЕТА секретарю ЦК КП(б)У Любченко сообщается о бедственном положении еврейских хозяйств в июне 1928 г.¹ В результате отсутствия резервов еврей-

крестьяне голодали. Такое положение сложилось, в частности, в Запорожском районе вследствие недорода, гибели озимых.

Из Гуляйполя в УкрКОМЗЕТ (Харьков): «Переселенцы буквально голодают»². УкрКОМЗЕТ — Наркомторгу: «Создалось очень тяжелое положение, особенно с питанием, поскольку переселенец-еврей, как не хлебороб в прошлом и как бедняк в своем большинстве, не имеет никаких запасов»³.

Из докладной записки заведующего Евсекцией ЦК КП(б)У: «...на Еврейских переселенческих фондах создано в высшей степени тяжелое положение. Люди также в буквальном смысле голодают. Значительное количество семей уже неделю кормятся суррогатами... Это грозит полнейшей катастрофой для всего еврейского населения»⁴.

Проведя массовую коллективизацию, власти приступили к грабежу колхозов. Колхозы еще не успели крепко встать на ноги, а уже были вынуждены платить большие налоги, выполнять высокие планы хлебосдачи, которые возрастали с каждым годом. Если в 1929 г. хлебосдача составляла 4,74 центнера с гектара, то через два года надо было сдавать уже по 6 центнеров с гектара. Назначение норм хлебосдачи независимо от уровня урожая привело к тому, что многие хозяйства не могли их выполнять, а крепкие колхозы оказались на грани краха.

В 1932—1933 гг. хлебозаготовка возросла настолько, что во многих хозяйствах почти не осталось зерна для собственных нужд. Несмотря на это представители КОМЗЕТов и местных властей ходили по домам и забирали последнее. В еврейских и других колхозах начался голод.

Власти требовали все больше и больше зерна. Заседания райисполкомов все больше походили на совещания в следственных органах. В протоколе заседания еврейского Ново-Златопольского райисполкома (17.9.1932) «О ходе молотбы и выполнения сентябрьского плана хлебозаготовок» отмечалось, что «колхозы грубо нарушили директивы партии и правительства о борьбе с потерями, не мобилизовали всех сил и возможностей для сбережения хлеба». Вывод был сформулирован по-чекистски: «Передать следственным органам дело на правление артели «Соц. Дорф» за безобразно допущенную затыжку в уборке копен с поля... Отметить недопустимо преступное отношение к... использованию автомашин при вывозке хлеба со стороны председателя коммуны Эмес тов. Ходоса и председателя артели Дзержинского тов.

Вайсмана, что мы расцениваем как безответственность и искусственную задержку выполнения плана хлебозаготовки, предупредить их, что в случае повторения этого будут приняты самые решительные меры как за срыв выполнения плана хлебозаготовки»⁵.

Битва партии с колхозниками за хлеб вступала в решающую стадию. Меры ужесточались, и власти забирали последнее. Об этом можно судить по протоколу того же РИК от 23.11.1932 г. «О мерах усиления хлебозаготовок по району»⁶. В связи с тем, что срок выполнения плана хлебозаготовок был установлен 1 декабря 1932 г., РИК постановил: «...запретить какую бы то ни было выдачу натуральных авансов во всех колхозах, не выполнивших годовых планов хлебозаготовок... Сельсоветам организовать изъятие у отдельных колхозников и индивидуальных хозяйств раскраденного в колхозах хлеба... изъятие в первую очередь проводить у лодырей, рвачей и деклассированного элемента, имеющих малое количество трудодней... Занести колхоз на черную доску с изъятием у них всех наличных промтоваров и прекращением в дальнейшем завоза товаров. Наложить штраф на этот колхоз (еврейский колхоз им. К. Либкнехта.— *А. Н.*) по дополнительной сдаче мяса государству... В отношении колхоза «Форойс» применить следующее: а) отобрать все наличные натуральные фонды за исключением семенного фонда на выполнение плана хлебозаготовок; б) предупредить колхоз «Форойс», что если в ближайшие дни не будет сделан решительный перелом в выполнении плана хлебозаготовок ...будет поднят вопрос перед облисполкомом о перечислении из семенного фонда на выполнение плана хлебозаготовок; в) председателя этого колхоза за саботаж хлебозаготовки передать суду».

Через пять дней Ново-Златопольский РИК, рассмотрев вопрос «О состоянии выполнения хлебозаготовок по (еврейскому.— *А. Н.*) колхозу «Красный Бессарабец», постановил:

«1. Все имеющиеся натуральные фонды за исключением посевного материала обратить на выполнение плана хлебозаготовок.

2. Произвести по колхозу «Красный Бессарабец» возвращение незаконно розданного хлеба колхозникам в порядке натурального аванса и обратить его на выполнение плана хлебозаготовок. Возвращение незаконно розданного хлеба провести в первую очередь у членов правления колхоза.

3. Выявить виновных в разбазаривании и незаконной выдаче хлеба и привлечь их к судебной ответственности»⁷.

Столь же драконовские меры были приняты по решению Президиума Ново-Златопольского РИК 18.12.1932 г. к колхозу «Фойтер Поер».

«1. Просить облисполком занести колхоз «Фойтер Поер» на черную доску со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2. Провести в колхозе возвращение неправильно розданного хлеба колхозникам в порядке натуральных авансов.

3. Передать суду бывшего председателя колхоза тов. Косева и счетовода тов. Эйдельмана, немедленно произвести арест их»⁸.

Последствия массового грабежа колхозов были трагическими. В некоторой степени они нашли отражение в прессе и документах того времени. Харьковская газета «Дер Штерн» в феврале 1932 г. констатировала отсутствие у еврейских колхозов Херсонщины хлеба даже для своих колхозников. «Во многих семьях люди голодают»⁹, — сообщала печать. В марте «Дер Штерн» сообщала: «Во многих хозяйствах Сталиндорфского района планы хлебозаготовок за прошлые годы до сих пор не выполнены. Эти хозяйства не готовы к сеvu...»¹⁰

Осенью 1932 г. критическое положение сложилось в Долинском, Межицком и Новопражском районах Днепропетровской области, Миропольском, Семеновском и Чернуховском районах Харьковской, Зиновьевском и Новодмитровском районах Одесской областей. В то время на территории этих районов было свыше 20 еврейских сельхозартелей. Многие еврейские колхозы перечислены в постановлении СНК УССР от 21 мая 1932 г. как наиболее пострадавшие от голода.

В докладной записке Винницкого обкома партии ЦК КП(б)У «О продовольственных трудностях в области и мерах по предотвращению помощи голодающему населению» (18.3.1933) отмечено, что «в Чуднове в еврейской школе имели место два случая смертности детей на почве недоедания... Еще хуже положение деклассированной бедноты, в частности еврейской, в местечках области, среди которой отмечено немало случаев опухания на почве недоедания и смертности»¹¹.

«Сводка информационного сектора оргинструкторского отдела ЦК КП(б)У о фактах голода и недоедания в отдельных областях республики» свидетельствует: «В Сталиндорфском районе положение колхозников по Ворошиловскому (еврейскому). —

А. Н.) сельсовету отчаянное, люди перестали просить помощь, лежат в холодных нетопленных домах и ждут смерти. По сельсовету отмечено 14 случаев смерти от голода. В этом же сельсовете у колхозника Бравермана в хате лежит 4 детей в возрасте от 5 до 10 лет, не двигаются, опухшие, с открытыми ранами, что говорит о том, что они разлагаются живьем»¹².

Несмотря на строжайшую секретность, о голоде в еврейских колхозах и местечках, лишенных централизованного снабжения продовольствием, стало известно во многих странах. Об этом писали газеты Польши, США и других стран. Представители еврейских организаций Польши, Америки, Франции и Англии стремились помочь голодающим и обращались к украинским властям с просьбами разрешить им приехать на Украину. Однако представители партии и правительства заверяли, что никакого голода нет, и разрешений на въезд не давали.

Весной 1933 г. умирали от голода жители Бердичева, Житомира, Умани, Белой Церкви, Фастова, Проскурова, где было многочисленное еврейское население. По официальным данным, только в феврале 1933 г. в Киеве было подобрано на улицах 918 трупов евреев, умерших от голода.

В 1936—1937 гг. почти все активисты КОМЗЕТов были репрессированы. К этому времени численность еврейских сельхозартелей на Украине уменьшилась более чем на 30%, а количество еврейских крестьян сократилось в 2,5 раза. Оставшиеся хозяйства были разрушены во время второй мировой войны.

---

¹ Архив ЦК КПУ, ф. 1, оп. 20, д. 2689, лл. 11—12.

² Там же, л. 10.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 7.

⁵ ЦГАОР Украины, ф. 1, оп. 8, д. 311, лл. 319—320.

⁶ Там же, лл. 305—306.

⁷ Там же, л. 302.

⁸ Там же, л. 299.

⁹ Дер Штерн. 1932. 8 февр.

¹⁰ Там же. 12 марта.

¹¹ Голод 1932—1933 років на Україні очима істориків і мовою документів. Київ, 1990. С. 450—452.

¹² Там же. С. 478.

Р. Зайчик

СОЮЗ «АХИМ» («БРАТЬЯ»). ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Нетособой необходимости описывать период конца 20-х — начала 30-х гг. в России. В эти годы началась массированная атака на религию, начались притеснения религиозных деятелей всех конфессий, заканчивалась борьба с нэпом и нэпманами, в категорию которых попали многие ремесленники и кустари-одиночки, и начиналось активное так называемое раскулачивание, то есть уничтожение лучшей и работоспособной части земледельцев. Даже маленький огород около дома мог служить доказательством обвинения в кулачестве. Формы борьбы и, главное, ее итоги не отличались большим разнообразием. Все заканчивалось моральным и физическим истреблением «врагов социалистического строя и социалистического образа жизни». Об этом периоде советской истории сейчас написано много. Каждый из живших в то время (и чудом переживший его) вспомнит и костры из еврейских книг, которые велели приносить из своих домов всем пионерам и школьникам-евреям (так что приоритет в сжигании еврейских книг в XX в. отнюдь не у немецких фашистов), и как третировали, снимали с работы, исключали из «школы коммунизма» — профсоюзов (что по тому времени было суровым наказанием, которое было чревато тяжелыми последствиями) за исполнение самых элементарных обрядов, например за участие в ритуале при похоронах родителей (я знаю несколько таких случаев). О последствиях такого рода «преступлений» для членов большевистской партии я уже и не говорю. Даже ношение бород уже рассматривалось как враждебное советской власти поведение. Но моя цель сейчас не просто рассказать об ужасах тех лет, а вспомнить небольшой с точки зрения истории страны эпизод, освещающий одну из малоизвестных страниц жизни определенной части еврейского населения Москвы.

В это время многие евреи — жители местечек покидали родные места, где они родились и выросли, где жили их родители,

деды и прадеды, бросали на произвол судьбы свои дома, нажитый скарб и находили спасение, оседая в местах, где их никто не знал, меняя при этом не только образ жизни, но зачастую и образ мыслей. В принципе это было характерно не только для евреев, и, быть может, в этом — одна из причин массовой миграции населения России в 20-х гг., которая потом уже была вызвана голодом и т. п. Многие евреи поселились в Москве, в других крупных городах, где с трудом находили какую-то работу и жилье.

Помимо физических и материальных лишений, эти люди, спасшиеся от арестов и высылки, были задавлены морально. Они лишились того нравственного климата, в котором росли и воспитывались, общества и среды, где их знали и где они занимали определенное положение, иначе говоря, того тыла, который нужен каждому человеку. В новых местах проживания они ощущали себя потерянными, даже если формально и не были лишенцами (в силу происхождения, рода занятий и т. п.).

Рвались семейные связи (что тоже было следствием определенной политики), существовала тенденция отрыва детей от родителей. Такая атмосфера не могла не вызывать серьезных размышлений о собственном будущем, особенно у верующих людей, которые боялись не только проявить свой образ мыслей, но и страшились смерти, беспокоясь о том, чтобы быть погребенными, как евреи. Понятно, как это важно для любого верующего человека.

И вот под влиянием этих настроений и мыслей, движимые желанием по возможности что-то предусмотреть в этой жизни и обеспечить достойный уход из нее, группа московских евреев собралась в синагоге в Марьиной роще. Не могу вспомнить точную дату этого собрания. Помню лишь, что это было в самом начале 30-х гг. На первом собрании присутствовало около 60 человек во главе с одним из руководителей Марьинорощинской общины — габаем Реуеном Витенбергом. В повестке дня был всего один вопрос — тот, о котором я упоминал выше.

В результате недолгого обсуждения (не было оппозиции!) было принято решение о создании объединения, союза (на иврите «хавура») «Ахим» («Братья»), основной задачей которого было выполнение (в организационном плане) печального долга перед своими членами.

На этом же собрании было выбрано правление, куда вошли Реуен Витенберг, Симха Шехтер, Авраам Рапопорт, Лейзер

Злотник и Яков Сущик. Последний был избран председателем правления.

Присутствовавшие решили обратиться к моему отцу — раввину Авроому Гакоену Зайчику — с просьбой составить устав союза. Отец выполнил эту просьбу.

В нашей семье среди многих документов сохранилась рукопись черновика устава, написанная лично отцом (см. прил. 1). Устав включал 55 пунктов. Практически это был комплексный документ, в котором были четко сформулированы задачи союза и очерчена его структура, а также приводилась подробная программа работ. Я не исключаю, правда, что эта работа была выполнена отцом заранее по просьбе кого-то из организаторов союза и уже к первому собранию документ был составлен и — более того — там же и утвержден.

Впоследствии в состав союза вошли многие люди, и он насчитывал около 300 членов (в различные годы число их, естественно, менялось).

Главную свою задачу союз видел, как уже упоминалось, в организации похорон по религиозному обряду. Члены союза принимали на себя обязательство выполнения последнего долга перед своими членами в полном объеме. Но этим, конечно, задача не исчерпывалась. В течение года, точнее 11 месяцев, по покойному произносили молитву «кадиш», причем выполнение этой обязанности осуществляли по месяцам. Распределял эту нагрузку и строго следил за ее исполнением Яков Сущик.

На тех, кто не мог ежедневно ходить в синагогу, возлагалась обязанность изучать соответствующие разделы Мишны в память об усопшем. За этим тоже наблюдал Яков Сущик.

Конечно, с полным соблюдением всех традиций и канонов отмечались и годовщины смерти (йрцайтх). Практически это соблюдалось впоследствии многие годы.

За счет союза ставились памятники на могилах, причем многие, кто мог, заранее сдавали определенные суммы для этого. Здесь следует отметить не только абсолютную добровольность взносов, но и абсолютную бескорыстность всех причастных к финансовой деятельности. Долгие годы кассиром союза был Бенцион Лисук, честность которого была вне всяких сомнений. Вообще, надо сказать, общественные деятели тех времен были на редкость порядочными людьми. О присвоении копейки из общественных фондов не могло быть и речи; люди скорее отда-

вали свое, делая это сознательно и искренне и руководствуясь самыми высокими соображениями.

Довольно большую статью расходов составляла помощь вдовам и детям. Руководством союза были составлены списки нуждающихся и велся строгий учет расходующихся средств.

Члены правления союза собирались ежемесячно, как правило, в первый день месяца (рош ходеш). Заседания чаще всего проводились на квартирах у Симхи Шехтера или Лейзера Злотника. На эти заседания приходили либо просто желающие члены союза или желающие вступить в него, либо те, у кого были какие-то просьбы, проблемы. Некоторых вызывали для дачи поручения или получения помощи (хотя чаще всего, говоря протокольным языком, это делалось в рабочем порядке).

Ежемесячно заканчивалось изучение какого-то раздела Мишны или Гемары (сиком). Это отмечалось довольно торжественно, были яркие выступления на соответствующие темы. На этих сиюмах всегда с часовой речью выступал мой отец. В семейном архиве хранятся тексты многих выступлений моего отца по этим поводам (прил. 2).

В союзе был установлен обычай: один раз в год, в месяце кислев, перед праздником хануки все члены союза постились, произносили специальную молитву (слихот), прося прощения у покойных, если не могли в полной мере воздать им должные почести, а вечером после вечерней молитвы устраивали специальную трапезу.

Общие собрания всех членов союза проводились один раз в год.

Естественно, что общие цели членов союза способствовали и развитию контактов между ними в различных сферах деятельности и общественной жизни. Люди оказывали друг другу братскую помощь, причем не всегда ждали соответствующих просьб. Но каждый по мере возможности делал для другого то, что мог. Помню, например, что один из членов союза, Моше Мошкович, имевший в годы нэпа частную пекарню, продолжал начатую им когда-то традицию каждую пятницу снаряжать и направлять в синагогу подводу, на которой было несколько корзин с халами для раздачи всем желающим на субботу. К тому времени он работал пекарем в бывшей своей пекарне и поставлял халы за счет своего заработка.

Я не случайно назвал оказываемую помощь братской. Многие

члены союза даже не называли друг друга по имени, а использовали обращение «брат» (на идише: «брудер»). Само это уже определяло уровень взаимоотношений между людьми, столь разными по происхождению, образованию, уровню интеллекта.

Все это, безусловно, помогло какой-то части евреев выстоять в суровые 30-е гг., способствовало укреплению их духа.

Деятельность союза хотя и не скрывалась, но и не афишировалась. Удивительно, но она как-то прошла мимо внимания властей, или, что более вероятно, они были хорошо информированы об истинной ее цели и не нашли в ней ничего криминального. Во всяком случае, союз никогда не фигурировал в качестве антисоветской организации, а членство в нем никогда не вменялось в вину даже репрессированным в те годы.

Деятельность союза в полном объеме продолжалась фактически до войны. После войны мало кто остался: люди погибли на фронтах, умерли в эвакуации, некоторые погибли на оккупированной территории, оказавшись там перед самой войной.

Но оставшиеся в живых по мере возможности все же продолжали традиции союза. Так, по сохранившимся спискам отмечали годовщины смерти членов союза. И когда кто-либо умирал, делали все возможное для организации похорон.

Помню одну из последних печальных страниц в истории «Ахим». Было это в 50-е гг. После сердечного приступа в синагоге в больницу (напротив синагоги, в Спасоглинищевском переулке) был доставлен упомянутый Моше Мошкович. Он скончался в четверг вечером. И тогда один из оставшихся в живых членов «Ахим» Авраам Рапопорт, проявив настойчивость и, если угодно, смелость, выкупил (!) из больничного морга тело усопшего (во избежание вскрытия, запрещенного по еврейскому закону) и перенес его в существовавшую тогда пристройку во дворе синагоги. В воскресенье Мошкович был похоронен по религиозному обряду.

Скончавшийся через некоторое время сам Авраам Рапопорт был последним их действовавших членов союза «Ахим». Оставшиеся после него в живых некоторые члены союза уже ничего не могли сделать.

Конечно, сейчас привести имена и фамилии всех членов союза «Ахим» невозможно. Да простят мне те, кого я не вспомню, но я назову самых активных деятелей, имена которых сохранились в моей памяти.

Кроме названных выше организаторов, это были: Аронов, Бак Авраам, Биргер, Бокштейн Аарон, Бокштейн Иосиф-Хаим, Бокштейн Яааков, Брук Моше, Волосов Мендель, Волосов Готлиб, Грузман Аарон, Заславский Моше, Зельвинский Шмарягу, Зусман Иекусиель, Кац Барух, Квитко Пинхас, Котик Израель, Кругляк Аарон, Лисицкий Моше, Минц Алтер, Палант Яаков, Перец, Поляк Моше, Ривкин Бенцион, Соловей Гершон, Тапельсон Барух, Файгенбаум Хаим-Аарон, Файкин, Фельдман Цви, Флигельман Моше, Хейн Перец, Чернин, Черняк Яаков, Черняк, Членов, Шойхет Бенцион, Эльяшев, Якубин Израель-Иосиф. К сожалению, не все имена я помню.

Помню еще несколько имен (без фамилий: Мендель (писец), Азриель, Шолом (рабочие), Хаим-Бэр (кантор арбатской синагоги), Барух-Сендер, Лейзер, Хаим-Цви (шамаши синагоги). Храню еще в памяти облик и других людей, но безжалостное время стерло их имена и фамилии...

Привести имена людей, которых помню, считаю своим долгом перед ними. Они, как я говорил, были разными людьми, но их объединяли высокие идеалы и помыслы. Светлая им память!

Сейчас другое время. В чем-то оно, конечно, более светлое, но в чем-то — я имею в виду некоторые спектры духовной жизни евреев — достаточно сложное. И может быть, короткий рассказ о существовании и деятельности союза «Ахим» явится для какой-то части еврейского населения примером, достойным подражания.

Москва, март 1994 г.

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ

Возрождение еврейской исторической науки в бывшем СССР невозможно без освоения научного наследия историков, работавших в прошлом. Между тем историографические исследования здесь явно отстают от источниковедческих. Так, в специальном сборнике «История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии» (СПб., 1993) только 2 или 3 статьи из 16 могут считаться историографическими. Поэтому нельзя не считать крупным событием выпущенную Еврейским университетом в Москве книгу «Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX века — XX век» (Москва — Иерусалим, 1994).

Книга эта представляет собой своеобразный сборник, в состав которого вошли: 1) перевод с английского монографии А. Гринбаума «Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе. 1918—1953» (впервые издана в Иерусалиме в 1978 г.); 2) перевод статьи того же автора «Иудаика в СССР. 1950—1990» (опубликованной там же в 1992 г. в «Ежегоднике Энциклопедии Иудаики»); 3) оригинальное исследование Р. Ш. Ганелина и В. Е. Кельнера «Проблемы историографии евреев в России. 2-я половина XIX века — 1-я четверть XX века». Названные работы (безусловно заслуживающие высокой оценки) дают хороший повод для постановки некоторых принципиальных вопросов.

Но прежде хотелось бы вспомнить историографов-предшественников (данный сюжет в книге по существу обойден). Первым здесь должен быть назван С. М. Дубнов, который в своей известной брошюре «Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества» (СПб., 1891) поставил вопрос ребром: «Существует ли историография русских евреев?» (название главы IV). Ответ автора по существу был отрицательным.

Через 12 лет, выступая на учредительном собрании Еврейского историко-этнографического общества 16 ноября 1908 г., Дубнов вновь констатировал, что «в области исторического исследования еврей России сильно отстали от своих западных соплеменников»¹ (впрочем, здесь же отмечались и некоторые достижения). На том же заседании выступил М. М. Винавер с интересными воспоминаниями «Как мы занимались историей»².

Вскоре появился 8-й том «Еврейской энциклопедии», где в статье «Историография» имелся раздел «Историография польско-русских евреев» (автор — М. Л. Вишницер.) Здесь бросается в глаза резкое преоб-

ладание польского материала над российским, но все же перечислены все важнейшие издания на русском языке и иврите. Автор во многом повторил вышеупомянутые выступления Дубнова и Винавера.

Следующий разговор на интересующую нас тему состоялся лишь через полвека, и за границей. В 1960 г. в Нью-Йорке вышла замечательная во многих отношениях «Книга о русском еврействе» (позднее переведенная на английский). В ней мы находим обзор Исаяи Трунка «Историки русского еврейства» (С. 1235). Автор специально подчеркнул юбилейный характер своей работы, так как именно в 1960 г. исполнилось 100 лет со времени появления первой работы по истории русских евреев — монографии С. И. Фи́на о виленской общине (на иврите).

Трунк предложил периодизацию русско-еврейской историографии: 1) 1860—1892; 2) 1892—1918; 3) 1918—1930. Кроме того, отдельный раздел статьи посвящен «русско-еврейской историографии в эмиграции» (учтены работы на разных языках). Гранью между первым и вторым периодами послужило создание Еврейской историко-этнографической комиссии. В целом обзор носит описательный характер, но степень его информативности для своего времени достаточно высока (здесь учтена литература на русском, иврите, идише и польском).

Последнее обстоятельство было весьма существенным, если вспомнить, что в самой России к тому времени еврейская историография была забыта весьма прочно. Любопытным подтверждением этому может служить статья «Евреи» в 5-м томе «Советской исторической энциклопедии» (М., 1964). Раздел об историографии здесь вообще отсутствует, но есть библиография, производящая откровенно курьезное впечатление. Наряду с произведениями классиков марксизма-ленинизма перечислены лишь книги А. Б. Рановича, А. И. Тюменева, С. Г. Лозинского по истории евреев древнего мира и средних веков, работы Т. Б. Гейликмана (на русском языке) и Б. Марка (на польском) о польских евреях, две известные книги У. Маргулиса о российских евреях (на идише), а также книжка К. Иванова и З. Шейниса о государстве Израиль. Обширная русскоязычная литература о российских евреях выпала полностью.

Хороший энциклопедический уровень продемонстрировала «Краткая еврейская энциклопедия», в 3-м томе которой (Иерусалим, 1986) есть большая статья «Историография» с разделом «Историография русского еврейства», где учтена вся основная литература на разных языках.

В самой России молчание нарушил А. Локшин, опубликовавший в 6-м выпуске альманаха «Год за годом» (М., 1991. С. 394—410) статью «Российская иудаика», где рассмотрена дореволюционная литература на русском языке и иврите. Наконец, основные моменты развития русско-еврейской историографии 1890—1920-х гг. нашли свое отражение в статье В. Лукина «К столетию образования Петербургской научной

школы еврейской истории» (упомянутый сборник «История евреев в России». С. 13—26).

Короче говоря, русско-еврейский историографический репертуар очень невелик, состоял из нескольких обзоров небольшого объема. (Мы брали только работы на русском языке.) На этом фоне и монография Гринбаума, и работа Ганелина и Кельнера представляют собой качественно новые явления, открывающие широкие перспективы дальнейших исследований.

Но что должно стать объектом таких исследований? Что, собственно, такое иудаика в России и СССР, историография русского еврейства, еврейская историческая наука? Здесь необходимо договориться о четких границах понятий.

Прежде всего следует различать «еврейскую историческую науку в России» и «российскую науку еврейской истории». Первую из них создавали сами евреи (и она стала важнейшей частью национального самосознания), а вторую — и евреи, и неевреи (как антисемиты, так и филосемиты). С другой стороны, нужно четко отделять литературу по всеобщей истории евреев от трудов по истории российских евреев. Но этим последним сюжетом занимаются и в других странах, и понятие «историография истории российского еврейства» включает в себя работы, созданные как в самой России, так и за ее рубежами.

Необходимо далее разграничить понятия «история российских (советских) евреев» и «история евреев в России» (СССР). Как известно, евреи, проживавшие на территории Российской империи, а затем СССР, появились в соответствующих регионах за много веков до вхождения их в состав Российского государства. Поэтому история российских (советских) евреев неизбежно делится на дороссийский, российско-советский, а теперь уже и постсоветский периоды, изучение каждого из которых имеет свою специфику.

Особое значение имеет языковая проблема, поскольку российские евреи (ограничимся сейчас ашкеназами) создавали свою историческую литературу на нескольких языках — иврите, идише, русском, немецком, украинском, белорусском, польском, литовском, эстонском, а в эмиграции еще и на английском. В такой ситуации историограф либо должен быть полиглотом, либо ограничиваться изучением работ на одном-двух языках.

Указанные обстоятельства приводят к тому, что еврейские историографические исследования в России должны быть многоаспектными и разновариантными. Различие подходов просматривается уже в указанных обзорах. Имеется оно и в рассматриваемом сборнике.

Сравнительно небольшая по объему работа Ганелина и Кельнера по существу сосредоточена на русско-еврейской (то есть написанной евреями на русском языке) литературе по истории российских евреев.

Гораздо более обширная монография Гринбаума по самому замыслу выходит за рамки историографии и рассматривает также труды филологические, экономические и некоторые другие (причем на нескольких языках). В зазершающей главе «Иудаика в советской семитологии» фигурируют и имена востоковедов нееврейского происхождения. «Все, что можно», охвачено и в статье Гринбаума об иудаике в СССР в 1950 — 1990 гг.

Как заметил читатель, работы Гринбаума и Ганелина — Кельнера различаются хронологическими рамками исследований. Дореволюционный период рассмотрен только петербургскими авторами, период 1918 г.— начала 1930-х гг.— всеми авторами, последующая эпоха — одним Гринбаумом. Рассмотрим периоды в хронологической последовательности.

Картина дореволюционной русско-еврейской исторической науки, нарисованная Ганелиным и Кельнером, не имеет прецедентов по широте и богатству содержания (хотя изложение и ведется в весьма сжатой форме). Здесь мы находим оригинальные и содержательные характеристики научного творчества ведущих еврейских историков — прежде всего С. М. Дубнова и Ю. И. Гессена, а также С. М. Гинзбурга, С. Л. Цинберга, И. В. Галанта, группы историков просвещения (Л. М. Брамсон, П. С. Марек, И. М. Чериковер, С. В. Познер) и др.

Значительное внимание уделено роли общественных организаций — Общества для распространения просвещения между евреями в России (далее ОПЕ), Еврейского историко-этнографического общества, Общества для еврейских научных изданий и др. Некоторые из них по существу описаны впервые — Общество распространения правильных сведений о евреях и еврействе, Академический Ферейн для изучения еврейской истории и литературы (Дерпт).

Достойное место отведено периодическим изданиям: общим — «Еврейская библиотека», «Восход», «Будущность», — и специально историческим — «Пережитое» и «Еврейская старина», — отмечается, что «выдающееся значение имел выпуск в свет «Еврейской энциклопедии», которая должна явиться предметом специального рассмотрения» (С. 214). Мы согласны, что такое рассмотрение является не только необходимой, но и первоочередной задачей, поскольку «Еврейская энциклопедия» — это по существу ключ ко всей иудаике того времени.

Как на пробел можно указать на отсутствие упоминаний об изданиях Бунда по истории еврейского рабочего движения (о них, кстати, писали Трунк и Локшин). Эти издания интересны как зародыш того направления еврейской исторической науки, которое станет ведущим в 1920-х гг.

При знакомстве с нарисованной картиной бросается в глаза одно весьма существенное обстоятельство — неакадемический характер ев-

рейской исторической науки. Недаром ее организационными центрами служили общественные организации, редакции журналов, частные издательства. Ведь в Академии наук и университетах еврейские сюжеты были представлены только гебраистикой. Историки, о которых говорилось выше, как правило, не имели специального образования и занимались любимым делом либо «по совместительству», либо в качестве «свободных художников». Тем удивительнее высокий в целом уровень их работ.

Стоит заметить, что в описываемое время неакадемическая сфера бурно развивалась и в русской историографии, успешно дополняя (а то и поправляя) сферу академическую. Явление это очень любопытное и многозначительное, и еврейский материал дает здесь многое и для понимания общероссийских проблем.

Дореволюционная русско-еврейская историческая наука отнюдь не исчезла сразу после 1917 г., а продержалась еще более десяти лет (впрочем, это относится ко всей российской исторической литературе). Поэтому Гринбаум совершенно справедливо посвятил первую главу своей монографии теме «Продолжение дореволюционной еврейской научной деятельности. 1918—1930». Основное место занимает эта тема и в работе Ганелина и Кельнера.

Круг рассматриваемых сюжетов в обоих исследованиях неизбежно одинаков. Это судьбы дореволюционных обществ (Историко-этнографического и ОПЕ), попытки старых историков создать новые научные центры (три архивных комиссии, Еврейский народный университет в Петрограде, Еврейская историко-археографическая комиссия на Украине), еврейская историческая периодика («Еврейская старина», «Еврейская мысль», «Еврейский вестник», «Еврейская летопись»).

Работа Гринбаума привлекает обширностью источниковой базы, использованием многочисленных зарубежных публикаций, практически недоступных российскому читателю. Ганелин и Кельнер имели возможность опираться на английское издание книги Гринбаума и явно стремились по возможности расширить и дополнить содержащуюся в ней информацию. Это выразилось и в привлечении новых фактов (из устных источников и из новейшей литературы), и в усилении некоторых акцентов. Совершенно правильно обращается внимание на то, что открытие архивов после 1917 г. позволило историкам сказать немало существенно нового по таким традиционным проблемам, как еврейская политика царизма. Ряд дополнительных подробностей внесли Ганелин и Кельнер в рассказ о событиях 1919 г., когда «буржуазная русско-еврейская ученость в Ленинграде, как называли ее в еврейских большевистских кругах, была ликвидирована» (С. 228).

Параллельно с доживавшей свой век «старой ученостью» в Советском Союзе возникло то, что Гринбаум обозначил как «еврейская

научная деятельность, финансировавшаяся Советской властью». Этой теме посвящены вторая (1918—1936) и третья (1937—1953) главы его монографии, а также глава четвертая, озаглавленная «Идеологические проблемы еврейской науки, финансировавшейся Советской властью». Ганелин и Кельнер по данному вопросу высказались довольно кратко. Следует при этом учитывать, что «советская» еврейская наука создавалась, как правило, на идише.

Как уже указывалось, Гринбаум исследовал не только историческую, но и всю еврейскую науку в Советском Союзе. В названных главах на первый план вышли дисциплины филологические (что, судя по всему, отражает реальную ситуацию в советских еврейских исследовательских центрах того времени). Все же мы находим немало интересного и об историках, работавших в этих центрах. Однако бросается в глаза, что марксистская еврейская историческая наука представлена в виде серии разрозненных эпизодов. (Так оно, видимо, и было на самом деле.)

Автор правильно определил ключевую ситуацию данной науки, отметив, что «с точки зрения новых критериев «актуальности» и «классовой борьбы» история еврейского рабочего движения представлялась идеальной темой, но здесь вступали в действие как идеологические, так и личностные проблемы» (С. 91). «Лодка» данной темы разбилась о Бунд, объективно писать о котором было невозможно. Гринбаум показывает, что знаменитое письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «делало старую проблему позиции Бунда в партии непреодолимым препятствием для всех тех, кто занимался историческими исследованиями еврейского рабочего движения» (С. 53).

Вместе с тем в сюжете об исследованиях по истории еврейского рабочего движения наиболее открыто проявилась некоторая ограниченность замысла Гринбаума, занимавшегося исключительно еврейскими научными центрами. А ведь многое по данной теме делалось и общероссийскими организациями (Истпарт, Истпроф и др.) и изданиями, где в качестве авторов выступали сами евреи (нередко «те же самые»). Например, мы не находим даже упоминания о книге «Еврейское рабочее движение» (М., 1928) из серии «1905. Материалы и документы» (составлена А. Д. Киржницем под редакцией М. Рафеса). «Конкуренция» между еврейскими историками, писавшими по-русски и на идише, заслуживала специального рассмотрения.

Заметим, что разделение специалистов в области еврейской истории по национальностям, школам и учреждениям может порой приводить к «выпадению» значительных историографических фактов. Насколько нам известно, в литературе практически не упоминается большой комплекс материалов «Евреи» в 24-м томе «Большой советской энциклопедии» (М., 1932). Комплекс этот (под редакцией С. Диманштейна) состоит из пяти частей: I — Антропологический очерк (Я. Рогинский); II — Исто-

рический очерк (Н. Никольский, А. Тюменев, Т. Гейликман плюс авторы, обозначенные инициалами — И. П. и С. Л., Д. Л., Д. Ш.); III — Евреи в СССР (З. Миндлин, Я. Кантор, С. Палатник); IV — Рабочее движение в России (С. Диманштейн); V — Приложение: две таблицы численности еврейского населения (по странам и по частям света). Кроме того, в томе помещены статьи «Еврейская литература» (М. Гер, И. Нусинов), «Еврейская музыка», «Еврейская независимая рабочая партия», «Еврейская община», «Еврейская религия» (Н. Никольский), «Еврейская социалистическая рабочая партия», «Еврейская старина», «Еврейская трибуна», «Еврейская энциклопедия», «Еврейские казенные училища», «Еврейские погромы в России» (С. Диманштейн), «Еврейский вопрос» (М. Вольфсон), «Еврейский комиссариат», «Еврейский рабочий» (орган Бунда), «Еврейский театр» (И. Добрушин), «Еврейский язык» (А. Зарецкий), «Еврейское искусство» (М. Фабрикант), «Еврейское колонизационное общество» — всего более ста пятидесяти столбцов энциклопедического текста (включая ценные библиографические справки).

Нам представляется, что появление этого энциклопедического комплекса (требующего специального изучения) по существу завершило «науку о евреях» 1918 — начала 1930-х гг. Затем последовали пятнадцать лет агонии и сорок лет пустоты.

Исследование Ганелина и Кельнера завершается как бы эпилогом, где отмечается, что «на рубеже 80—90-х гг. XX века началось возрождение историографии евреев в России» (С. 245), и подчеркивается, что «перед теми, кто взялся реанимировать прерванную традицию, стоят нелегкие задачи» (Там же). С точки зрения такой реанимации совершенно разумно предложение авторов переиздать с соответствующими комментариями лучшие произведения С. Дубнова, Ю. Гессена, С. Гинзбурга, С. Цинберга и других (как известно, «История еврейского народа в России» Ю. Гессена переиздана в 1993 г.). Добавим, что комментирование трудов основоположников еврейской исторической науки неизбежно потребует углубленных историографических исследований.

В рассмотренных выше «историографических очерках» на первый план вышла институциональная структура науки, что на данном этапе представляется совершенно оправданным. В дальнейшем, на наш взгляд, предстоит сделать упор на анализе проблематики, источниковой базы, концепций и методов исследования, присущих науке в исследуемую эпоху. Необходимы монографические очерки об отдельных историках, историографические обзоры по отдельным темам и периодам, а также специальные обзоры литературы «по языкам» (русский, идиш, иврит, английский и т. д.).

Хотелось бы отдельно остановиться на некоторых проблемах историографии истории евреев в России (то есть с конца XVIII в.). Дело в

том, что для историков, работавших в конце XIX — начале XX в., указанная эпоха являлась новой и новейшей историей, а эта последняя по источниковой базе и методам исследования существенно отличается от истории древней и средневековой. Важнейшую роль здесь играет фактическое отсутствие (или небольшие размеры) временной дистанции. Историческая литература по новейшей истории обычно органически вырастает из литературы публицистической, юридической, экономической и пр. Поэтому историограф не может не учитывать, например, обширную литературу о правовом положении российских евреев, несомненно влиявшую на историков.

Сам процесс «произрастания» исторической науки из «науки о современности» заслуживает специального рассмотрения. В данной связи следует коснуться вопроса о времени возникновения еврейской исторической науки в России. В статье И. Трунка мы сталкиваемся с двойственным толкованием: в одном месте он начинает с 1860 г., а в другом — с начала 1870-х гг. В работе Ганелина и Кельнера говорится, что «собственно научное исследование истории евреев России началось в 80-е гг. XIX в.» (С. 185). Очевидно, речь идет о разных стадиях процесса становления еврейской исторической науки. При этом здесь, как уже говорилось, нужно различать науку древней истории от науки новой истории. Думается, что здесь мы имеем широкое поле для историографических исследований.

Наконец, мы все же не можем игнорировать тот факт, что история российских евреев изучалась не только самими евреями (ни один еврейский историограф не обошел вниманием труды С. А. Бершадского). Наряду с раздельным изучением еврейской и нееврейской историографии необходимо и изучение комплексное, то есть возникает проблема — «еврейская история на русском языке». Такой подход очень важен, с точки зрения русскоязычного читателя, интересы которого нельзя не учитывать. К обозначенному комплексу следует подключить и литературу, переведенную на русский язык (та же монография Гринбаума или многие книги библиотеки «Алия»). Учитывая же обширный массив источников на русском языке, мы можем говорить в целом о русскоязычной информационной базе по истории российских евреев.

---

¹ Еврейская старина. 1909. Вып. 1. С. 154.

² Там же. С. 41—54.

НОВОЕ О ПРОИЗНОШЕНИИ ИВРИТА У КАРАИМОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

До настоящего времени мало изученным является вопрос произношения иврита у караимов Восточной Европы. В жизни караимов иврит играл роль языка богослужения и религиозной литературы. Говорили караимы вплоть до начала XX в. на тюркских языках, причем караимы Литвы, Луцка и Галича говорили на диалектах караимского языка (кыпчакская группа тюркских языков)¹, а караимы, проживавшие в Крыму, на этнолекте крымско-татарского языка². Очевидно, что хорошее знание иврита было достоянием небольшой группы религиозно образованных караимов. На сегодняшний день среди восточноевропейских караимов (по крайней мере за пределами Литвы и Польши) практически не осталось людей, способных читать и понимать тексты на иврите.

В связи с вышесказанным большой интерес представляют две статьи профессора Хельсинкского университета доктора Тапани Харвиайнена, посвященные произношению иврита у караимов Литвы: *De Karaitis Lithuaniae: Transcriptions of Recited Biblical Text, Description of the Pronunciation Tradition, and Peculiarities of Shewa // Orientalia Suecana XXXVIII—XXXIX (1989—1990). P. 34—44;*

The Karaites of Lithuania at the Present Time and Pronunciation Tradition of Hebrew among them: A Preliminary Survey // The Proceedings of the IX Congress of the International Organization for Masoretic Studies (Missoula). 1991. P. 53—69.

Т. Харвиайнен совершил в 1988 г. поездку в Литву, где сумел сделать запись образцов чтения литовскими караимами ряда текстов из Библии. К достоинствам работы, выполненной Т. Харвиайненом, можно отнести то, что свои выводы он сделал на основании анализа записей чтения текстов на иврите, тогда как в работах других авторов, занимавшихся этим вопросом, выводы делались на основании анализа ивритских заимствований в караимском языке³. Если учесть, что в последние десятилетия число караимов, способных читать тексты на иврите, стремительно сокращается, то можно сказать, что Т. Харвиайнен сумел сесть «на уходящий поезд».

При этом следует отметить хорошее знакомство автора с произношением иврита у еврейских субэтнических групп. Однако круг источников, которыми пользовался автор, несколько ограничен, что не позволило ему выявить все особенности караимской традиции произношения иврита. Впрочем, сам Т. Харвиайнен сознательно называет свою работу предварительным очерком.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению этой традиции, скажем несколько слов о тех исторических и социолингвистических

соображениях, которые Т. Харвиайнен предпосылает аналитическим разделам своих работ.

В целом эти вводные замечания дают представление о численности и расселении тюркоязычных караимов в современном мире. Разумеется, исследования последних лет в чем-то дополняют приводимые Т. Харвиайненом сведения. В 1991 г. появилась работа Р. Фрейнда⁴, где, в частности, содержится (основанная, впрочем, на данных из личных бесед) статистическая оценка численности караимов в Польше. То, что автор упоминает «Чуфут-Кале» как синоним Бахчисарая, явно объясняется недоразумением. Более серьезно другое обстоятельство. В обеих работах караимы Крыма именуются караимскими крымчаками⁵. Автора можно понять так, что караимы и еврей-крымчаки принадлежат к некоему единому этносу, отличаясь друг от друга только религией. Это, конечно, абсолютно не соответствует действительности. По вопросу об этнониме и этнической истории крымчаков в 80-х гг. вышел целый ряд работ, видимо оставшихся неизвестными Т. Харвиайнену, что, впрочем, неудивительно, так как напечатаны они были в труднодоступных изданиях. Укажем, в частности, на работу М. С. Куповецкого «К этнической истории крымчаков»⁶. Возвращаясь к караимской тематике, укажем (в надежде, что это не будет сочтено нескромностью), что одному из авторов данной рецензии принадлежит работа «К истории караимского литературного языка»⁷.

Однако перейдем к непосредственному предмету исследований Т. Харвиайнена. Характерными чертами произношения иврита у караимов Литвы, по Харвиайнену, являются следующие: 1) Система гласных полностью совпадает с сефардской, то есть при чтении гласные не делятся по долготе — так, сегол, цере, хатаф-сегол и шва «подвижное» читаются как «е» и т. д. 2) При реализации «вкравшегося» патаха, если огласовка перед гортанной шурук, кубуц или холем, то между губной гласной и «вкравшимся» патахом появляется вставка в виде звука «v», то есть פֿו произносится как «vuvaḥ». 3) Из группы «begadkefat» только «бет», «каф» и «пе» имеют два различных варианта реализации («b»/«v», «k»/«x», «p»/«f»). 4) Палатализация большинства согласных перед гласными «е» и «i», а после этих гласных палатализируются только «l», «n» и «t». Не подвергаются палатализации в любой позиции согласные «g», «h» и «š». 5) Характерна диссимиляция удвоенного «ламеда» в «lḥ» (объясняется суперстратным влиянием тракайского диалекта караимского языка). 6) Большая часть правил чтения шва совпадает с общепринятыми в библейском иврите. 7) Ассимиляция шва перед гортанными, то есть если после буквы, которая огласована шва, следует гортанная, то при чтении шва произносится аналогично огласовке, стоящей под гортанной. Например: מֵאָת «ma'at». Именно это последнее правило было обнаружено Т. Харвиайненом и наиболее полно описано в его статьях. Совпадение явления ассимиляции шва у караимов с аналогичным явлением у йеменских евреев, чье произношение библейского иврита на сегодняшний день считается наиболее близким к масоретскому произношению, позволяет автору предположить о возможном сохранении в караимской произносительной традиции иврита ряда черт масо-

ретской традиции. Что, по мнению самого Т. Харвйайнена, требует дальнейшего исследования. Автор полагает, что это исследование можно сделать на основе анализа караимских рукописных текстов. Однако, не умаляя значения будущих архивных изысканий, отметим, что весьма интересные данные могут быть получены и при изучении печатной продукции караимов как на иврите, так и на русском языке, выпущенной в XIX—XX вв., она позволяет более полно описать произношение караимами иврита, что и попытались сделать авторы настоящей рецензии.

Итак, приведенные ниже особенности караимского иврита базируются на анализе следующих источников: 1) Книга А. Коккея «Огель Авроамъ»⁸, выпущенная в Одессе в 1903 г. и представляющая собой учебник, посвященный правилам чтения текстов на иврите. Экземпляр этого учебника был любезно предоставлен в наше распоряжение Т. С. Бабаджан-Ельяшевич. Учебник разделен на параграфы, каждый из которых содержит правила чтения и примеры на них. В экземпляре книги, имевшемся в нашем распоряжении, есть пояснительные подписи, сделанные кириллицей с сохранением особенностей дореформенной орфографии, что дает право предположить, что подписи сделаны в начале XX в. 2) Заглавия книг, выпущенных караимами в период с начала XIX по начало XX в. Дело в том, что большинство этих книг на титульном листе, кроме названия, написанного на иврите квадратным еврейским шрифтом, имели название на иврите, напечатанное кириллицей с сохранением особенностей караимского произношения. Именно анализ лексики, данной в заглавиях, привел к интересным выводам относительно особенностей произношения иврита караимами в Литве и в Крыму, но об этом ниже. 3) Несколько статей в журнале «Караимская жизнь», в которых приводятся слова на иврите, напечатанные кириллицей.

Общее описание особенностей произношения иврита у восточноевропейских караимов

Анализ учебника «Огель Авроамъ» подтверждает вышеприведенный вывод Т. Харвйайнена о том, что система гласных в караимском варианте произношения полностью соответствует сефардскому произношению. Так, в § 2 книги «Огель Авроамъ» парадигмы огласовок для всех букв алфавита и «некудот», дающие при чтении один и тот же звук, даны в одном предложении. Вот как, например, выглядит парадигма для буквы «бет»:

בֵּי בִי בִי בִי בִי בִי בִי בִי בִי בִי בִי בִי בִי בִי בִי בִי

Также из примера видно, что «неккуда» хатаф-камац произносится как «и»⁹. Подтверждением этого вывода служит употребление в статье И. И. Казаса «Богослужение караимов»¹⁰ такого термина для дополнительной молитвы в субботу, как «тефилат чагурайим». Здесь же надо отметить два варианта произношения камац-хатух хатуф караимами в Крыму и в Литве. В крымском варианте произношения камац-хатуф читается как «о» («Огель Авроамъ», § 20), а в литовском варианте произношения как «и». Так, сборник молитв, выпущенный в Вильно в 1890 г. Ф. Малецким, называется «Рунне Паллет» (רֻנֵי פֶּלֶט), кроме

того, в статье «Религиозно-музыкальные мотивы караимов»¹¹ ее автор С. Ельяшевич приводит два варианта напева псалма 137 — принятый в Литве и принятый в Крыму. Кроме нотной записи, в каждом варианте в подстрочнике приводится первый стих псалма в русской транслитерации. В литовском варианте имеем: «Аль на-гароть Ба-вель шамь яшавну гамь бахи-ну безухрену эть Чийон». В крымском: «Аль на-гароть Ба-вель шамь я-шавну гамь бахи-ну безохрану эть Чийон (в примере сохранена орфография оригинала).

Относительно произношения согласных в первую очередь надо упомянуть произношение буквы «цади» как «ц» в Крыму, в Литве эта буква читается как «с». Такое различие связано с суперстратным влиянием крымско-татарского этнолекта караимов Крыма, где фонема «с» отсутствует. Точно такое же явление зафиксировано в крымчакском варианте произношения иврита. Из группы «begadkefat» смьчное и спирантное произношение имеют следующие четыре пары букв: כ צ נ ז ס ז ש ז («Огель Авроамь», § 1), причем судя по подписям, сделанным в учебнике, буква «гимель рафэ» произносится как «h».

В произношении иврита караимами Крыма существует различие между произношением букв «каф» и «куф». Буква «каф» передает фонему «k», тогда как буква «куф» фонему «q». Если буква «куф» огласована «некуда» хирик, то при чтении хирик дает гласный звук «i». Например: чадыкым, кыбуч, кудыш, кына¹².

В конце слова буква «hey» с мапшиком читается как «h» («Огель Авроамь», § 23), в противном случае буква «hey» не читается.

Правило чтения «вкравшегося» патаха, по нашим источникам, полностью совпадает с приведенным в статьях Харвиайнена правилом.

Правила чтения шва совпадают с общепринятыми, кроме двух случаев, первый — это ассимиляция шва перед гортанными, что подробно обсуждалось выше, и второй — это чтение шва перед буквой «йод» («Огель Авроамь», § 27—28). Правило можно сформулировать следующим образом: если шва предшествует букве «йод», огласованной «некуда» хирик, то шва дает звук «e», при любой другой огласовке буквы «йод» шва читается как «i». Приведем примеры:

בְּיִשְׂרָאֵל — «beyisrael», וַיִּירָקוּ — «weyirkor»
וַיִּוֹסֵף — «wiyosef», כִּיָּאִמִּים — «kiyamim»

Интересно отметить, что чтение шва как ультракраткое «i» приводится в статьях Харвиайнена как отличительная особенность произношения йеменских евреев.

Краткая форма будущего времени в глаголах «легкой основы» с средним коренным вавом (וָו) также нестандартно произносится при чтении («Огель Авроамь», § 22). Так при чтении реализуется полная форма будущего времени. Образцы чтения:

וָוָאִקֻּם — «wayuakum» (вм. «wayuakom»), וָוָאִיגֻס — «wayuaguc» (вм. «wayuagoc»).

Таковы основные особенности произношения иврита у караимов Восточной Европы. Открытым остается вопрос, какое место занимает караимская произносительная традиция в ряду произносительных тра-

диций еврейских субэтнических групп Передней Азии и Ближнего Востока.

В рамках этой рецензии мы сознательно не касались поднимаемого автором вопроса о том, насколько на основании данных о произношении иврита можно делать выводы об этногенезе этой народности. Автор, видимо, склоняется к положительному ответу на этот вопрос. Вполне согласны с его точкой зрения и мы. На нынешнем этапе исследования, однако, какие-либо конкретные выводы представляются преждевременными. Как нам стало известно уже в период работы над рецензией, на Европейском конгрессе по иудаике (август 1994 г., Копенгаген) Харвиайнен выступил с докладом о произношении иврита у караимов Стамбула, содержащим выводы об их этногенезе. Когда результаты новых исследований Харвиайнена будут опубликованы, мы надеемся обсудить их на страницах «Вестника».

¹ *Мусаев Е. М.* Грамматика караимского языка. М., 1964. С. 6—9.

² Впрочем, ряд авторов (Прик О. Я. и др.) видят в караимском варианте крымско-татарского языка третий (крымский) диалект караимского языка. Подробнее с этой точкой зрения можно ознакомиться в работе: *Прик О. Я.* Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). Махачкала, 1976.

³ *Harviainen T.* The Karaites of Lithuania at the Present Time and the Pronunciation Tradition of Hebrew among them: A Preliminary Survey // The Proceedings of the IX Congress of International Organization for Masoretic Studies (Missoula). 1991. P. 55—56.

⁴ *Freund R.* Karaites and Dejudaiization. A historical Review of an endogenous and exogenous paradigm. Stockholm Studies in Comparative Religion. № 30. Stockholm, 1991. P. 100.

⁵ *Harviainen T.* De Karaitis Lithuaniae: Transcription of Recited Biblical Texts, Description of the Pronunciation Tradition, and Peculiarities of Shewa // *Orientalia Suecana XXXVIII—XXXIX* (1989—1990). P. 42.

⁶ *Куповецкий М. С.* К этнической истории крымчаков // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР. М., 1989. С. 53—69.

⁷ *Капланов Р. М.* К истории караимского литературного языка // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР. М., 1985. С. 95—106.

⁸ *Коккей А. Я.* Огелъ Авроамъ. Одесса, 1903 (на яз. иврит).

⁹ В экземпляре учебника «Огелъ Авроамъ», бывшем в нашем распоряжении, из подписей, сделанных от руки, можно заключить, что хатаф-камац под буквами «самех», «шин» и «син» (сибилянты) читался как «а». Однако дополнительных доказательств такого чтения хатаф-камац найдено не было.

¹⁰ *Казас И. И.* Основные черты богослужения караимов // Караимская жизнь. 1911. Авг.-сент. С. 78.

¹¹ *Ельяшевич С.* Религиозно-музыкальные мотивы караимов // Караимская жизнь. 1911. Июль. С. 56.

¹² Примеры взяты из заглавия книг, которые приведены в работе: *Ельяшевич В. С.* Караимы // Материалы из серии «Народы и культуры» М., 1993. Вып. XIV. Кн. 2. С. 1—238.

Л. Ашкинази

КАРАСИК В. ЕВРЕЙСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РОССИЯ, 1960—1994. ТЕЛЬ-АВИВ, 1994

Владимир Карасик коллекционировал и изучал еврейскую прессу еще в свою бытность в России. Он задумал издание «Еврейская пресса на русском языке» и выпустил часть «Россия, 1986—1992» (М., 1992). Теперь мы получили из Израиля библиографический справочник с подзаголовком «Россия, 1960—1994», охватывающий существенно больший временной интервал. Вдобавок трехязычный и существенно лучше изданный.

Сложность объекта исследования — еврейской прессы — повлекла необходимость специального рассмотрения, которое и содержится во введении. Само по себе это введение — маленькое изящное исследование.

Справочник содержит описания 114 изданий за 1960—1994 гг.; список является, по-видимому, исчерпывающим. В описании изданий содержатся следующие данные: название, перевод названия на русский язык, место издания, под- и надзаголовочные данные, фамилия редактора и состав редакции, время начала выхода, периодичность издания — объявленная и фактическая, язык издания, способ печати, объем, формат, тираж, рубрики (содержание), годы и номера, примечания. Справочник составлялся в тесном контакте с «носителями информации», поэтому содержит и историческую информацию: «В связи с отъездом молодых авторов редакция решила прекратить издание», «Выпуск 3 конфискован, большинство участников арестованы», «Этот журнал первым из еврейского самиздата объявил имена и адреса своих составителей», «ЛЕА дополнительно размножался фотоспособом в Москве (Еврейский информационный центр)», «В Израиле типографским способом переизданы выпуски 1—8 отдельной книгой»... Между прочим, из введения мы узнаем, что много самиздата переиздано в Израиле. Те, кто его издал здесь, — сделали свое дело, но и признание людей им тоже приятно.

Издание сделано — это не очень четко определенный термин, но уж воспользуемся им — сделано культурно. Например, указано, что «псевдонимы раскрыты с согласия членов редакции». Указано, какие еще издания выпускало то или иное из названных издательств. Разъяснены

термины «кибуц», «отказник», «бедный родственник» и т. д. Указано даже, что в 1990 г. существовала страница для горских евреев в газете «Знамя коммунизма». Издание содержит указатели — географический, имен и изданий, — но, к сожалению, только в английской части (и не содержит указателя организаций, который был в московском издании).

Налицо главный признак хорошей книги: читаешь и жалеешь, что автор не написал еще и о том, и об этом, и еще о том-то... Правда, скоро должен выйти следующий выпуск.

Во введении автор пишет: «Спасибо сыну Юре за содействие в оформлении рукописи». Книга действительно оформлена превосходно. Но важно еще и следующее. Существование российской еврейской диаспоры, по мнению активистов, «под вопросом». По мнению неактивистов — вопросов уже нет.

Наша задача — достойно ввести в научный и культурный оборот то, что от нас осталось, с надеждой, что сделанное не пропадет зря. Цепь культуры не должна прерываться. Сохранению культурного наследия и служит рецензируемая книга.

ХРОНИКА

М. Куповецкий

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИУДАИКЕ В МОСКВЕ

Усилия по подготовке в России специалистов по иудаике начинают приносить первые ощутимые плоды: в Москве по инициативе Project Judaica (JTS—YIVO, Нью-Йорк, США) и Российского государственного гуманитарного университета 30—31 мая 1994 г. прошла первая всероссийская конференция студентов, специализирующихся в области еврейских исследований. В конференции приняли участие студенты специализации «Еврейская история и филология» Историко-архивного института и историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, представившие в общей сложности 13 докладов, а также студенты исторического факультета Еврейского университета в Москве (2 доклада) и исторического факультета Санкт-Петербургского Еврейского университета (1 доклад).

Несмотря на то, что доклады были представлены студентами 1—3-го курсов, их уровень в своем большинстве был достаточно высок. Весьма компетентно выглядел и обмен мнениями при обсуждении прослушанных докладов, в котором наряду со студентами приняли участие директор Project Judaica проф. Д. Фишман (JTS, Нью-Йорк), академический куратор специализации «Еврейская история и филология» РГГУ и главный редактор журнала «Вестник Еврейского университета в Москве» М. Куповецкий, президент ВААДа России М. Членов и целый ряд других специалистов в области иудаики.

За два дня конференции было проведено четыре тематических заседания. Первое было посвящено анализу развития иудаики в дореволюционной России и СССР. Было представлено 4 доклада студентов 3-го курса Историко-архивного института РГГУ. А. Сиверцев в докладе «Развитие габраистики в СССР» остановился на наиболее важных аспектах процесса постепенного упадка одной из ведущих в мире в начале XX в. российской школы габраистов в период советского режима.

Г. Элиасберг в докладе «Историк еврейской литературы С. Л. Цинберг» на основе анализа рукописного наследия и опубликованных работ крупнейшего историка еврейской литературы показала процесс формирования его историко-философской концепции, ставшей основой знаменитой «Истории литературы у евреев». Параллельно были уточнены сюжеты, связанные с жизнью С. Л. Цинберга при советской власти и его трагической гибелью в сталинских лагерях в конце 30-х гг.

Анализу причин отхода от исследований по еврейской тематике во

второй половине 20—30-х гг. одного из виднейших историков русского еврейства Ю. Гессена и непреходящему значению его работ первой четверти XX в. был посвящен доклад Л. Вексельман.

А. Левитова в своем сообщении «Еврейский народный университет в Москве (1918—1921 гг.)» остановилась на совершенно неизученном эпизоде становления высшего еврейского образования в России в годы гражданской войны.

Второе заседание, посвященное древней и современной истории евреев, открылось докладом студента 1-го курса Еврейского университета в Москве С. Чарного «Аравийская внешняя политика царя Соломона». Докладчик весьма нетривиально подошел к анализу политики одного из наиболее выдающихся царей Древнего Израиля.

Студент 2-го курса Еврейского университета в Москве И. Туров представил доклад «Сравнительный анализ талмудических и христианских источников о раннем христианстве», в котором достаточно убедительно показал несомненную близость еврейской и раннехристианской религиозной практики, структуры и функционирования общинной жизни.

А. Штерншис в докладе «Субботники в России и СССР» остановилась на одной из непростых тем в еврейско-русских взаимоотношениях — истории религиозного движения иудействующих в России, более известного как секта субботников. Были представлены новые источники официального характера по истории движения в XIX—XX вв.

Весьма широка была тематика докладов третьего заседания, посвященного проблемам еврейской литературы. Л. Жукова в докладе «Повествовательные жанры в Библии по работам Александра Рофе» отметила очевидную продуктивность новаций в подходах проф. Рофе в анализе библейских текстов.

Сравнительный анализ мифических мотивов в Торе и других литературных памятниках древности был представлен в докладе студентки 1-го курса историко-филологического факультета РГГУ Н. Кондратович. С позиций сравнительного литературоведения анализировался текст Торы и в докладе студентки 1-го курса историко-филологического факультета РГГУ М. Каспиной «Символ и метафора в Торе».

Процесс переосмысления позиций национального еврейского поэта С. Галкина показала в докладе «Советский период в истории еврейской литературы на идиш по материалам личного архива С. Галкина в РГАЛИ» А. Солнцева.

Студент Санкт-Петербургского Еврейского университета П. Фарберов представил доклад «Печать горских евреев», в котором была сделана попытка в сжатой форме изложить историю развития периодической печати на татском языке горских евреев.

Оживленную дискуссию вызвали практически все доклады, прочитанные в рамках четвертого тематического заседания, посвященного истории советского еврейства. Это в первую очередь относится к во многом сенсационному докладу Л. Кричевского «Евреи в ВЧК—ОГПУ»,

основанному на обнаруженных автором новых архивных источниках. В докладе были проанализированы причинно-следственные связи появления относительно многочисленной группы евреев в органах госбезопасности в первые годы советской власти, их социальный состав и образовательный уровень.

Использование значительного массива новых архивных материалов было характерно и для доклада Э. Школьниковой «Эволюция местечка и судьбы его жителей в конце 20-х — начале 30-х годов». Достаточно обоснованно был сделан вывод о противоречивости и неоднозначности процессов, протекавших в советском еврейском местечке в рассматриваемый период. Весьма убедительно выглядела система доказательств тезиса об активном разрушении традиционного образа жизни и формирования нового, в котором этнический и религиозный факторы отступали на второй план.

М. Членов посвятил свой доклад «Культурническое движение и журнал «Наш иврит» анализу идеологии и организационных форм деятельности одного из трех основных (наряду с политическими активистами и религиозниками) направлений в еврейском движении в СССР во второй половине 70-х — начале 80-х гг.— культурникам.

И. Асташкевич в докладе «Связи еврейского движения СССР в 60—70-е гг. с еврейским общественным движением на Западе» охарактеризовала основные этапы формирования структуры еврейского общественного движения на Западе в защиту советского еврейства, а также формы и методы сотрудничества между еврейскими активистами в СССР и еврейским движением на Западе.

С. Орлянский

ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГА УКРАИНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

27—28 октября 1994 г. в Запорожье прошла под таким названием третья по счету научная конференция, организованная Запорожским региональным центром по изучению проблем еврейского населения Нижнего Приднепровья. Предыдущие две конференции состоялись в 1991 и 1992 гг.

В ходе проведения этих конференций удалось установить круг исследователей, занимающихся изучением еврейской проблематики не только южноукраинского региона. Если первая конференция проходила лишь спустя несколько месяцев после провозглашения Украиной независимости, то нынешняя, третья конференция работала уже спустя три года после этого события, что не могло не повлиять на характер современных тем исследований еврейской проблематики: эйфория прошла, наступило время трезвой оценки реальных возможностей для национально-культурного возрождения евреев, других национальностей, населяющих Украину, переживающей, как и другие бывшие республики Союза ССР, нелегкие времена.

На пленарных заседаниях конференции были заслушаны доклады, посвященные различным аспектам истории украинского еврейства. Доклад председателя Запорожского регионального центра по изучению проблем еврейского населения Нижнего Приднепровья, созданного год назад при местном университете, проф. Ф. Турченко (Запорожье) был посвящен теме: «Евреи и украинское национально-освободительное движение (вторая половина XIX — начало XX в.)». Исследователь указал на сходную историческую долю, объединившую два народа — украинский и еврейский, а также на те общие черты, которые были характерны как для украинского, так и еврейского национально-освободительного движения. Большой интерес у участников конференции вызвал доклад доцента Международного Соломонова Университета С. Елисаветского (Киев) «Евреи Украины в антинацистском Сопротивлении и партизанском движении в 1941—1945 гг.». Центральная идея доклада: на оккупированной фашистскими захватчиками территории Украины евреи не были лишь жертвами палачей, они были и партизанами, и подпольщиками, и воинами Сопротивления. Докладчик привел ранее неизвестные данные. Так, по подсчетам исследователей Института Яд-Вашем, только

на территории Волыни в составе 12 советских партизанских соединений и отрядов сражалось до 1900 бойцов-евреев, составлявших примерно 14% всех советских партизан этого района. Наиболее известным на Волыни еврейским партизанским формированием была рота под командованием инженера из местечка Корец Ровенской области Моше Гильденмана.

Уроки истории Бунда рассмотрены в докладе доцента В. Гусева (Киев). Исследователь, привлекая новые архивные документы, показал реальное место Бунда в политическом спектре конца XIX — начала XX в. на Украине. Профессор Н. Некоз (Запорожье) рассказал о том, как рассматривается на конференции тематика исследований межнациональных отношений в этом регионе, проводимых группой ученых Запорожского университета. Пленарное заседание конференции завершилось заслушиванием сообщения зам. главного редактора «Российской еврейской энциклопедии» И. Булова (Москва) о возможностях участия ученых Юга Украины в этом издании.

Помимо пленарных заседаний, работа конференции осуществлялась в двух секциях. «М. С. Грушевский об украинско-еврейских отношениях в VII—XII вв.» — так называлось выступление О. Гайдай (Николаев), которая исследовала взгляды патриарха исторической науки на вышеуказанную проблему. Известно, что Грушевский подверг сомнению вывод В. Н. Татищева о высылке евреев из Киевской Руси. О фельдшерках-подвижниках в 18-ти еврейских земледельческих колониях Херсонской губернии середины XIX в. рассказал И. Шайкин (Киев).

Немалый интерес вызвало сообщение О. Козырева (Николаев) «Южно-российский рабочий союз» и «еврейский вопрос». Исследователь проанализировал воспоминания С. Ковалевской, касающиеся отношения членов этого «Союза» к еврейским погромам 1881 г. и попыткам использования этих трагических событий для расширения революционных выступлений в России.

Малоизвестные факты были приведены в выступлении В. Чопа (Запорожье) «Евреи и проблема антисемитизма в истории махновского движения». Так, например, по мнению автора, евреи участвовали в зарождении махновского движения. Среди 14-ти арестованных в 1908 г. анархо-террористов «Союза свободных хлеборобов» было 4 еврея. В период же активного развертывания этого движения в 1918 г. в Гуляйполе была создана еврейская национальная рота.

Как на предыдущих, так и на нынешней конференции было прочитано несколько докладов, посвященных различным проблемам «еврейского ренессанса» в 20-е гг. С интересным сообщением выступил И. Шупак (Запорожье): «Некоторые вопросы историографии развития еврейских школ в Украине в 20—30-е гг. XX в.». Особенностью этого выступления является то, что в нем были широко использованы труды зарубежных авторов (М. Альтшулера, Ц. Халеви и др.). Выступающий высказал свою точку зрения по вопросу результативности еврейского

образования в 20-е гг. О нравах еврейских земледельческих колоний в 20-е гг. рассказал М. Зябко (Одесса).

Не ослабляется внимание к трагическому периоду Катастрофы. С сообщением о массовых расстрелах евреев Запорожья в 1941—1944 гг. выступил М. Шевелев (Запорожье). Выступающий проанализировал социально-психологические характеристики тех, кто служил в полиции на оккупированной территории, и тех, кто спасал евреев от гибели.

С обзором документов Госархива Херсонской области на тему «Еврейское население Херсонщины» выступила А. Михайлова (Херсон).

О некоторых чертах фольклорно-музыкальной традиции евреев рассказали А. Макаренко (Николаев) и А. Гендлер (Запорожье). В условиях, когда смерть буквально нависла над головой, создавались песни о борьбе, надежде, обреченности. Полные трагизма, звучат слова песни еврейских партизан Варшавского гетто «Никогда не говори, что идешь в свой последний бой». На филологических аспектах языка идиш остановился С. Литвак (Запорожье).

Темой сообщения М. Фельдмана (Киев) была «Еврейская пресса современной Украины». С планом работы Запорожского регионального центра по изучению проблем еврейского населения Нижнего Приднестровья познакомил его ответственный секретарь доцент С. Орлянский. Прежде всего будет и дальше продолжена практика проведения подобных конференций; очередная, четвертая по счету состоится в 1996 г. Началось издание ежегодника «Еврейское население Юга Украины: исследования и документы».

В принятых конференцией рекомендациях подчеркивалась необходимость большего внимания исследователей к теоретической разработке таких важнейших проблем, как содержание понятия «еврейское национальное возрождение»; «еврейская национальная идея» и ее идейно-теоретическая и социально-историческая взаимосвязь с украинской национальной идеей; украинско-еврейские отношения на различных этапах истории; Холокост; антисемитизм и формы его проявления в различные исторические периоды. Конкретно-исторические проблемы необходимо рассматривать с учетом результатов теоретической разработки вышеуказанных проблем. Конференция предложила установить более тесные организационно-научные контакты с отделом еврейской истории и культуры Института национальных отношений и политологии Национальной Академии наук Украины и Научным центром Ассоциации еврейских организаций и общин Украины.

CONTENTS

RESEARCH

Sociology

- V. SOBKIN. **Value Orientations of a Jewish Teenager: A Sociological Prognosis**
 L. ASHKINASI and M. GHIKER. **The Jewish Theme in Soviet and post-Soviet Press
 in 1990—1994 on the Basis of a Content Analysis**

History

- M. GOLDELMAN (Jerusalem). **The Jews in the Ethnic History of the Khazar State**
 G. AGRANOVSKY and R. KOPILEVICH (Vilnius). **When Russia's Jews Adopted
 Surnames**
 N. RAKHMANOVA (St. Petersburg). **The Jewish Problem in V. K. Pleve's Politics**
 L. KRICHEVSKY. **The Jews in the Administration of VChK — OGPU in the 1920's**

Culture

- E. BINEVICH (St. Petersburg). **The Jewish theatre in Odessa. Essay II: In the early
 1880's**
 A. BLOOM (St. Petersburg). **Persecution of Literature in Hebrew by the Censorship in
 the USSR in the 1920's.**

ESSAYS. HISTORICAL PORTRAITS

- V. GESSEN (St. Petersburg). **I. N. Vannikov in the 1920's — the Jewish Theme**
 E. MELAMED (Zhitomir). **From Commentaries on the Concise Jewish Encyclopedia**

ARCHIVES

Publications

- Zionism and the Kishinev Pogrom of 1903.** Publ. by V. Kelner
**«Objectively Developing Economic Catastrophe»: The Jewish mestechki (shtetl) in the
 1920's.** Publ. by V. Khiterer
 A. NYMAN. **Jewish Farming in the Ukraine in the 1930's**
 R. ZAITCHIK. **The Union «Akhim» («Brothers»). Fragments of Reminiscences**

REVIEWS

- A. STEPANSKY. **Historiographic Problems of the History of Russian Jews**
 M. GAMAL and R. KAPLANOV. **Current Research on the Hebrew Pronunciation of
 the East European Karaites**
 L. ASHKINASI. **Review of Karasik V. Jewish Periodicals in Russia 1960—1994.** Tel
 Aviv, 1994

CHRONICLE

- M. KUPOVETSKY. **The First Russian Conference on Judaic Studies the Russian State
 Humanitarian University**
 S. ORLIANSKY. **History of the Jews in the Southern Ukraine: History and Modern
 Times**

SUMMARY

V. SOBKIN

Value Orientations of the Jewish Teenager: A Sociological Prognosis

The author examines the results of a sociological survey carried out in the spring of 1994 among Moscow schoolchildren by the Center of Sociology of the Russian Academy of Education and the Moscow Jewish University.

L. ASHKINASI and M. GHIKER

The Jewish Theme in Soviet and post-Soviet Press in 1990—1994 on the Basis of a Content Analysis

The article presents the data of a content analysis of publications on the subject «Jews» in Soviet and post-Soviet press of 1990—1994. The analysis is based on unique methods.

M. GOLDELMAN

The Jews in the Ethnic History of the Khazar State

On the basis of a vast amount sources, the author presents a hypothesis about the Transcaucasian origin of the Jews who took part in the ethnic history of the Khazar State and who looked upon themselves as descendants of the «lost tribes of Israel».

G. AGRANOVSKY and R. KOPILEVICH

When Russia's Jews Adopted Surnames

While analyzing documents stored in the Lithuanian State Historical Archives, the authors came to the conclusion that the adoption of surnames by Jews did not take place at one time but rather it was a process that extended from the 1840's until the end of the nineteenth century.

N. RAKHMANOVA

The Jewish Problem in V. K. Pleve's Politics

The author considers the program of V. K. Pleve, minister of Interior Affairs, with regard to the resolution of the Jewish problem in 1902—1904.

L. KRICHEVSKY

The Jews in the Administration of VChK — OGPU in the 1920's

The article is based on archival materials that until now were inaccessible for researchers. It deals with a problem that has hardly been investigated — the participation of Jews and other national minorities in the work of the Soviet state security organization.

E. BINEVICH

The Jewish theatre in Odessa. Essay II: In the early 1880's

The article narrates the history of the Jewish theatre in Odessa. It is a continuation of an essay published in the previous number of this journal, 3(7).

A. BLOOM

Persecution of Literature in Hebrew by the Censorship in the USSR in the 1920's.

On the basis of documents preserved in the Leningrad branch of Glavlit, the author traces the history and the inner logic of repressions by the censorship against men of letters who wrote in Hebrew

Лицензия №30528 от 7.05.1993.

Адрес редакции: Москва, Моховая, 9.

Сдано в набор 15.03.1995 г. Подписано к печати 27.05.1995 г.

Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офс. № 1. Печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 16,1.

Тираж 3 500 экз. Заказ 3015.

Типография № 2 ВО «Наука». Москва, Шубинский пер., 6.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Статья представляется в редакцию в двух машинописных экземплярах (1 и 2 экз.) либо в виде четких компьютерных распечаток (формат страницы и количество знаков на ней должны соответствовать машинописной странице). На странице должно размещаться 28—30 строк, напечатанных через 2 интервала, количество знаков в строке — 59—60. Объем статьи 1,5—2 а. л.

Список используемой и цитируемой литературы и архивных источников с комментариями должен быть помещен в конце статьи и пронумерован. Номера ссылок приводятся в тексте над строкой. Библиографическое описание источников дается по действующему стандарту, так, как это принято в современной научной литературе.

К статье прилагается краткое резюме объемом не более 0,5 стр.

Наш адрес: 103009, Москва,
ул. Моховая, 9, комн. № 329
Еврейский университет в Москве
Тел. 203-34-41.

